

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2020. Т. 7. № 4**

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Вена, Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург,
Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

**COMMUNICATION
STUDIES
2020, Vol. 7, no. 4**

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglarian
(St. Petersburg, Russia)

Prof. V.E. Chernyavskaya
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Krongaus
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lassan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Vienna, Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

PhD M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2020. Т. 7. № 4**

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Издается в рамках научного сотрудничества с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Технический редактор Н.В. Москвичёва
Дизайн обложки З.Н. Образова
Переводчик А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72190 от 15 января 2018 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

«Коммуникативные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследования в области коммуникативистики.

К публикации принимаются статьи на русском и английском языках

Включен в перечень ВАК.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, 2 корпус ОмГУ, каб. 221
Тел.: +7(3812)22-98-15

Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>

Дата выхода: 09.12.2020.

Ризографическая печать.

Формат 60×84 1/8.

Заказ 170. Тираж 60 экз.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 94243.

Свободная цена

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

**COMMUNICATION
STUDIES
2020, Vol. 7, no. 4**

Founded in 2014

Published four times a year

Founded by Dostoevsky Omsk State University

The journal is published within the framework of scientific cooperation with Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science (RAS)

Technical editor N.V. Moskvicheva
Design of cover Z.N. Obrazova
Interpreter A.Yu. Yenaryeva

Journal Registration Certificate
ПИ No. ФС77-72190 of January 15, 2018.
Given by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

"Communication Studies" is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of communication science.

The Journal publishes articles in Russian and English

Included in VAC list.

Included in Russian Science Citation Index.

Address of editorial office
office 221, 2nd OmSU corpus, 55a, Mira pr.,
Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7(3812)22-98-15

Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>

Date of publication: December 9, 2020.

Risograph printing.

Format 60×84 1/8.

Order 170. Circulation of 60 copies

United subscription catalog "The Russian Press". Index 94243.

Free price

Published by Dostoevsky Omsk State University

Address of publisher and printing house
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077,
Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие приглашенного редактора 731

From the guest edition.....731

Раздел I. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I. THEORY OF COMMUNICATION

Кронгауз М.А. Screenlife в эпоху карантина..... 735
Лассан Э., Кравцова Л. Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020)..... 745
Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект..... 759

Krongaus M.A. Screenlife in the age of coronavirus lockdown735
Lassan E., Kravcova L. Fear as a motive and motivator of Internet communication (based on 2020 Internet texts)745
Radbil T.B. "Samoizolyatsiya" ("self-isolation") as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect.....759

Раздел II. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ: 2020 г. В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

Part II. DISCOURSE PRACTICES: 2020 REFLECTED IN THE LANGUAGE

Балашова Л.В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В.В. Путина..... 777
Зайцева И.П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г..... 801
Куссе Х. Языковой ландшафт коронакризиса в Германии..... 814
Мюллер А. Об отражении пандемии в разнокультурных лингвистических ландшафтах (на примере элементов публичного пространства Минска, Нюрнберга и Варшавы)..... 846
Савченко А.В., Лай Янь-Цзюнь. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) .. 865
Северская О.И. Ковидиоты на карантинкулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик..... 887

Balashova L.V. Military metaphor as a way of formation of the COVID-19 concept in Vladimir Putin's speech.....777
Zaitseva I.P. "Corona psychosis", "corona skeptics", "covidism", "covidophobia" and other sociolinguistic markers of 2020801
Kusse H. Linguistic landscape of the corona crisis in Germany.....814
Müller A. On the reflection of pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public space of Minsk, Nurnberg and Warsaw)846
Savchenko A.V., Lai Yen-Chun. "Coronavirus neologisms": from vocabulary and phraseology to Internet memes (on the material of the Russian and Chinese languages)865
Severskaya O.I. Covididiots on coronacation: coronavirusal lexicon as a diagnostic field for actual discursive practices887

Раздел III. КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part III. COMMUNICATIVE DIDACTICS

Поletaева О.Г., Панина Т.Г. Формирование коммуникативной компетенции преподавателей в рамках программы повышения квалификации..... 909

Poletaeva O.G., Panina T.G. Training teachers communication skills set during professional development course.....909

<p><i>Фролова Н.М.</i> Коммуникативное моделирование профессиональных ситуаций в довузовском обучении (на примере «Школы молодого журналиста» при Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева).....922</p> <p><i>Шматко М.В., Ткаченко О.Н., Анашкина Н.А.</i> Формирование коммуникативной компетентности у студентов медиакоммуникационных направлений с помощью цифровых технологий935</p>	<p><i>Frolova N.M.</i> Communication modelling of professional situations in pre-university training (on the example of the “School of a young journalist” at Ogarev Mordovian State University)..... 922</p> <p><i>Shmatko M.V., Tkachenko O.N., Anashkina N.A.</i> Training communicative skills set among students majoring in media communication using digital technologies..... 935</p>
--	---

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

Part IV. REVIEWS

<p><i>Богданович Г.Ю.</i> Рецензия на учебное пособие Е.Я. Титаренко «Основы славянской аспектологии» (Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. 118 с.).....951</p> <p>Информация для авторов955</p>	<p><i>Bogdanovich G.Yu.</i> The review of Titarenko’s textbook “Fundamentals of Slavic aspectology” (Simferopol, Publishing house of Crimean Federal University, 2020, 118 p.)..... 951</p> <p>Information for authors 960</p>
---	---

Тематический выпуск

ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ 2020

Thematic issue

LANGUAGE AND COMMUNICATION 2020

**ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА**

FROM THE GUEST EDITION

Тема последнего в этом году номера нашего журнала – «Коммуникация 2020». Очевидно, читателю не стоит мотивировать выбор этой темы: 2020 год можно, перефразируя Дж. Стейнбека, назвать «годом тревоги нашей»: лесные пожары в Австралии, сменившиеся в январе угрозой наводнений и оползней, нескончаемые старые и вновь возникающие военные конфликты, самое большое за всю историю нашествие саранчи в Африке, социальные бунты, повлекшие пересмотр истории (cancel culture), и над всем этим – охватившая мир эпидемия нового вируса, которая уже получила оценку как пандемия. Именно последнее драматическое событие сыграло парадоксальную роль: человек эпохи пост- и постпостмодерна, живущий в состоянии экзистенциального одиночества и социальной атомарности, вдруг ощутил свою общность с социумом перед лицом возникшей опасности. И это единство сказалось в ощущении пребывания в новой эпохе: так определил в своей статье «Screenlife в эпоху карантина» профессор М. Кронгауз переживаемый нами отрезок времени – целая эпоха, изменившая формы коммуникации, в силу которых человек оказался сам по себе разделенным в пространстве: в «зуммированном мире» пользователь Интернета, вовлеченный в процесс передачи и потребления знаний, оказывается пребывающим одновременно в двух пространствах – публичном (где он предстает перед своими слушателями) и частном (свой дом / квартира), антураж которого он может изменять, не выходя из комнаты. Жизнь протекает на экране – эпиграфом к статье М. Кронгауза можно было бы взять известные строки Ю. Левитанского: «Жизнь моя – кинематограф...»

Эпоха коронавируса стала благодатной для лингвистов-лексикологов, позволив им зафиксировать «новояз» этой эпохи: интереснейшие материалы по лексике и фразеологии ковид-эпохи содержатся в исследованиях О.И. Северской («Ковидиоты на карантикулах...»), само название статьи которой не может не побудить к чтению, А.В. Савченко и Лай Янь-Цзюня («Коронавирусные неологизмы»...»), показавших креативные возможности носителей русского и китайского языков на материале неологизмов и мемов и продемонстрировавших как межкультурную общность, так и национальную специфику осмысления опасности, И.П. Зайцевой («Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophorbia»...»), продемонстрировавшей общность языковых процессов в разных культурах. Лингвисты оказались как никогда едины в характере своих наблюдений и избранной тематики, поскольку их специфический объект исследования (язык), составляющий необходимое условие существования человека, словно в зеркале, отразил состояние общества, его умение осмыслять обстоятельства и даже противостоять им. Осмысление явления происходит в достаточно характерной форме: Л.В. Балашова в статье «Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В.В. Путина» показывает, что пандемия концептуализируется в терминах военной метафоры – здесь есть враг, с которым на передовой линии фронта сра-

жаются медики, и где «важен каждый штык». Мы привыкли рассматривать явления, способные причинить нам вред, как врага. Полагая себя когнитивистом, я думала о других возможных способах концептуализации данного явления: напр., сторонники выработки коллективного иммунитета могли бы предложить метафору «коронавирус – санитар человеческого общества», апологеты всеобщего равенства могли бы увидеть в ограничительных мерах властей средство смягчить различие возможностей богатых и бедных («коронавирус – великий уравниватель») – у всех членов общества появляются «равные невозможности»; мне была бы ближе метафора «пандемия – лакмусовая бумажка общества», раскрывающая особенности поведения членов социума с точки зрения проявления ими определенных человеческих качеств. Возможно, такой рефрейминг ситуации еще ждет нас впереди.

Особняком в исследовании лексики эпохи коронавируса стоит статья Т.Б. Радбиля «“Самоизоляция” как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект» – автор совершенно справедливо усматривает в изменении контекста употребления слова «самоизоляция» средство создания неадекватной картины мира: происходит эфемизация обозначения принудительных действий властей по отношению к индивиду.

Говоря в целом о содержании выпуска, можно отметить несколько направлений исследования коммуникации 2020 г.: российские ученые анализируют преимущественно язык и коммуникацию российского общества, зарубежные (Беларусь, Тайвань) – фокусируют внимание на сравнительном сопоставлении языков в отражении пандемии; немецкие ученые (Х. Куссе, А. Мюллер) обращаются к достаточно новому и перспективному направлению – исследованию лингвистических ландшафтов (письменных и визуальных знаков в публичном пространстве) городов.

Статья «Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации» литовских ученых (Э. Лассан, Л. Кравцова) не вписывается в указанные направления, но естественным образом перекликается с ними. Авторы говорят о «страхах 2020», сравнивая их со страхами других периодов и отмечая изменение аксиологической оценки состояния страха – с негативной на нейтральную и даже позитивную. Поле «страха 2020» не исчерпывается боязнью коронавируса – его исследование открывает социопсихологическое состояние общества и несостоятельность некоторых «страшилок» в политическом дискурсе.

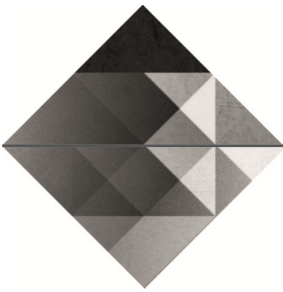
Закljučая, отметим, что, переживая вместе со всем обществом его проблемы, лингвисты продолжают «оставаться на посту» – отстраняясь от обыденности, фиксируют состояние данного человеку богатства – слова, через которое, как сказано в Евангелии от Иоанна, всё началось и без которого ничто не могло начаться.

Э. Лассан

Раздел I

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I

THEORY OF COMMUNICATION

SCREENLIFE В ЭПОХУ КАРАНТИНА

М.А. Кронгауз^{1,2}

¹ Высшая школа экономики (Москва, Россия)

² Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Аннотация: Статья посвящена изменениям в русском языке и коммуникации, произошедшим в период распространения коронавируса и введения карантина и режима самоизоляции. С точки зрения влияния пандемии и карантина на жизнь, язык и коммуникацию, можно говорить о полноценной эпохе, четко очерченной в начале. Наиболее чувствительна к внешним факторам лексика, к тому же лексические изменения – самые заметные для носителей языка. В настоящей статье в фокусе внимания находятся не они, однако рассматривается новое словообразовательное гнездо, связанное с техническим прогрессом в области коммуникации. Анализируется заимствование английского слова *Zoom*, его словообразование на русской почве и развитие семантики. Также отмечается появление целого ряда жестов-касаний со значением приветствия. Основное же внимание уделяется зум-коммуникации, т. е. коммуникации на экране компьютера или иного гаджета. Обсуждается эффективность использования зума для разных типов коммуникации, от бизнес-общения до вечеринок, а также связь эффективности с различными характеристиками коммуникации и ее участников. Вводятся понятия «экранирования», т. е. защиты своего коммуникативного пространства с помощью экрана, и «экранизации», т. е. создания и реализации собственного коммуникативного сценария. Наряду с реальной коммуникацией на экране рассматривается и ее изображение в кино, описываемое термином *screenlife*. Оценивается устойчивость изменений эпохи коронавируса в будущем.

Ключевые слова: изменения в языке, русский язык, Zoom, период карантина и самоизоляции, коммуникация на экране, *screenlife*.

Для цитирования:

Кронгауз М.А. Screenlife в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 735–744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.

Сведения об авторе:

Кронгауз Максим Анисимович, доктор филологических наук, профессор

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 109028, Россия, Москва, Покровский бул., 11

² Почтовый адрес: 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Финансирование:

Подготовлено при поддержке гранта РФФИ 18-012-00712

Дата поступления статьи: 08.10.2020

Дата рецензирования: 11.10.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

Языковые изменения под влиянием внешних факторов

Влияние внешних факторов на язык уже давно стало в лингвистике общим местом. Изменения в культуре, обществе и технологиях влекут за собой изменения в языке, а порой и в коммуникации.

Под пристальным вниманием лингвистов находится язык в периоды глобальных и революционных изменений, но и в другие периоды внешние обстоятельства оказывают давление на язык.

Для русского языка важные исторические изменения в революционный и послереволюционный периоды были достаточно подробно описаны по горячим следам русскими и западными славистами, см.: [Винокур 1925; Карцевский 1923; Селищев 1928; Mazon 1920]. Русскому языку последующих периодов повезло значительно меньше. В СССР эта область практически не развивалась, прежде всего по политическим соображениям. Лишь в 1960-е гг. под руководством М.В. Панова было проведено серьезное исследование русского языка в советском обществе, см.: [Панов 1968]. В США в этот период выходят в свет книги А. и Т. Фесенко, а также Б. Комри и Дж. Стоуна [Фесенко 1955; Comrie, Stone 1978]. И только с началом перестройки в СССР и позже в России снова возникает интерес к исследованию изменений в современном языке. Первые лингвистические монографии, посвященные послеперестроечным изменениям в языке, появились в середине 1990-х гг. [Дуличенко 1994; Земская 1996; Костомаров 1994; Ферм 1994]. В XXI в. обсуждение языковых изменений выходит за пределы научного сообщества и занимает важное место в общественной повестке, и книги на эту тему привлекают широкого читателя, см.: [Кронгауз 2007, 2013; Левонтина 2010, 2015; Фуфаева 2020].

Пандемия и связанный с ней карантин занимают сравнительно небольшое время – заведомо меньше года, – но по влиянию на жизнь, язык и коммуникацию это фактически отдельная эпоха. Исследовать этот период, в том числе с точки зрения лингвистики, еще предстоит, но уже сейчас можно сделать некоторые наблюдения, выявить определенные тенденции и даже предсказать дальнейшее развитие событий. Именно такая попытка и осуществляется в настоящей статье.

В данной статье представлены не результаты последовательного научного исследования, но, скорее, наблюдения над языковыми и коммуникативными тенденциями в эпоху коронавируса, карантина и самоизоляции.

Лексика и невербальный этикет

Наиболее чувствительной к внешним факторам оказывается, как обычно, лексика. К лексическим относятся изменения, связанные с появлением новых слов, новых значений и актуализацией уже существующих слов и значений. Именно эти изменения подробно обсуждаются в бумажных и электронных СМИ¹. Однако не менее важными оказываются и другие изменения, на которые обращают гораздо меньшее внимание. Именно на этом я и сосредоточусь, упомянув лишь одно лексическое изменение. В русском языке появилось и стало активно использоваться слово зум (от англ. Zoom), обозначающее программу для организации видеоконференций, которую разработала компания Zoom Video Communications. Написание этого слова демонстрирует различные стадии освоенности: от *Zoot* к *Зум* и далее к *зум*. Характерно также очень быстрое появление однокоренных слов и выражений с этим словом, отмеченных, в частности, в цитируемом ниже посте в Фейсбуке:

#СловаНедели ЗУМ, ЗУМИТЬ, ЗУМИТЬСЯ – Ещё совсем недавно немногие знали, что такое Zoot – сервис для проведения видеоконференций. Но после перевода многих сотрудников на удалённую работу, а школьников – на дистанционное обучение о «зуме» узнала вся страна. А у слова «зум» появилось большое количество однокоренных производных, – заметили участники ФБ-группы «Словарь перемен». Вот лишь некоторые из них: «Мне пора зумиться, мы отзумились», – говорят школьники, имея в виду дистанционные уроки. «Обзумить» – записать видеоконференцию. «Беззумие» – когда у пользователя нет этого сервиса или когда связь прерывается во время конференции. Не обошлось и без забавных вариаций: «зум на зум не падает» или «горе от зума» (Facebook. Эхо Москвы: «Говорим по-русски». 4.04.2020).

Здесь важно отметить, что для глаголов связь с конкретной программой ослаблена, т. е. *зумить* и *зумиться* можно не только с помощью программы Zoom. Такой же путь прошли, в частности, и такие глаголы, как *ксерокопировать* (*ксерить*) и *гуглить*, оторвавшись от названия конкретной компании. К словообразовательному гнезду с этим корнем следует добавить заимствование *зумбомбинг* и образованные в русском языке *зум-вечеринку*, *зум-встречу* и под.

Фактически этот корень стал обозначать относительно новый тип общения на экране компьютера или другого гаджета, который заслуживает пристального внимания исследователей вербальной и невербальной коммуникации. Прежде чем перейти к обсуждению зум-коммуника-

¹ См., напр.: *Абрамов А.* Словарь эпохи коронавируса: «Ковидиоты на самоизоляции зачали корониалов, зумились и оформили ковидиворс» // Комсомольская правда. 22 мая 2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/27132/4221683>; *Герасюкова М.* Ковидиот, карантины, зумбомбинг: какие неологизмы принес коронавирус // Газета.ру. 20.04.2020 URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/20/13055605/coronawords.shtml>.

ции, сделаю несколько замечаний по поводу невербального речевого этикета в обычной коммуникации.

Нельзя не отметить почти мгновенное появление новых этикетных жестов приветствия как ответ на необходимость соблюдения социальной дистанции и сохранения чистоты рук. Вместо традиционных рукопожатий, объятий, поцелуев появилась целая россыпь жестов-касаний, часть из которых можно оценить как иронические или пародийные, часть – как вполне нейтральные, используемые даже в официальных ситуациях. Ограничусь перечислением (по-видимому, неполным) этих жестов: касание внутренними частями стоп, касание локтями при согнутых руках, касание внешней стороной согнутой руки, касание сжатыми кулаками. Нужно подчеркнуть творческий и игровой характер этих жестов, демонстрирующих одновременно и соблюдение социальных норм и защитных мер, и, с другой стороны, преодоление разобщенности и социальной дистанции.

Коммуникация на экране: экранирование и экранизация

Итак, наибольшие изменения затронули не наш язык, а саму коммуникацию. Большая часть нашего общения переместилась на экран компьютера. Самым активным инструментом стал Zoom, который используется наряду с мессенджерами, Скайпом и т. п. Это слово, как уже сказано, заимствовано в русский язык, где породило целый ряд словообразовательных коррелятов и расширило значение (в первую очередь это касается глаголов).

Сферы применения программы чрезвычайно разнообразны. Зум используется в бизнесе (и вообще для служебных целей), образовании, политике, развлечениях. В служебной сфере с помощью зума можно проводить совещания, заседания, собрания. В образовательной сфере он используется для лекций, семинаров, уроков. В политической сфере с его помощью проводятся дебаты. Наконец, в сфере развлечений зум обеспечивает вечеринки, дни рождения, дружеские встречи.

Коммуникация в зуме отличается от обычной коммуникации несколькими принципиальными чертами. Во-первых, она происходит на плоскости, и визуально нам доступно лишь лицо собеседника (при включенной камере). Таким образом, мы можем говорить о визуальной проекции участников коммуникации на плоскость, что в частности означает невозможность строго определить направление взгляда. Во-вторых, зум приводит к смешению пространств. В процессе коммуникации на экране ее участники одновременно находятся в различных пространствах: в частном и в публичном. Условно говоря, лицо находится в публичном пространстве, на лекции или на совещании, а тело – в частном пространстве, например дома.

В телевизионной передаче «Вечерний Ургант» обе эти характеристики обыгрываются в юмористическом ключе. В выпуске от 12 мая

2020 г. в гости к Ивану Урганту приходят актеры сериала «Безумие» (в названии используется каламбур с амбивалентным разложением этого слова, при одном из которых снова появляется корень зум) – Кристина Асмус и Александр Молочников. Асмус в начале передачи ведет себя странно, поскольку, находясь рядом с Ургантом, общается с ним через зум. Она держит в руках планшет, просит Урганта не смотреть непосредственно на нее, а только через экран, и утверждает, что ей так комфортнее. А Молочников на вопрос, комфортно ли ему, отвечает, что да, но он бы только снял штаны. Возможность официального общения «без штанов» стала предметом многочисленных шуток и карикатур.

Очевидно, что эти характеристики коммуникации по зуму могут рассматриваться как преимущество, условия, предоставляющие коммуниканту дополнительный комфорт.

Зум дает возможность участнику в различной степени выпасть или выключиться из общения различными способами: смотреть на что угодно, получать дополнительную или просто постороннюю информацию и даже выключать микрофон и камеру. Участника коммуникации трудно или невозможно контролировать.

Использование экрана предоставляет, с одной стороны, защиту от остальных коммуникантов, а с другой – средства приукрашивания себя и пространства, в котором мы находимся: можно выбирать фон, ракурс и т. п. Таким образом, можно говорить об «экранировании», т. е. защите себя и своего частного коммуникативного пространства, и своего рода «экранизации» жизни и коммуникации, т. е. создании и реализации собственного коммуникативного сценария. Мы скрываем то, что не хотим демонстрировать, и приукрашиваем то, что хотим показать.

Однако надо понимать, что комфорт и удобство одного участника могут привести к неудобству и дискомфорту других коммуникантов. При обсуждении зума в Фейсбуке тема выключенных камер нередко вызывает дискуссии. Так, одна преподавательница в посте от 8 мая 2020 г. утверждает, что ей мешают читать лекцию черные квадраты на экране, но она не готова нарушать частные границы и просить студентов включить камеры. Другая же возражает, что не готова терпеть коммуникативный дискомфорт и перед занятиями всегда требует включить камеры. Вот пост и несколько реплик этого диалога (имя и фамилия сокращены до инициалов):

ЕВ: А вам тоже кажется не очень комфортным, когда ты перед студентами в ЗУМ – с включенной камерой, а студент – с выключенной? вас тоже утомляет чтение лекций, а особенно – проведение семинара – своему изображению в квадратике?

С другой стороны – это, конечно, неплохой тренинг, духовная практика почти... Но смущает, что ты даже не имеешь права попросить собеседника – показаться, поскольку чужие личные границы – святы.

ГЮ: *А чего это не имеешь? Я прошу всех, кто не в пижаме, включить камеру – и они включают. То есть у меня всегда две трети студентов с лицами.*

ЕВ: *А я вот не могу, стесняюсь о таком просить:(*

Чувствую себя не вправе. Потому что если проигнорируют, то это покажет мою слабость. Лицо терять недопустимо.

ГЮ: *Как странно – совершенно естественная же просьба.*

ЕВ: *<...> которая, увы, исходит от человека, наделенного властью. Такая просьба, увы, не воспринимается как естественная. Я очень трепетно отношусь к студентам. Причем не для взаимности. Это часть профессии. Ответного отношения не жду, но когда взаимно – ценю и очень благодарна.*

ГЮ: *Какая непостижимая для меня жертвенность. Почему их комфорт настолько важнее твоего? Для меня это всегда честная сделка, где комфортно по возможности должно быть обеим сторонам (Facebook. 8.05.2020).*

Еще одно важное свойство зума состоит в том, что переключение реплик и другие коммуникативные реакции в экранном общении замедлены по сравнению с общением традиционным. Таким образом, зум упорядочивает и дисциплинирует коммуникацию, но довольно затрудняет живое общение, в частности наложением реплик нескольких участников. Зум делает коммуникацию более дискретной, что приводит к интересным последствиям. Например, политические дебаты становятся более упорядоченными, собеседники не перебивают друг друга (модератор просто включает микрофоны): слушать и понимать их становится легче, но элементы развлекательности исчезают. Открытые публичные лекции в зуме с добровольными и, значит, мотивированными участниками, как правило, проходят не менее успешно, чем оффлайн, хотя удержать внимание слушателей сложнее. Уроки же в школе по зуму – особенно с младшими школьниками – часто терпят фиаско, поскольку коммуникативный контакт теряется очень легко, и восстановить его не всегда удается. Почти никаких потерь не происходит при переносе в зум деловых совещаний.

Наименее удачным следует признать использование зума для развлекательного общения. Зум-вечеринки, успевшие стать модными в начале карантина, постепенно сошли на нет. Если весной дни рождения по зуму вошли в моду, то уже летом они стали проводиться всё реже.

Исследование коммуникативной эффективности, безусловно, станет одной из важных задач, но уже сейчас можно сказать, что есть виды коммуникации, легко переносимые на экран (лекция с мотивированными участниками), а есть – практически не переносимые (общение с маленькими детьми или шумный бурный разговор). Некоторые виды коммуникации зум улучшает (политическая или научная дискуссия), а некоторые – портит (застольная беседа или игровая коммуникация).

Screenlife в кино и не только

Искусство, в данном случае речь идет об искусстве кино, почти не отстает от реальности.

Совсем недавно появился новый киноформат, в котором всё действие фильма разворачивается на экранах компьютеров, телефонов и других гаджетов. Герои почти не отходят от клавиатуры, общаются в мессенджерах и Скайпе, ищут информацию в браузере. Зритель воспринимает персонажей и действие через экраны устройств и никак иначе.

Для обозначения этого киноформата был предложен термин *screenlife* (англ., букв. «жизнь на экране» или «экранная жизнь»). Термин придумал Тимур Бекмамбетов, продюсер и основатель кинокомпании *Bazelevs*, которая занимается продвижением *screenlife*-фильмов. Слово-сочетание «экранная жизнь» отлично отражает суть подобных картин.

Первые такие фильмы появились за несколько лет до наступления пандемии: «Убрать из друзей» (2015), «Профайл» (2018), «Поиск» (2018).

Однако именно 2020 г. стал переломным для этого формата. В России появилось сразу несколько скринлайф-сериалов, профессиональных и любительских, о жизни в карантине: «Все вместе» Виктории Кравченко (8 серий), «Безопасные связи» Константина Богомолова (8 серий), «Беззумие» Александра Молочникова (8 серий), «Окаянные дни» Семена Слепакова (он один из продюсеров и сценаристов, 10 серий). Причин у популярности этого жанра в 2020 г. две. Во-первых, эти сериалы отражают карантинную жизнь, характерную для этого года. Во-вторых, снимать их можно – в отличие от традиционных форматов – практически не нарушая режим карантина и самоизоляции.

Screenlife, безусловно, перспективный жанр, но поток сериалов выявил и определенные проблемы: жизнь на экране оказалась в значительной степени однообразной, особенно когда речь идет о жизни в карантине. Проекция жизни на плоскость всё же менее интересна, чем трехмерная жизнь. В любом случае следует отметить удачность термина *screenlife*, подходящего не только для киноформата или киножанра, но и для самой жизни в эпоху карантина или, по крайней мере, коммуникации в эту эпоху. Чтобы избежать нежелательного дублирования терминов в двух разных терминологических системах, можно говорить не о *screenlife*, но о *screencommunication*.

Заключение

В заключение нужно сделать несколько прогнозов, касающихся устойчивости произошедших в эпоху карантина изменений в коммуникации. Очевидно, что карантинный опыт коммуникации будет сохранен и распространен. Этот опыт основан, в частности, на техническом прогрессе, достигнутом в этот период. И многие крупные компании, и многие университеты частично переходят на работу в онлайн-формат. Это, в свою

очередь, означает дальнейшее развитие технических средств и программ, обеспечивающих коммуникацию на экране.

Эпоха коронавируса и карантина не только отразилась в некотором количестве новых слов и значений, она революционным образом изменила нашу коммуникацию так, что возвращение на предыдущий уровень стало невозможным.

Список литературы

- Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1925. 216 с.
- Дуличенко А.Д.* Русский язык конца XX столетия. München, 1994. 359 с.
- Земская 1996* – Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. 473 с.
- Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин: Рус. универсальное изд-во, 1923. 72 с.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: из наблюдений над языком современных масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
- Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013. 412 с.
- Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007. 145 с.
- Левонтина И.Б.* О чем речь. М.: АСТ, 2015. 516 с.
- Левонтина И.Б.* Русский со словарем. М.: Азбуковник, 2010. 364 с.
- Панов 1968* – Русский язык и советское общество: социоллингвист. исслед.: в 4 кн. / под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968. Кн. 1: Лексика современного русского литературного языка. 184 с.; Кн. 2: Словообразование современного русского литературного языка. 299 с.; Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. 367 с.; Кн. 4: Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. 212 с.
- Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.
- Ферм Л.* Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994. 236 с.
- Фесенко А. и Т.* Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955. 222 с.
- Фуфаева И.В.* Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М., 2020. 304 с.
- Comrie B., Stone G.* The Russian language since the Revolution. Oxford, 1978. 258 p.
- Mazon A.* Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. Paris, 1920. 88 p.

References

- Comrie, B., Stone, G. (1978), *The Russian language since the Revolution*, Oxford, 258 p.
- Dulichenko, A.D. (1994), *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya* [Russian language of the late 20th century], München, 359 p. (in Russian).
- Ferm, L. (1994), *Osobennosti razvitiya russkoi leksiki v noveishii period (na materiale gazet)* [Features of the development of Russian vocabulary in the recent time (on the material of newspapers)], Uppsala, 236 p. (in Russian).
- Fesenko, A. & T. (1955), *Russkii yazyk pri Sovetakh* [Russian language during Soviet time], New York, 222 p. (in Russian).

- Fufaeva, I.V. (2020), *Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsya* [How are feminine gender-specific called: history, structure, competition], Moscow, 304 p. (in Russian).
- Kartsevskii, S.I. (1923), *Yazyk, voina i revolyutsiya* [Language, war and revolution], Berlin, Russian universal publ., 72 p. (in Russian).
- Kostomarov, V.G. (1994), *Yazykovoï vkus epokhi: iz nablyudenii nad yazykom sovremennykh mass-media* [Language taste of the era: from language observations of modern mass media], Moscow, Pedagogika-press, 247 p. (in Russian).
- Kronhaus, M.A. (2013), *Samouchitel' olbanskogo* [Olbansky's (Runet vernacular) self-study book], Moscow, AST publ., 412 p. (in Russian).
- Kronhaus, M.A. (2007), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown], Moscow, 145 p. (in Russian).
- Levontina, I.B. (2015), *O chem rech'* [What is it about], Moscow, AST publ., 516 p. (in Russian).
- Levontina, I.B. (2010), *Russkii so slovarem* [Russian with a dictionary], Moscow, Azbukovnik publ., 364 p. (in Russian).
- Mazon, A. (1920), *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie*, Paris, 88 p. (in French).
- Panov, M.V. (ed.) (1968), *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo* [Russian language and Soviet society], sociolinguistic research, in 4 volumes, Moscow, Nauka publ., Vol. 1. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Vocabulary of the modern Russian literary language], 184 p.; Vol. 2. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Word formation of the modern Russian literary language], 299 p.; Vol. 3. Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Morphology and syntax of the modern Russian literary language], 367 p.; Vol. 4. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory [Phonetics of the modern Russian literary language. Dialects], 212 p. (in Russian).
- Selishchev, A.M. (1928), *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917-1926)* [The language of the revolutionary era: from observations of the Russian language in recent years (1917-1926)], Moscow, Rabotnik prosveshcheniya publ., 248 p. (in Russian).
- Vinokur, G.O. (1925), *Kul'tura yazyka* [Culture of language], Moscow, 216 p. (in Russian).
- Zemskaya, E.A. (ed.) (1996), *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1985-1995)* [Russian language of the late 20th century (1985-1995)], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 473 p. (in Russian).

SCREENLIFE IN THE AGE OF CORONAVIRUS LOCKDOWN

M.A. Krongaus^{1,2}

¹ National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

² Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Abstract: The article is devoted to changes in the Russian language and communication that appeared during the spread of coronavirus and the introduction of lockdown and self-isolation measures. In terms of the impact of the pandemic and quarantine

on life, language and communication, we can speak of a full-fledged era clearly outlined at the beginning. Vocabulary is the most sensitive to external factors, moreover, lexical changes are most noticeable for native speakers. In this article, they are not in the focus of attention, but a new word-formation nest is considered, associated with technical progress in the field of communication. Among lexical changes the borrowing of the English word “Zoom” is analyzed as well as its word formation on the Russian ground, and the development of its semantics. A number of gestures-touches with the meaning of greeting has been observed. The main focus is on Zoom communication, i.e. communication through the screen of a computer or other gadget. We discuss the effectiveness of using Zoom for different types of communication: from business communication to parties, as well as the relationship of effectiveness to various characteristics of communication and its participants. The future stability of changes in the coronavirus era is evaluated. The concepts of “screening”, that is, protecting own communication space with the help of a screen, and “screen adaptation”, that is, creating and implementing own communication scenario are introduced. Beside real communication via the screen, we also consider its cinematic representation, described by the term screen-life. The future stability of changes in the coronavirus era is evaluated.

Key words: language (communication) change, Russian language, Zoom, lockdown and self-isolation period, screencommunication, screenlife.

For citation:

Krongaus, M.A. (2020), Screenlife in the age of coronavirus lockdown. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 735-744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744. (in Russian).

About the author:

Krongaus, Maxim Anisimovich, Prof.

Corresponding author:

¹ Postal address: 11, Pokrovskii bul., Moscow, 109028, Russia

² Postal address: 6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russia

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Acknowledgements:

Fulfilled with the support of RFBR 18-012-00712

Received: October 8, 2020

Revised: October 11, 2020

Accepted: November 2, 2020

СТРАХ КАК МОТИВ И МОТИВАТОР ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ 2020)

Э. Лассан¹, Л. Кравцова²

¹ Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

² Каунасский технологический университет (Каунас, Литва)

Аннотация: В статье рассматривается говорение о страхе на интернет-страницах 2020 г. Цель исследования заключалась в том, чтобы описать «поле страха», выделив мотивацию субъектов текста о страхе и виды страхов как социально-психологического явления в определенный период. Авторы в исследовании отталкивались от статьи А.М. Пятигорского «Страх из 2009», прилагая тезисы А.М. Пятигорского к страхам 2020 г. В статье выделены определенные виды страхов: медицинский, общественный, технологический и политический. Поле страха структурируется не только по его виду, но и по ролевой модели участников поля – здесь анализируются роли производителей страха, носителей (пациентов) страха и бенефициантов страха. Описывается мотивация исполнителя каждой роли (стремление к власти, успеху, причащению к группе). Авторы приходят к выводу, что медиатизация страха (говорение о нем в широком пространстве «новых медиа») приводит к превращению индивидуального страха в «большой» страх, характерный для целых групп населения, и одновременно – к коммерциализации страха. Как показывает исследование, выдвинутый А.М. Пятигорским тезис о смене ценностной окраски страха подтверждается материалами 2020 г.: страху начинает приписываться позитивная ценность в силу отмечаемых психологами его мобилизующих свойств.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, виды страха, поле страха, ролевая модель участников поля страха, «большой страх».

Для цитирования:

Лассан Э., Кравцова Л. Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 745–758. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).745-758.

Сведения об авторах:

¹ Лассан Элеонора, хабилитированный д-р гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии

² Кравцова Людмила, д-р гуманитарных наук, ст. лектор социальных наук и искусства

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: LT-01513, Литва, Вильнюс, ул. Университето, 3

² Почтовый адрес: LT-44244, Литва, Каунас, ул. А. Мицкявичяус, 37

¹ E-mail: eleonora-lassan@yandex.ru

² E-mail: liudmila.kravcova@ktu.lt

Дата поступления статьи: 08.09.2020

Дата рецензирования: 01.10.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

Введение. «Страх правит миром» [Бердяев 1993: 253]. Он «является неизбежной принадлежностью нашей жизни. Постоянно изменяясь, он сопровождает нас от рождения до смерти» [Риман 1999]. В предлагаемой читателю статье мы будем говорить не об эмпирических (страх перед определенным предметом) или метафизических страхах (тоска перед неизвестным будущим) С. Кьеркегора [Кьеркегор 1993], а о социально-психологических страхах современного интернет-сообщества (Рунета), отражающего в целом состояние современных носителей культуры. О страхе написано невероятно много, обширный обзор литературы о природе страха и его роли в поведении человека дан О.С. Фроловой [Фролова 2006]: автор затрагивает проблему страха в трудах философов, психологов, психоаналитиков, политиков и культурологов. XX в., как отмечает О.С. Фролова, характеризуется многими мыслителями как «столетие страха» – в силу двух мировых войн, диктатур, разрушительной атомной энергии, межэтнических конфликтов и угроз терроризма [Фролова 2006]. XXI в. начался с событий, принесших новые катаклизмы и общественные проблемы, – соответственно, интерес к проблеме страха не остался в прошлом. Среди работ, появившихся после представленного обзора на русском языке или в переводах, мы можем назвать философские исследования Д.Н. Барина [Барин 2018, 2019], Т.К. Касумова и Л.К. Гасановой [Касумов, Гасанова 2014], Г.И. Фаизовой [Фаизова 2010], социологические исследования страхов россиян [Барин 2009; Седова 2010], исследования политических страхов [Кара-Мурза 2015] и, конечно, добротное издание в переводе Ж. Делюмо и Дж. Фрезера «Идентификацию ужаса», имеющую вневременную ценность [Делюмо, Фрезер 2009]. Вместе с тем начинает уделяться внимание и трусости – состоянию, базирующемуся на страхе [Walsh 2014]. Проявлять трусость всегда считалось пороком, но, по К. Уолшу, понятие трусости сегодня крайне размыто и становится предметом манипуляции поступками людей, не способных отличить трусость от мудрой осторожности. При всем многообразии наших представлений о трусости, вызванной страхом, видимо, следует признать наиболее точным определение: «...под воздействием страха не делать того, что должно быть

сделано»¹, – добавим: в соответствии с представлением о моральных ценностях общества. Книга К. Уолша «Трусость: краткая история» дополняет разговор о страхе, с одной стороны, с другой – побуждает к проговариванию страха как средства его смягчения и освобождения человека от чувства стыда за испытываемое состояние.

Объектом исследования в статье являются тексты интернет-коммуникации, в которых идет разговор о страхе или страх продуцируется самой информацией. Учитывая огромный характер материала, касающегося нашей темы, мы ограничиваем его самим пониманием коммуникации как взаимодействия участников, т. е. реальной или потенциальной возможности обмена информацией: Адресант1 → Адресат1 / Адресант2 → Адресат2 / Адресант1. Схема такой коммуникации демонстрирует мену ролей в двустороннем общении. Мы сосредоточиваем преимущественное внимание на текстах 2020 г., о котором в издании «Медуза» было сказано одним из пользователей: *Есть ощущение, что 2020 год кто-то проклял: эпидемия, нашествие саранчи, природные аномалии* (Meduza. 4.07.2020).

Цель исследования: описать «страхи 2020» как социально-культурологическое явление, отраженное в коммуникации, и определенным образом структурировать речевые интернет-практики, порожденные страхом.

Актуальность темы. В 2009 г. появилась статья известного философа А.М. Пятигорского «Страх из 2009», где, в частности, было сказано: «О страхе древнего шумерца мы так же ничего не знаем, как о страхе современного папуаса, а часто и о страхе нашего коллеги или соседа по дому» [Пятигорский 2009: 4]. Позволим не во всем согласиться с известным мыслителем: сегодня о страхах нашего соседа как члена социума мы можем узнать, благодаря социальным сетям, весьма немало. Отметим, что в соцсетях имеется хештег #страх, что говорит о значимости рассматриваемого феномена в сознании пользователей Сети. Почему же с появлением электронной коммуникации разговоры о страхе стали столь интенсивными? Очевидно, здесь следует назвать в качестве основных два фактора:

1) возможность распространения «страшилок» через телевидение², заинтересованное в повышении рейтинга и в привлечении рекламодателей – базовая эмоция соответствует инстинкту смерти, влекущему человека к возможности испытать страх, не находясь с источником страха в одном пространстве;

2) возможность через блоги и форумы Рунета «исповедаться» перед большой аудиторией и найти тех, кто испытывает соответствующие эмоции.

¹ Юдже Дж.Б. Краткая история трусости // Россия сегодня. URL: <https://inosmi.ru/world/20150329/227174979.html>.

² «Машины “страха”» – так назвали современные СМИ участники дискуссии в Сахаровском центре, прошедшей в январе 2020 г.

Говоря о страхе, локализованном во времени, нельзя не отметить, что существуют достаточно постоянные страхи, связанные с медленно меняющимися формами социального поведения (мы не говорим об инстинктивных страхах): страх войны, страх природных катаклизмов, страх насилия, воровства и т. п., – поэтому выделять страхи определенного периода целесообразно в том случае, если они порождены новыми ситуациями, опасность которых отрефлексирована человеком. В этом смысле 2020 г. выдался необычайно урожайным на события, способные посеять новые страхи.

Таким образом, **актуальность исследования** заключается во вписанности означенной темы в создание «картины времени» – о наших страхах будут знать больше, чем знаем мы о страхах древнего шумерца.

Обсуждение. Несмотря на то, что страх, трусость ранее всегда считались постыдным явлением [Бердяев 1993], сегодня человек уже не так стесняется своих страхов – его отчужденность, «покинутость» компенсируются возможностью открыться на страницах Сети (можно под псевдонимом) и найти «сочувствующих советующих». В силу этого огромную роль приобретают психологи, ставшие гуру в вопросе «как жить со страхом» или «как избавиться / преодолеть страх» и на этом основании коммерциализирующие страх – в виде онлайн- и электронных консультаций, ответов на форумах с указанием своих данных и т. п. Так построена сегодня индустрия преодоления страха, в плену которого живет человек. Выглядит такая торговля страхом следующим образом: **Про Страх. Он сковывает и мешает жить. Пора от него избавляться! Чтобы не пропустить интересное, подпишитесь на мои публикации** (www.b17.ru).

В статье «Страх из 2009» А.М. Пятигорский называет основные «страхи» своего детства (1930-е гг.), дифференцированные социально: страх голода, страх ареста, страх туберкулеза, страх войны. Пятигорский отметил парадоксальную вещь: страх – обычный, житейский – начинает приобретать позитивную аксиологическую оценку: «Пусть сколь угодно абсурдно, но в сегодняшнем общественном мнении страх обретает положительный этический статус, статус фактора, объединяющего людей более, чем их разъединяющего» [Пятигорский 2009: 5]. Этот тезис можно подтвердить материалами 2020 г.: **Что делать, если вам страшно: учимся правильно бояться, чтобы достичь успеха** (выделено нами. – Э. Л., Л. К.) (Про бизнес. 8.02.2020). Не преодолевать страх, а объединившись в группу (глагол 1-го лица мн. ч.), «правильно бояться»!

О.С. Фролова в упоминаемой выше работе высказала весьма интересную мысль о том, что страх оказался сегодня плодотворнее надежды. Эта мысль представляется авторам глубоко оправданной: надежда (во всяком случае русская *надежда*) не предполагает активного участия субъекта в собственной судьбе – она редко бывает деятельной и рациональной; страх же, если это не состояние, связанное с непосредственным

созерцанием объекта угрозы (напр., дикий зверь), иногда вызывающим оцепенение и паралич воли, побуждает человека мобилизоваться, чтобы избежать встречи с опасностью или подготовиться к ней. По Фроловой, страх имеет не только сигнальную, но и креативную функцию, с чем мы готовы согласиться.

Возможность говорить о страхе определенного времени, несмотря на константность страха как одной из базовых эмоций человека, открывается в силу того, что та или иная социальная ситуация, происходящие негативные события приносят «новые страхи» – на смену страху голода приходит страх ожирения, страх «поправиться» (обезофобия) – и он выливается на страницы интернет-форумов, напр.: *Испытываю страх поправиться <...> представление о том что цифра перевалит за 55 приводит меня в ужас и я начинаю себя ненавидеть – Наталья 1993 г.; Здравствуй-те, уважаемые психологи! <...> Меня зовут Инга, мне 22 года. Последний год у меня жуткий страх поправиться*¹.

Страх заболеть туберкулезом сменяется канцерофобией: *родственник болен раком – заболею ли я?* (Яндекс.Здоровье), – а в 2020 г. – новым страхом коронавируса: *у меня паника из-за коронавируса* (Women.ru. 6.04).

Страх арестов замещается страхом межличностного насилия: *Как обезопасить себя от домашнего насилия в условиях карантина* (Новая газета. 20.04) – и особенно популярного сегодня кредитно-банковского мошенничества: *Эксперт рассказал, как защитить пожилых людей от интернет-мошенников* (РИА НОВОСТИ. 3.09).

На смену страху войны приходит страх глобального потепления, изменения климата, сделавший столь популярной в 2019 г. Грету Тунберг. Под знаком этого страха, который Пятигорский назвал «макрострахом»², прошел 2019 г., а начало 2020 г. стало в этом отношении продолжением предыдущего: *Одной из значимых тем обсуждения стало в I квартале 2020 года изменение климата и аномально теплая зима. Тема была упомянута в Послании президента Федеральному собранию... а генеральный секретарь ООН... назвал климатические изменения одним из «всадников Апокалипсиса»* (КРОСС).

«Год тревоги нашей» отразился в Рунете достаточно ярко: он открывается множеством материалов со словом *страх*: так, начало января дарит читателям статью «Как преодолеть страх: что это такое и как работает» (Хочу все знать. 5.01). Она содержит дайджест из советов психологов, где подробно рассматриваются причины страха и способы его «приручения», например чаще идти навстречу своему страху, сталкиваясь с объектом фобии. Эту статью разместил некто «Виталий», т. е. обычный

¹ Здесь и далее приводятся тексты с интернет-форумов, датируемые 2020 г.

² «Макрострахом я называю страх, имеющий своим субъектом некоторый абстрактный социум, такой как “планета”, “человечество”, “люди доброй воли” и так далее» [Пятигорский 2009: 3].

пользователь Сети, который осознает потребности аудитории: *Что такое страх? Как бороться со страхом или преодолеть его?* (Яндекс.Кью. 16.01), – оценившей статью на высший балл. «Общий» страх конкретизируется во множестве частных: *Как побороть страх нового и неудачи и не бояться людей? И выйти из зоны комфорта, чтобы устроиться на работу?* (Исповеди. 13.02); *Я жутко боюсь иметь детей* (Исповеди. 11.07). Мы найдем в Рунете множество частных исповедей людей, пытающихся преодолеть тот или иной страх: онкологической болезни, публичного выступления и вообще экзистенциального страха жизни. Так открывается современная «панорама страхов». В попытке преодоления одиночества, перед которым оказался современный человек, он стремится, используя современные возможности, причаститься к социуму, возможно, обуреваемому подобными страхами. Однако гораздо чаще в Рунете встречаются тексты не исповедальной, а назидательной тематики, принадлежащие психологам. В этом отношении можно сказать, что психологи становятся «бенефициантами» страха, поскольку получают определенные дивиденды от состояния своих «пациентов». И в такой коммуникативной цепи (пациент страха → учитель / бенефициант) страх становится и мотивом (страх проговаривается), и мотиватором коммуникации (причащение и успех). Мы опираемся на классификацию мотиваций по Д. Макклеланду [McClelland, Burnham 2001], выделившему три вида мотиваций: стремление к власти, к успеху и желание причащения к некоей группе.

Каковы наиболее частые страхи 2020 г.? Перечислим «российские страхи» по данным опросов двух электронных изданий: *На сегодняшний день жители России больше всего боятся того, что заболеют их дети и близкие. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного «Левада-центром» в марте 2020 года. Этот страх в сильной и очень сильной степени испытывают сейчас почти 80 % опрошенных* (REGNUM. 29.04). Далее идет страх мировой войны / произвола властей и беззакония, страх возврата к репрессиям, потеря работы, стихийные бедствия, старость.

По данным издания «Лайфхакер», опубликованным в Рунете под заголовком «Новые страхи: 5 вещей, которых мы боимся в 2020-м, и как с ними жить» (1.08), к новым страхам относятся: 1) полная виртуализация жизни, что связано с отсутствием непосредственного общения между людьми; 2) новая эпидемия или вторая волна COVID-19; 3) проблемы со здоровьем (*стало реально болеть, не зная об этом*); 4) цифровая слежка и вмешательство в тело человека; 5) планирование жизни и карьеры (страх оказаться без сбережений, страх отпуска в чужой стране).

Здесь можно выделить определенные виды страха по их соотношению с экзистенциально-социальным существованием человека: 1) **медицинские страхи**, угрожающие самосохранению (болезни и старость)¹, 2) **общественные**, несущие угрозу безопасности, свободе и благополучию.

¹ О страхе старости см.: [Лассан 2019].

Действительно «новыми» здесь оказываются **технологические страхи** (виртуализации и чипирования).

Приведенные страхи можно рассмотреть не только с точки зрения их экзистенциально-социального характера, но и по их социальной дифференциации: как представляется, страх виртуализации скорее характерен для жителей городов, нежели сельской местности – по данным Министерства цифровой связи за 2019 г., не подключены к Интернету только 7,9 % сельских домохозяйств, а 65 % Интернет не нужен. Сельские жители выражают сомнение по поводу этих данных – Интернет нужен, но нет технических возможностей (<https://journal.tinkoff.ru/web-village/>).

Страх новой волны коронавируса – назовем его медицинским страхом – следует отнести к общим страхам, хотя жители деревень, очевидно, в меньшей степени ощущают себя в опасности: *жили, как и живем / Спасаемся от коронавируса в деревне* (Яндекс.Дзен. 28.03). Здесь возникает интересный вопрос: можно ли назвать страх эпидемии «макрострахом»? Он действительно характерен для очень большого числа жителей планеты, вместе с тем это страх скорее «животный», физический, не требующий особой рефлексии. Возможно, следует говорить о некоем «большом страхе», приводящем в движение общественные механизмы и рождающем различные теории – как медицинские, так и конспирологические. Вообще сам опрос о страхах исходит из предположения о существовании «общих» страхов, характерных для большого числа членов общества и целых сообществ. Даже страх ожирения перестает быть индивидуальной проблемой, становясь «большим» страхом, – наше время электронной коммуникации превращает «личные» страхи в «большие» страхи, экстраполируя некоторые вещи на интересы больших групп. Так, модное телевизионное шоу «Снимите это немедленно», появившееся в 2004 г. на канале СТС, продолжает свое существование на YouTube-канале, а также появляется и в текстовом варианте на страницах Рунета в рубрике Яндекс.Дзен: *Снимите это немедленно: 5 вещей, которые дешевет ваш образ* (16.05); *Снимите это немедленно: 5 вещей, которые никому не идут* (18.08). Сама форма побудительного высказывания с глаголом множественного числа и наречием *немедленно* побуждает к действию, неисполнение которого влечет опасность оказаться в группе маргиналов. Быть немодным концептуализируется как общественно-социальный страх, о чем свидетельствуют многочисленные анонсы Рунета: *как не отстать от моды и выглядеть стильно. 7 советов молодой маме; совсем я отстала от моды*. Весьма показательным является вопрос на форуме семилетней давности: *в чем забирать ребенка из роддома, говорят сейчас модно в корзинках. так ли это?* (Mail.ru). Понятно, что подобный страх отстать от моды питается индустрией одежды, дизайнерами моды и т. п., которые становятся продавцами (конструируют страх) и бенефициантами этого чувства. Происходит превращение на первый взгляд безопасного для самосохранения

личности явления в причину «большого» страха – желание не выглядеть маргиналом есть реализация потребности в уважении и причащении к группе людей, «идуших в ногу со временем».

Обратимся к новому страху 2020 г. Страх цифровой слежки и чипирования, видимо, характерен для тех, о ком сказал А.М. Пятигорский: «Сегодняшнее производство страха СМИ четко ориентировано на потребителя с ослабленной рефлексией и крайне размытой идеей социальной ответственности» [Пятигорский 2009: 5]. «Торговцы страхом» используют потребность людей в получении адреналина, вырабатываемого страхом, в их извечной жажде найти виноватых, с одной стороны, а с другой – они удовлетворяют свое желание ощущать себя носителями некоего тайного знания, расходящегося со знанием «нормативным»: *Вы уже слышали о чипировании под видом вакцины от коронавируса?* (Яндекс.Район. 7.04).

К вопросу о страхе чипирования причастны и известные люди. Так, Н.С. Михалков в своей программе демонстрирует патент под «демоническим» номером 666 – «числом зверя» согласно Откровению Иоанна Богослова. Главным участником заговора против человечества является, по мнению Н. Михалкова, Билл Гейтс, одержимый идеей сокращения численности населения (YouTube. 2.05). Интернет-коммуникация обеспечивает практически мгновенную обратную связь, и по реакции зрителей этой программы мы можем судить о числе людей, разделивших точку зрения «лектора-просветителя» (10 800 просмотров): *Никита молодец!!! Открыл ящик пандоры; Молодец, началось хоть в высших кругах... Правда необходима! Мы ж не стадо!!!!; Билл Гейтс – слуга дьявола!*

Сказанное выше позволяет структурировать «поле страха» по определенным параметрам:

1) виды страха: **медицинские** страхи (боязнь заболеть), **общественные** страхи и **технологические** страхи, которые, как показывает описание, перекрещиваются с **политическими** страхами (описывается роль мирового правительства, «жидо-масонов» и т. п.);

2) ролевая структура участников: в поле страха действуют **производители страха** (те, кто создают ситуацию и концептуализируют ее как страшную), **потребители страха** (те, на кого направлено воздействие и кто становятся носителями страха) и **бенефицианты** (те, кто получают определенную выгоду от воздействия страхом). Роли могут перекрещиваться: производители страха могут быть и его бенефициантами (например, запугивание людей в политической ситуации мнимой или даже реальной опасностью приносит пользу власти, достигающей определенных целей: массы действуют так, как хочет власть).

Если по указанным параметрам характеризовать текст Н. Михалкова как элемент поля страха, то здесь мы имеем: по виду – технологический страх, совмещенный с политическим; по ролевой структуре – автор передачи выступает производителем страха и бенефициантом, поскольку

ку получает признание (успех) в качестве носителя тайного знания. Производители таких конструируемых страхов пользуются определенным инструментарием: обращением к авторитетным в глазах потребителя источникам, будь то якобы научные материалы или священные тексты.

К. Дуглас и ее соавторы [Douglas, Sutton, Cichocka 2017] называют несколько причин популярности теорий заговоров: эпистемическую (незнание или непонимание происходящего), экзистенциальную (потребность в безопасности) и социальную (поддержание собственного имиджа или имиджа своей группы). В Рунете с 2016 г. появился и до сегодняшнего дня имеет хождение мем «Страшно. Очень страшно. Мы не знаем, что это такое. Если б мы знали что это такое, но мы не знаем, что это такое». Как он появился? В Тульской области случилось нашествие снежных блох. В снятом по этому поводу ролике женщина говорит корреспондентам: *Страшно, очень страшно! <...> Мы даже при своей необразованности можем предположить, что это диверсия какая-то (YouTube)*. Как видим, ответ женщины полностью коррелирует с возможными причинами теории заговоров – неизвестностью и чувством опасности.

Сторонники теории заговоров производят страх особого рода: создают представление о могущественном невидимом враге, о котором человек / человечество должно знать и в ряде случаев направить свои усилия для борьбы с ним. Цели у подобных теорий чаще всего политические: вызвать антипатию к определенным силам и даже направить действия против них. В ролевой структуре поля страха трансляторы или создатели подобных теорий являются производителями страхов, но вполне возможно назвать их и «торговцами страхом». Исходя из реальной неблагополучной ситуации, действительно угрожающей человечеству, они сеют страх, который, будучи многократно преувеличенным («добавочная стоимость» на «страшную» ситуацию), должен мобилизовать «всё прогрессивное человечество» на борьбу с названными виновниками. Мотивацией таких действий можно назвать стремление к власти (над умами) и достижение определенных целей (успех).

Поскольку мы заговорили о политических страхах, то 2020 г. принес нам «белорусские события», на примере которых можно рассмотреть современный политический страх. «Под политическим страхом я подразумеваю переживание людьми возможности определенного ущерба их коллективному благополучию – боязнь терроризма, паника в результате роста преступности, тревога из-за упадка нравственности – или же запугивание людей властями либо отдельными группами. <...> Политический страх... возникает из конфликтов внутри и между обществами» [Робин 2007: 10–11]. Думается, вполне аргументированным выглядит и сделанное И.В. Радиковым дополнение к представленной выше мысли американского политолога К. Робина: «...политический страх – это не просто страх граждан перед властью... это такое состояние заторможенного по-

литического мышления людей, которое не позволяет критически и самостоятельно осмыслить ту или иную ситуацию» [Радиков 2017: 44–45]. Видимо, такая ситуация сложилась в Беларуси в 2020 г., отяготившись некоторыми особенностями белорусского режима и упорным нежеланием власти уступать свои позиции. В таком состоянии противостоящие группы начинают, как это происходит в Беларуси, транслировать одни и те же лозунги. Так, противники Лукашенко, возмущенные избиениями протестующих, обвиняют власть в ее фашистском характере: *В Белоруссии начинается гражданская война. Фашистский режим Лукашенко перешёл к террору населения* (/mylnikovdm.livejournal); *Фашистский путч Белоруссии* (ЖЖ. Марафонец). Обвинения в фашизме весьма эффективны (особенно в Беларуси – партизанском крае во время Второй мировой войны), поскольку само слово в силу исторических обстоятельств обладает крайне негативными коннотациями, с одной стороны, а с другой – необъятно широкими возможностями его использования вследствие полной размытости самого понятия «фашизм» в сознании широких масс, не приученных к употреблению термина «национал-социализм» по отношению к гитлеровскому режиму. Поэтому обвинения в фашизме встречаются обычно в ситуации, где имеет место жестокое насилие по отношению к тем, кого считают противником / врагом, что мотивирует использование этого слова в устах протестующих. Однако и власть находит основание для использования данного слова: протестующие выступают под флагом, который был разрешен в Генеральном округе Белорутения Рейхкомиссариата Остланд (сам флаг ведет свою историю с 1918 г.).

Еще одним инструментом страха («страшилкой») является угроза Майдана. «Майдан» стал в русском языке нарицательным обозначением протестов с негативной коннотацией – по утвердившемуся в российских СМИ (и не только) мнению: «Майдан» привел к хаосу в/на Украине. *Мы говорим, что хотим нового президента, а власть отвечает нам, что тогда будет Майдан. Мы говорим, что большинство белорусов хочет жить в свободной богатой стране, а власть угрожает нам Майданом*, – говорит Светлана Тихановская еще в июле. *Майдан или арабская весна? На что похожи белорусские протесты* (АНТИКОР); *Белорусским властям удалось предотвратить дестабилизацию ситуации в стране, заявил президент Беларуси Александр Лукашенко* (Sputnik Беларусь. 19.06). Разумеется, кроме «фашизма» и «Майдана» существуют другие политические «страшилки»: террористы, иностранное вмешательство, экономическая разруха и т. д. Мы обратили внимание на языковые инструменты запугивания, особенность которых заключается в оперировании размытыми понятиями: в терминах когнитивной лингвистики мы имеем имена фреймов с крайне неясными элементами (слотами) – их использование основано на эксплуатации оценочных, а не дескриптивных элементов. При этом оценочные элементы создаются в рамках определенных идеологических дискурсов,

признаваемых на данном этапе наиболее авторитетными. Так, для большинства носителей языка «Майдан» является символом разрухи и местом торжества украинского национализма. И мало кто знает статью «5 мифов Майдана» Н. Богомолова, где эти мифы развенчиваются¹.

Выводы. Страх как неотъемлемое состояние человеческого существования, сохраняя свою физиологическую и когнитивную сущность, в то же время меняет свой характер – в меняющихся социальных обстоятельствах (2020 г.) новые объекты становятся его источником.

Интернет-коммуникация способствует публичному проговариванию страхов, в силу чего происходит причащение субъектов страха к определенной группе людей, испытывающих те же эмоциональные состояния или специализирующихся на их облегчении. Происходит медиатизация страха – индивидуальный страх превращается в «большой» страх, что позволяет говорить о страхах времени. Страх становится и мотивом, и мотиватором общения.

Страх как эмоциональное состояние несколько меняет оценочную характеристику: акцентируется его позитивная ценность в силу присутствующих ему мобилизующих свойств. 2020 г. укрепил эту тенденцию – смену аксиологической окраски страха.

Ситуацию «большого» страха можно представить в виде поля страха, имеющего определенную структуру. Поле структурируется по: 1) видам страха (2020 г. характеризуется медицинским, общественным, технологическим и политическим страхами); 2) по ролевой модели членов поля: производители / торговцы, пациенты, бенефицианты страха. Каждая роль имеет специфическую мотивацию: стремление к власти, к успеху, желание причащения к группе. Происходит коммерциализация страха.

Производители страха используют определенный инструментарий: обращение к «научным» или сакральным текстам, использование размытых понятий, имена которых обладают негативной коннотацией. «Продавцы» политического страха в 2020 г. пользовались старым инструментарием – словами с размытым значением (*фашизм, Майдан*).

В заключение хотелось бы обратиться к метафоре майдана, ставшей после 2014 г. политической «страшилкой». В 1971 г. будущий редактор перестроечного «Огонька» В. Коротич написал на украинском языке замечательное стихотворение, ставшее гениальным пророчеством будущих битв и страстей: «Переведи меня через майдан» (с рефреном этой строки). В нем старый слепой музыкант просит перевести его через майдан (деревенская немощная площадь, с одной стороны ограниченная полем). Его жизнь прошла в шуме этого майдана, где «торжествуют, бьются и воюют». На этом майдане он встретил свою любовь, здесь погиб его сын. Он хочет уйти и умереть в тишине полей. Но... когда умер сын, ока-

¹ Богомолов Н. 5 мифов Майдана // РБК. 19 февр. 2014. URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2014/03/56bc7eeb9a794701b81d2bdd>.

залось, что за майданом поля нет: *А поля не было, где кончился майдан* (пер. Ю. Мориц).

Стихотворение интерпретируется сегодня по-разному в зависимости от установок интерпретатора. Для нас же в стихотворении В. Коротича «Майдан» – это место жизни с ее любовью и смертью, ее славой и бесславием. И вне майдана нет ни жизни, нирая.

Список литературы

- Баринов Д.Н.* Страх как социальный феномен // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 2. С. 39–48. DOI: 10.5281/zenodo.3236740.
- Баринов Д.Н.* Страх как феномен человеческого бытия // Философская мысль. 2018. № 5. С. 77–82. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.5.24730.
- Баринов Д.Н.* Феномен социальной тревожности: моногр. Смоленск: Рос. ун-т кооперации, Смолен. фил., 2009. 150 с.
- Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 253–357.
- Делюмо Ж.Ж., Фрезер Дж.* Идентификация ужаса / пер. с англ. М. Рыклина. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015. 462 с.
- Касумов Т.К., Гасанова Л.К.* Страхи в жизни и жизнь в страхе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 34–45.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет: [этич. трактаты] / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.Н. Исаева. М.: Республика, 1993. 382 с.
- Лассан Э.* От эйдзизма в языке к геронтофобии в тексте // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 905–919. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).905-919.
- Пятигорский А.М.* Страх из 2009 г. // Неприкосновенный запас. 2009. № 5 (67). С. 3–16.
- Радиков В.И.* Политический страх как фактор современной политики // Власть. 2017. Т. 25, № 4. С. 43–49.
- Риман Ф.* Основные формы страха / пер. с нем. Э.Л. Глушанского. М.: Алетейя, 1999. 330 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=69223&p=1>.
- Робин К.* Страх: история политической идеи / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 363 с.
- Седова Н.Н.* Массовые тревоги и личные страхи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1 (95). С. 135–155.
- Фаизова Г.И.* Роль страха в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2010. 16 с.
- Фролова О.С.* Страх как феномен культуры // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 9. С. 23–29.
- Douglas K., Sutton R., Cichocka A.* The Psychology of Conspiracy Theories // Current Directions in Psychological Science. 2017. Vol. 26 (6). P. 538–542. DOI: 10.1177/0963721417718261.
- McClelland D., Burnham D.* Power is the Great Motivator. Harvard Business Press, 2001. 120 p. (Harvard business review classics).
- Walsh Ch.* Cowardice: a brief history. Princeton: Princeton University Press, 2014. 304 p. DOI: 10.1080/23269995.2015.1032640.

References

- Barinov, D.N. (2019), Fear as a social phenomenon. *Humanitarian Scientific Bulletin*, no. 2, pp. 39-48. DOI: 10.5281/zenodo.3236740. (in Russian).
- Barinov, D.N. (2018), Fear as a phenomenon of human existence. *Philosophical Thought*, no. 5, pp. 77-82. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.5.24730. (in Russian).
- Barinov, D.N. (2009), *Fenomen sotsial'noi trevozhnosti* [The Phenomenon of social anxiety], Smolensk, Smolensk filial of the Russian University of cooperation publ., 150 p. (in Russian).
- Berdyayev, N. (1993), *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Existential dialectics of the divine and human]. Berdyayev, N. *O naznachanii cheloveka* [About meaning of human], Moscow, Respublika publ., pp. 253-357. (in Russian).
- Delumeau, J., Frazer, J. (2009), *Identifikatsiya uzhasa* [Identification of horror], Moscow, Algoritm publ., 240 p. (in Russian).
- Douglas, K., Sutton, R., Cichocka, A. (2017), The Psychology of Conspiracy Theories. *Current Directions in Psychological Science*, Vol. 26 (6), pp. 538-542. DOI: 10.1177/0963721417718261.
- Faizova, G.I. (2010), *Rol' strakha v sovremennom obshchestve* [The Role of fear in modern society], Author's abstract, Ufa, 16 p. (in Russian).
- Frolova, O.S. (2006), *Strakh kak fenomen kul'tury* [Fear as a culture phenomenon]. *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, no. 9, pp. 23-29. (in Russian).
- Kara-Murza, S.G. (2015), *Manipulyatsiya soznaniem. Vek 21* [Manipulation of consciousness. 21st century], Moscow, Algoritm publ., 462 p. (in Russian).
- Kasumov, T.K., Gasanova, L.K. (2014), *Strakhi v zhizni i zhizn' v strakhe* [Fears in life and life in fear]. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 34-45. (in Russian).
- Kierkegaard, S. (1993), *Fear and Trembling*, Moscow, Respublika publ., 382 p. (in Russian).
- Lassan, E. (2019), From ageism in the language to gerontophobia in the text: types of hate in the internet. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 6, no. 4, pp. 905-919. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).905-919. (in Russian).
- McClelland, D., Burnham, D. (2001), *Power is the Great Motivator*, Harvard Business Press, 120 p. (Harvard business review classics).
- Pyatigorsky, A. (2009), Fear from the Year 2009. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 5 (67), pp. 3-16. (in Russian).
- Radikov, V.I. (2017), Political fear as a phenomenon in contemporary politics. *Vlast*, Vol. 25, no. 4, pp. 43-49. (in Russian).
- Riemann, F. (1999), *Basic Forms of Anxiety*, Moscow, Aleteiya publ., 330 p., available at: <https://www.litmir.me/br/?b=69223&p=1>. (in Russian).
- Robin, C. (2007), *Fear*, Moscow, Progress-Traditsiya publ., 363 p. (in Russian).
- Sedova, N.N. (2010), *Massovye trevogi i lichnye strakhi* [Mass anxiety and personal fears]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1 (95), pp. 135-155. (in Russian).
- Walsh, Ch. (2014), *Cowardice. A brief history*, Princeton, Princeton University Press, 304 p.
-

FEAR AS A MOTIVE AND MOTIVATOR OF INTERNET COMMUNICATION (BASED ON 2020 INTERNET TEXTS)

E. Lassar¹, L. Kravcova²

¹ *Vilnius University (Vilnius, Lithuania)*

² *Kaunas University of Technology (Kaunas, Lithuania)*

Abstract: The article considers talking about fear on the Internet pages of 2020. The aim of the study was to describe the “field of fear” highlighting the motivation of the subjects of the text of fear and the types of fears as a socio-psychological phenomenon in a certain period of time. The authors relied on Alexander Pyatigorsky's article “Fear from the Year 2009” attaching A. Pyatigorsky's theses to 2020 fears. The article highlights certain types of fears: medical, social, technological and political. The field of fear is structured not only by its type, but also by the role model of participants of the field – here the roles of producers of fear, carriers (patients) of fear and beneficiaries of fear are analyzed. The motivation of the performer of each role is analyzed. The authors note that the mediatization of fear (talking about it in a wide space of “new media”) leads to the transformation of individual fear into “great” fear, typical to whole population groups and at the same time – to the commercialization of fear. As the study shows, put forward by A. Pyatigorsky the thesis of changing of the value color of fear is confirmed by materials of 2020: positive value begins to be attributed to fear due to its mobilizing properties noted by psychologists.

Key words: Internet communication, types of fear, field of fear, role model of participants of field of fear, “great fear”.

For citation:

Lassar, E., Kravcova, L. (2020), Fear as a motive and motivator of Internet communication (based on 2020 internet texts). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 745-758. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).745-758. (in Russian).

About the authors:

¹ **Lassar, Eleonora**, Doctor Habilitatus of the Humanities, Professor of the Department of Russian Philology

² **Kravcova, Liudmila**, Doctor of Science in Philology, Senior Lecturer at Faculty of Social Sciences, Arts and Humanities

Corresponding authors:

¹ Postal address: 3, Universiteto st., Vilnius, LT-01513, Lithuania

² Postal address: 37, A. Mickevičiaus st., Kaunas, LT-44244, Lithuania

¹ E-mail: eleonora-lassan@yandex.ru

² E-mail: liudmila.kravcova@ktu.lt

Received: September 8, 2020

Revised: October 1, 2020

Accepted: November 2, 2020

«САМОИЗОЛЯЦИЯ» КАК НОВЕЙШИЙ РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Т.Б. Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены рефлексы дискурсивного варьирования слова *самоизоляция* как репрезентанта одноименного концепта в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией коронавируса. Автор исходит из предположения о том, что речевая актуализация коллокаций и свободных словосочетаний, в которые входит лексема *самоизоляция*, позволяет обнаружить имплицитное смысловое расхождение между «официальным», декларируемым социально-политическим содержанием и естественно-языковым представлением в контекстах обыденного употребления слова. В работе показано, что в таких выражениях, как *режим самоизоляции*, *индекс самоизоляции*, *отправить на самоизоляцию*, *принудительная самоизоляция* и др., элиминируется обязательная импликация добровольности данной ситуации, имеющаяся в естественно-языковом представлении слова *самоизоляция* и заложенная в его первоначальном значении в русском языке. Отмечается, что в функционировании лексемы *самоизоляция* вербализуется и клишированно воспроизводится внутренне противоречивая когнитивная модель ситуации законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав. Делается вывод, что дискурсивное варьирование слова *самоизоляция* как выразителя комплекса определенной социально значимой информации в речевой практике современного российского общества эпохи коронавируса имеет все признаки идеологемы и актуализует коммуникативную стратегию эвфемизации с целью вуалирования некоторых негативных сторон сложившейся социальной реальности посредством манипулятивных механизмов апелляции к позитивным ценностям долга перед обществом, моральной ответственности гражданина, социально полезного поведения и пр.

Ключевые слова: концепт «самоизоляция», дискурсивное варьирование, коммуникативная стратегия, репрезентативные контексты, идеологема, эвфемизация, современная русская речь.

Для цитирования:

Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

Сведения об авторе:

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

ORCID: 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID: AAO-6983-2020

Scopus AuthorID: 57210390493

Контактная информация:

Почтовый адрес: 603163, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4

E-mail: timur@radbil.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003

Дата поступления статьи: 14.09.2020

Дата рецензирования: 09.10.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

Введение

Как это уже неоднократно бывало в истории мировой цивилизации, одним весенним утром 2020 г. люди проснулись и обнаружили, что они живут уже в другом мире. В мире, которым управляет коронавирус. Осмысление новой реальности и определяемых ею новых условий коммуникации, конечно, должно было занять довольно долгое время, но одним из первых, как всегда, среагировал наш язык. Сегодня языковое сознание и связанные с ним речевые практики людей обогатились новыми словами и выражениями, за которыми очевидным образом стоят новые форматы знания об изменившейся действительности, новые когнитивные модели и концепты, например само понятие *коронавирус*; также существенным образом актуализовались и по необходимости переосмыслились уже имевшие место ранее, но отодвинутые куда-то на обочину, в неактивную зону «языкового существования» лексемы типа *пандемия*. В этом ряду свое почетное место занимает слово *самоизоляция* как языковой репрезентант одноименного концепта.

Наш язык – вообще великий диагност, он не просто свидетельствует об изменениях в нашей картине мира, он иногда вытаскивает на поверхность то, о чем мы на сознательном уровне даже и не подозреваем. Как мы покажем далее, это утверждение справедливо и для слова *самоизоляция*, которое явным образом претендует на статус новейшего русского культурного концепта, несмотря на то, что является словообразовательной калькой и принадлежит к фонду интернациональной лексики. Всё сказанное выше определяет актуальность предлагаемого исследования.

Цель исследования – проанализировать рефлексы дискурсивного варьирования лексемы *самоизоляция* как репрезентанта одноименного концепта в речевой практике современных носителей русского языка для выявления особенностей его концептуального содержания, в том числе – наличия имплицитного смыслового расхождения между «официальным», декларируемым социально-политическим содержанием и естественно-языковым представлением в контекстах обыденного употребления слова.

Описание материала и методов исследования

Исследование социально значимых понятий, входящих в дискурсивные практики носителей языка новейшего времени, опирается, с одной стороны, на уже сложившуюся технологию анализа концептов культуры, представленную в работах ученых нижегородской концептологической школы [Радбиль 2018], и лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке [Радбиль, Рацибурская 2017]. С другой стороны, следует учитывать и специфику исследуемого языкового материала, который представлен контекстами употребления иноязычной по происхождению лексемы, входящей в фонд интернациональной лексики. Явления подобного рода исследуются с опорой на идеи «импорта концепта», представленные в работах В.И. Карасика: часто, особенно в наше время, импортированные концепты попадают в отечественное социокультурное пространство немотивированно, без семантической или коммуникативно-прагматической необходимости, просто как дань моде. Однако при этом они могут выступать свидетельством некоторых значимых явлений в ментальной сфере этноса в указанный хронологический период [Карасик 1996]. Кроме того, социально-политический аспект в содержании и функционировании исследуемого концепта требует применения специфической исследовательской техники анализа слова как идеологемы [Радбиль 1996].

Коммуникативно-дискурсивный аспект методики предпринятого исследования находит свое выражение в установке на обнаружение и интерпретацию так называемых «репрезентативных концептов» [Русский язык начала XXI века... 2014], в которых проявляется определенный не всегда осознаваемый в полной мере говорящими оценочный потенциал, «смысловая аура» [Вежбицкая 1997] анализируемого слова. Подобный анализ позволяет выявить различие ценностей индивидуального или социально-группового характера, которые выступают как феномены экстралингвистические, привносимые в узус авторитетными социальными движениями, политическими течениями или «давлением» СМИ, и ценностей, которые непосредственно закреплены в сфере лексической и грамматической системы национального языка или речевой практики, узуса. Примечательно, в частности, глубокая характеристика подобной ситуации несовпадения – и даже полного расхождения – требований идеологии опре-

деленной части общества и налично существующей системы смыслов и оценок в языке, данная в книге Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999]. Отметим в этой связи, что в зарубежной лингвистике уже доказал свою востребованность научный инструментарий исследования подобных неосознанных «семантических аур слова» – речь идет о контекстуально-просодической теории, разработанной Б. Лоу, которая основывается на исследовании глубинной семантики слов или словосочетаний посредством фронтального анализа контекстов их вхождений в референциальных корпусах данного языка [Louw, Milojkovic 2016].

Материалом исследования являются: (1) лексикографические источники – Словарь современного русского литературного языка (БАС-13, 1962), «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (СЕ-I/II, 2000), словарь-справочник «Новые слова и значения» (НСИЗ, 1971) и онлайн-источник «Викисловарь» (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>), по которым приводятся основные значения лексемы в предшествующие периоды развития языка; (2) источники текстового материала, включая контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) и из выборки, полученной по данным собственного интернет-мониторинга автора, по которым приводятся репрезентативные контексты употребления лексемы *самоизоляция* и однокоренных лексем в разные периоды развития языка (хронологические рамки – от 30–40-х гг. XX в. до наших дней).

Представление результатов исследования

Для лингвистов вообще крайне редкой является счастливая возможность точно атрибутировать дату появления того или иного слова. Однако по слову *самоизоляция*, по данным сетевого проекта о русском языке «Бюро Марины Королевой», мы можем сказать, что оно в русскоязычных новостных материалах в интересующем нас употреблении впервые фиксируется 8 марта 2020 г. (<https://www.facebook.com/marinakoroleva.org>). Однако, разумеется, это не настоящее рождение данного слова. Это, если можно так выразиться, его «второе рождение», или даже «перерождение».

Слово *самоизоляция*, пусть и не очень активно, всё же присутствовало в дискурсивных практиках говорящих на русском языке, как минимум, начиная с 1930–1940-х гг. – см. пример из НКРЯ: *Глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми; разрыв этих связей, самоизоляция опустошают ее* (С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Части 4–5 (1940)).

В основных русских толковых словарях данное слово вообще не фиксировалось. Упоминание о нем имеется в словаре-справочнике (НСИЗ, 1971). Его значение во многом определяется обобщенной семантикой словообразовательной модели, которая в «Русской грамматике» характеризуется как способ чистого сложения; посредством данного способа «образуются существительные с интерфиксом (в том числе нулевым), слово-

образовательное значение которых сводится к объединению значений основ мотивирующих слов в одно сложное значение» [Русская грамматика 1980: 242]. По семантическому соотношению мотивирующих основ эти слова составляют два подтипа. Нас здесь интересует подтип (2), в который входят сложные слова с **подчинительным (неравноправным)** отношением основ. Они содержат опорный компонент – существительное (немотивированное или аффиксальное) и предшествующую основу с уточнительной, конкретизирующей функцией. Далее в § 551 указывается: «Наиболее частотны в подчинительных сложениях следующие первые компоненты: а) *само-* (основа местоименного прилагательного *сам*) в сложениях, называющих действие, направленное на того, кто его производит: *самокритика, самопроверка, самооценка, самоуслаждение, самообслуживание* (нов.), *самодисциплина, самообразование, самохарактеристика, самосев* (спец.); *оказ. самоковыряние* (Тург.)» [Русская грамматика 1980: 242].

Идеи направленности действия субъекта на самого себя заложена в подобных сложных словах посредством словообразовательной семантики префиксоида *само...*, которая в БАС трактуется следующим образом: «Первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) направленность действия (называемого второй частью слова) на самого себя, напр.: *самоанализ, самобичевание, самоконтроль, самолюбие* и т. п.; 2) совершение действия: а) непроизвольно, само собой или самостоятельно, без постороннего: *самозарождение, самоуплотнение* и т. п.; б) автоматически или механически, напр.: *самодвижущийся, самозарядный, самоход* и т. п.» (БАС-13, 1962). Нетрудно видеть, что в интересующем нас случае реализовано значение (1) ‘направленность действия (называемого второй частью слова) на самого себя’.

С лингвокогнитивной точки зрения само по себе действие направлено на самого себя быть не может, потому что данное действие должен кто-то осуществлять. Поэтому уточним, что в данных случаях, скорее, реализована концептуальная схема ‘субъект действия направляет действие по значению глагола *изолировать* на самого себя’ (иными словами, субъект по тем или иным причинам сам себя изолирует от чего-либо / кого-либо). Субстантивный способ грамматического представления данного действия свидетельствует о том, что мы имеем дело с номинацией или результата действия (*изолировать самого себя*), или состояния, наступившего в результате действия, или характеристики процесса действия и т. п.

Для слов с акциональной семантикой (семантических предикатов [Арутюнова 1999]) подобная концептуальная схема рассматривается как когнитивная модель ситуации, трактуемая в духе работы [Кустова 2004]. Для когнитивных моделей ситуации указанного типа характерны две группы импликаций: импликации в зоне субъекта действия или отношения и импликации в зоне объекта. В нашем случае субъект и объект совпадают. В целях нашего исследования важно, что для когнитивной моде-

ли ситуации, стоящей за словом *самоизоляция* в его первоначальном значении, можно отметить следующую импликацию, обязательную для правильного употребления слова: субъект действует целенаправленно и сознательно, говоря словами А. Вежбицкой, по доброй воле.

Указанная общая концептуальная схема, или когнитивная модель ситуации, может быть реализована в нескольких типах употребления слова *самоизоляция*, отражающих его исходную, первоначальную семантику в русском языке. Условно будем различать два базовых типа: (1) **индивидуально-личностный** (когда речь идет о самоизоляции личности) и (2) **социально-политический** (когда речь идет о политике изоляционизма со стороны какого-либо государственного, политического или социального образования). В свою очередь, первый тип можно также условно подразделять на два подтипа: (1.1) когда речь идет о физической самоизоляции индивида, пространственном или двигательном ограничении; (1.2) когда речь идет о психологическом переживании нежелания с кем-то видаться, общаться, о погружении в себя и отстранении от внешнего мира (внутренняя самоизоляция, которая может и не сопровождаться внешними ограничениями на перемещения в пространстве).

Все указанные типы и подтипы употребления реализуются в русской речевой практике уже в «советский» период с 30-х по 80-е гг. XX в., о чем свидетельствуют данные НКРЯ:

– **подтип употребления 1.1:** *Как-то раз, в августе, когда я «сидел» уже много месяцев совсем один, был болен, не ходил на прогулки и почти весь день лежал (по предписанию врача) – пришло мне от скуки в голову испробовать, как проведу я ровно неделю добровольной самоизоляции (Р.В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (1934–1944));*

– **подтип употребления 1.2:** *Тем более, что эпоха подпольного бытия невольно прививает людям сектантскую узость, нетерпимость, болезненную страсть к самоизоляции (В.М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953));*

– **тип употребления 2:** *Здесь, как говорится, надо держать ухо востро, но это не значит, что мы должны пойти на самоизоляцию, которая выгодна только крупным империалистическим державам, лидерам капиталистического мира, таким, как Соединенные Штаты Америки (Н.С. Хрущев. Японский синдром (из «Воспоминаний») (1969) // «Огонек». № 16, 1991).*

Примечательно, что эти же три значения (в нашей терминологии – три типа употребления), правда, на наш взгляд, в несколько нелогичном порядке, отражает и «Викисловарь» – единственный словарный источник (пусть и неакадемического типа), в котором вообще хоть что-то говорится о семантике лексемы *самоизоляция*: «(1) изоляция, обособление себя от других; (2) *полит.* то же, что изоляционизм; политика изоляции государства, страны, экономики; искусственное возведение барьеров, препят-

ствующим развитию внешней торговли, внешнеэкономического сотрудничества; (3) *психол.* отстранение от внешнего мира» (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>).

Это доказывает, что и в постсоветскую эпоху, начиная с 1990-х гг. и вплоть до нашего времени, до наступления эры коронавируса, в речевой практике носителей русского языка последовательно актуализовывались только эти два типа употребления (включая два подтипа внутри первого типа), см. примеры из НКРЯ:

– **подтип употребления 1.1:**

• *И не только «Конфликт», «Адажио», но вот сверхактуальными стали «Выкрутасы», в которых человек закручивает-ограждает проволокой свой дом, в **самоизоляции** превращая в «железо» себя и близких* (Лариса Малюкова. Общество отшвартовывается от пристани «Государство» // Новая газета, 2015.12.21);

• *Временная **самоизоляция** от мирской суеты плюс пенная ванна помогут сохранить душевное спокойствие и готовность к решению последующих задач* (Бастрич Александра. 18 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА // Труд-7, 2008.01.18);

• *Словом, жизнь наша настолько безобразна, что основная задача всякого сознательного человека (то есть сознающего себя в качестве высшего существа) есть **самоизоляция** от подступающей с разных сторон действительности* (ВЯЧЕСЛАВ ПЬЕЦУХ. ВЕСНА В ДЕРЕВНЕ // Труд-7, 2005.05.19);

– **подтип употребления 1.2:**

• *Тем не менее тяга к определенной замкнутости, даже **самоизоляции** от богемных кругов не помешала ему получить известность по обе стороны океана* (Дмитрий Смолев. «Чужое» и «свое» Николая Фешина // Известия, 2012.05.15);

• *В первую очередь – это замкнутость и стремление к **самоизоляции**, особенно, если человек раньше был общительным* (Дарья ВАРЛАМОВА. Россия находится на третьем месте по числу подростковых самоубийств // Комсомольская правда, 2011.11.30);

• *Если сюда добавятся резкая смена настроения от истерики до депрессии, возросшие раздражительность и враждебность даже к членам семьи, стремление к **самоизоляции** и постоянная ложь – это уже серьезно, – говорит Валентина Исакова* (Данилкин Александр. Недетская отравка // Труд-7, 2009.11.12);

– **тип употребления 2:**

• *Для Узбекистана, долгое время находившегося в **самоизоляции**, принципиально важно если не решить, то хотя бы обозначить готовность решать сложнейшие водные и пограничные проблемы* (Елена Егорова. «Такого никогда не было!»: Путин принял президента Узбекистана паразитально пышно // Московский комсомолец, 2017.04.05);

• *Напомним, что в с начала марта КНДР резко активизировала дипломатические усилия и фактически вышла из дипломатической **самоизоляции*** (Михаил Коростиков. КНДР не просила гуманитарной помощи в ходе последних встреч с Китаем, Россией и Южной Кореей // Коммерсант, 2018.04.12);

• *Но история показывает, что страны, выбирающие **самоизоляцию**, выключают себя из жизни и впадают в отсталость* (Беседовал Александр Зайцев. «Хватит ходить стенка на стенку» // lenta.ru, 2016.07.15).

Также нелишне будет отметить, что начиная с 2000-х гг. в запросе на слово *самоизоляция* в Национальном корпусе русского языка примеры даются только в газетном корпусе – всего 134 вхождения, с явным преобладанием социально-политического типа употребления над индивидуально-личностным (116 против 18). Это свидетельствует о том, что в целом до настоящего времени доминировало «политическое» значение слова как термина политического дискурса.

Однако всё изменилось весной 2020 г., когда мы отметили день второго рождения (или перерождения) слова *самоизоляция*. Первоначально новое значение этого слова проникает в медийный новостной дискурс из англоязычных mass media, а само слово выступает, видимо, как словообразовательная полукалька с английского *self-isolation*. Это его новое значение, которое заложено со стороны официального дискурса власти, толкуется в сетевом проекте о русском языке «Бюро Марины Королевой»: ‘добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’. Не менее важен и комментарий к «новому значению» слова *самоизоляция* в этом же интернет-источнике: *Что еще важно: если судить по примерам из Нацкорпуса, у слова «самоизоляция» до сих пор был легкий негативный шлейф. Самоизолировать (для государств, для режимов, для наций) – это плохо! И вдруг – новая «самоизоляция». Теперь «самоизолировать» – это похвальное действие, общественно-полезное, общественно-одобряемое. Тот, кто «самоизолировался» – помог себе и другим. <...> Теперь самоизолировать можем не как раньше, а «в хорошем смысле»* (<https://www.facebook.com/marinakoroleva.org>).

Весь указанный выше комплекс смыслов также в некотором отношении может быть назван «социально-политическим», хотя сегодня он и применяется не для обозначения политики государственных образований, а для номинации ситуации в жизни людей. Это значение, которое исходит из официальных источников в нужном для политической ситуации направлении. И это, в определенном смысле навязываемое сверху значение неизбежно приходит в противоречие, с одной стороны, с исконной языковой семантикой слова *самоизоляция*, которая опирается на законы русского языка, на узус и на тот гумбольдтовский «дух языка», о котором любил говорить В.Г. Гак [Гак 1966], а с другой стороны, с самоощущением говорящих на русском языке людей, которые чувствуют, что что-

то не так с этим словом, и уж никак не воспринимают его «как похвальное действие, общественно-полезное, общественно-одобряемое», как что-то «в хорошем смысле». Подобную ситуацию в неофициальном узусе на примере польского языка А. Вежбицкая в свое время трактовала в терминах «языковой самообороны» [Вежбицкая 1993].

В наших работах прежних лет показано, что определенный смысловой и оценочный конфликт между предлагаемым в официальном дискурсе и реальным значением слова характерен для употребления слова как идеологемы. Когда какое-либо слово или выражение переходит из режима обычного функционирования в режим «идеологемного» употребления, сигналами подобного «перехода» являются размывание исходной номинативной семантики слова и возникновение внутреннего алогизма или противоречия, не рефлекслируемого носителями языка при стандартном речевом автоматизме в общем бездумном использовании авторитетного, социально значимого слова как знака языковой моды [Радбиль 1996].

Лексема *самоизоляция* в этом смысле имеет все признаки идеологемы. При любом типе употребления, как уже было показано, для правильной, сообразной с логикой национального языка интерпретации когнитивной модели ситуации самоизоляции, неважно – с положительной или отрицательной оценочностью, существенна импликация добровольности. Именно с этим смысловым компонентом дискурсивное варьирование нового концепта *самоизоляция* испытывает наибольшие проблемы.

Чаще всего указанный нерелекслируемый алогизм (могущий при определенных условиях приводить и к когнитивному диссонансу) проявляется при образовании **коллокаций** – устойчивых выражений внутренне противоречивой природы, которые регулярно воспроизводятся в готовом виде, а не создаются путем индивидуальной языковой активности говорящего, как это обычно бывает со свободными словосочетаниями и предложениями.

Ниже на материале русскоязычного сегмента Интернета рассмотрим несколько таких примечательных коллокаций, элиминирующих идею добровольности из естественно-языкового значения слова *самоизоляция*.

Отправить на самоизоляцию: *Врач рекомендовал **отправить** родителей школьников на самоизоляцию* (<https://rg.ru/2020/09/03/reg-ufo/>). – Семантика глагола *отправить* в этом контексте ‘направлять, посылать кого-л., что-л. с какой-л. целью, с поручением; командировать’ (СЕ-I, 2000), с ярко выраженной импликацией принудительности этого действия для его реципиента в когнитивной модели соответствующей ситуации, противоречит идее добровольности, заложенной в модели когнитивной ситуации самоизоляции.

Индекс самоизоляции: *Индекс самоизоляции «Яндекса» в Екатеринбурге в первую неделю апреля был 3,1, прошлая неделя – 1,4–1,5. А вот цифры по Самаре: с 1 по 5 апреля индекс самоизоляции вырос от 3,4 до от-*

метки в 3,9. Прошлая неделя – 1,4–1,6 (<https://www.bfm.ru/news/444449>). – Составное наименование – терминосочетание *индекс самоизоляции* – означает количественный параметр, который измеряет количество людей, нарушивших законодательно установленные ограничения на пребывание в общественных местах, просто вне места жительства, на заранее определенный промежуток времени (время суток, день, неделя и пр.). Нетрудно видеть, что представление самоизоляции как измеряемого, а значит, чувственно воспринимаемого явления вполне вписывается в модель концептуально-метафорического овеществления абстракции [Лакофф, Джонсон 2004], что приводит к некоторому алогизму в рецепции данной сущности, так как входит в определенное противоречие с языковой семантикой данного слова, которая не предполагает возможности параметрического представления в терминах *больше / меньше*.

Режим самоизоляции: Как соблюдать режим самоизоляции? (<https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/isolationquestions/>). – Здесь не менее любопытна и семантическая эволюция слова *режим* в разных контекстах употребления указанной коллокации. Нетрудно видеть, что в приведенном выше примере данное слово употреблено в значении ‘точно установленный распорядок жизни, занятий’ (СЕ-II, 2000), в том же значении, что и в коллокациях *постельный режим, режим дня* и пр.

Однако широко известно и «политическое» значение этой лексемы ‘метод правления’ (СЕ-II, 2000), которое имеет, как правило, явно негативно-оценочный оттенок ‘принудительно введенный властью порядок проведения, осуществления чего-либо гражданами’. Именно к этому значению тяготеют контексты употребления коллокации *режим самоизоляции*, связанные с определением органами высшей или муниципальной власти сроков нахождения на самоизоляции:

- **Режим самоизоляции в столице будет отменен со вторника** (<https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/6573050/>);

- **Жители Московской области в возрасте от 65 лет, а также те, кто страдает хроническими заболеваниями, должны продолжить соблюдать режим самоизоляции до 9 августа, следует из постановления губернатора региона Андрея Воробьева** (<https://www.interfax.ru/russia/718715>).

Реальность имплицитной семы ‘принудительность’ в коллокации *режим самоизоляции* доказывается возможностью ее экспликации в ряде контекстов посредством прилагательного *принудительный* и близкими по значению словами, напр.: *С сегодняшнего дня режим принудительной самоизоляции начинает работать* (<https://www.business-gazeta.ru/article/63398>).

В случаях подобного рода мы имеем дело с подлинными языковыми аномалиями, согласно Ю.Д. Апресяну. В отличие от логического противоречия, которое порождается столкновением антиномических смыслов на эксплицитном уровне словарных толкований (типа *круглый квадрат*,

холодное тепло и пр.) и потому с легкостью может непротиворечиво интерпретироваться в режиме косвенного речевого акта (*живой труп*), подлинная языковая аномалия по модели противоречия порождается столкновением эксплицитного смысла с неассертивными компонентами (пре-суппозицией, модальной рамкой, импликацией и пр.) или противоположностью между двумя неассертивными смыслами [Апресян 1995].

Разумеется, два указанных типа условий порождения языковой аномалии могут реализовываться не только в контекстах употребления коллокаций. Употребление слова *самоизоляция* и в свободных сочетаниях также демонстрирует эффекты языковой аномальности:

1. Столкновение эксплицитного смысла с противоречащим ему неассертивным компонентом (импликацией): *Вынужденная самоизоляция в очередной раз показала, что практически все можно делать онлайн* (<https://style.rbc.ru/impressions/5f19982e9a79477000272fd7>). – Здесь эксплицитное значение слова *вынужденный*: ‘1. Совершаемый по принуждению, не добровольный. 2. Вызванный какими-л. условиями, обстоятельствами’ (СЕ-I, 2000) – противоречит импликации ‘добровольный’ в значении лексемы *самоизоляция* (это можно видеть, если сделать простой логический анализ словосочетания *вынужденная самоизоляция* методом подстановки толкований вместо самих лексем ‘совершаемое по принуждению, недобровольное добровольное изолирование себя от внешнего мира’).

2. Столкновение двух противоречащих друг другу неассертивных компонентов: *В Самарской области самоизоляцию продлили до 16 июня* (<https://63.ru/text/politics/2020/06/08/69303838/comments/60850503/>). – Здесь входят в противоречие две возможные интерпретации данного высказывания за счет взаимоисключающих импликаций когнитивной модели ситуации, стоящей за неопределенно-личным употреблением глагола *продлили*: (1) ‘кто-то (внешний по отношению к субъекту самоизоляции агенс, например власти) продлил самоизоляцию граждан без их на то соизволения’; (2) ‘граждане сами добровольно продлили свою самоизоляцию’. Причем в данном контексте это противоречие не осознается, так как по умолчанию выбирается только первый вариант интерпретации, который как раз внутренне противоречив сам по себе, так как не учитывает импликации добровольности, обязательной для естественно-языкового представления концепта «самоизоляция».

В целом отметим, что и в коллокациях *отправить на самоизоляцию*, *индекс самоизоляции*, *режим самоизоляции* и под., и в контекстах свободной сочетаемости для лексемы *самоизоляция* вербализуется и клишировано воспроизводится внутренне противоречивая когнитивная модель ситуации законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав на срок, определяемый опять же не гражданами, по их внутренней потребности, а законодательным образом.

Выводы

Проведенный анализ показал, что дискурсивное варьирование слова *самоизоляция* как выразителя комплекса определенной социально значимой информации в речевой практике современного российского общества эпохи коронавируса имеет все признаки идеологемного функционирования в рамках коммуникативной стратегии эвфемизации [Шейгал 2004] – вуалирования некоторых негативных сторон сложившейся социальной реальности посредством манипулятивных механизмов апелляции к позитивным ценностям долга перед обществом, моральной ответственности гражданина, социально полезного поведения и пр. Похоже на то, что многие новые коронавирусные идеологемы хорошо вписываются в модели подобных коммуникативных стратегий, описанных еще в знаменитом романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984»: в «новоязе» (newspeak) за войну, например, отвечало учреждение, именуемое Министерством Мира, и под.

С собственно лингвистической точки зрения явления подобного рода рассматриваются как языковые, а именно лексико-семантические, аномалии. Согласно Ю.Д. Апресяну, языковая аномалия залегает глубже, чем логическое противоречие, она касается сферы речевого автоматизма, бессознательного уровня и потому труднее обнаруживается и рефлексится носителями языка [Апресян 1995].

С лингвокогнитивной точки зрения в этих случаях можно говорить об определенном искаженном представлении в словесном знаке связей и отношений между явлениями окружающей действительности, что в наших работах прошлых лет трактуется как рефлекс неизбежной мифологизации языковой картины мира личности и социума при клишированном идеологемном употреблении социально значимых слов и выражений эпохи [Радбиль 1996].

С коммуникативно-дискурсивной точки зрения в этих случаях мы имеем дело с невольной вербализацией противоречащих друг другу, взаимоисключающих коммуникативных намерений (интенций, иллокуций и пр.), что потенциально нарушает принцип коммуникативного сотрудничества и может приводить к недопониманию, к разного рода коммуникативным провалам в речевом взаимодействии.

Практическое приложение результатов исследования

Полученные результаты могут быть внедрены в вузовский образовательный процесс – в преподавание специальных дисциплин по изучению активных процессов в русском языке новейшего периода [Русский язык начала XXI века... 2014], а также применяться в работе по составлению словарей концептов культуры нового типа по образцу [Степанов 1997], в теоретических исследованиях коммуникативных стратегий и, соответственно, в медийной практике, рекламных кампаниях и PR-проектах [Иссерс 2020], в лингвистических экспертизах по выявлению социально значи-

мой информации имплицитного типа в спорных текстах [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014].

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Избр. тр.: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 769 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 885 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
- Вежбицкая А.* Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.
- Гак В.Г.* Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Ленанд, 1966. 336 с.
- Иссерс О.С.* Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.
- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: ВГУ, 1996. С. 3–16.
- Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / ред., предисл. и пер. с англ. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 254 с.
- Радбиль Т.Б.* Когнитивистика. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2018. 374 с.
- Радбиль Т.Б.* Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
- Радбиль Т.Б.* О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: сб. науч. тр. Н. Новгород: НГПУ, 1996. С. 11–26.
- Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
- Радбиль Т.Б., Юматов В.А.* Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18–21.
- Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 1. 709 с.
- Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллектив. моногр. / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
- Louw B., Milojkovic M.* Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 419 p. DOI: 10.1075/LAL.23.

Источники

- БАС* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 13. 1962. 757 с.
- Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/самоизоляция>.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- НСУз* – Новые слова и значения: слов.-справ. по материалам прессы и лит. 60-х гг. / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М.: Советская энциклопедия, 1971. 544 с.
- СЕ-III* – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. I: А–О. 1168 с.; Т. II: П–Я. 1088 с.

References

- Apresyan, Yu.D. (1995), *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integrative Description of a Language and Systemic Lexicography], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 769 p. (Selected Works, Vol. 2). (in Russian).
- Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [A Language and a Human World], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 885 p. (in Russian).
- Gak, V.G. (1966), *Besedy o frantsuzskom slove (Iz sravnitel'noi leksikologii frantsuzskogo i russkogo iazykov)* [Conversations on a French Word (From Comparative Lexicology of French and Russian)], Moscow, Lenand publ., 336 p. (in Russian).
- Issers, O.S. (2020), More than half a century under the umbrella of communication strategies. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 2, pp. 243-256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256. (in Russian).
- Karasik, V.I. (1996), *Kul'turnye dominanty v yazyke* [Cultural dominants in a language]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [A Language Personality: Cultural Concepts], Collection of Scientific Papers, Volgograd, Arkhangelsk, Volgograd State University publ., pp. 3-16. (in Russian).
- Kustova, G.I. (2004), *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [The Types of Derivative Meanings and the Language Expansion], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 472 p. (in Russian).
- Lakoff, G., Jonson, M. (2004), *Metaphors We Live By*, Moscow, URSS publ., 254 p. (in Russian).
- Louw, B., Milojkovic, M. (2016), *Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext*, Amsterdam, John Benjamins publ., 419 p. DOI: 10.1075/LAL.23.
- Radbil, T.B. (2018), *Kognitivistika* [Cognitivism], Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University publ., 374 p. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2014), Detection of content and speech indicators of dishonest informing in expert activities of a linguist. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, no. 6, pp. 146-149. (in Russian).
- Radbil, T.B. (1996), O termine i poniatii “ideologema” [On the term and the concept “ideologeme”]. *Chelovek i ego yazyk: antropologicheskii aspekt issledovaniya* [A Person and His / Her Language: Anthropological Aspect of a Study], Collection of Scientific Papers, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University publ., pp. 11-26. (in Russian).
- Radbil, T.B., Ratsiburskaya, L.V. (2017), Derivative innovations on the basis of adoption elements in modern Russian: linguoculturological aspect. *The World of Russian Word*, no. 2, pp. 33-39. (in Russian).

- Radbil, T.B., Yumatov, V.A. (2014), The methods for detection of implicit information in linguistic expertise. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, no. 3 (2), pp. 18-21. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2014), *Russkii yazyk nachala 21 veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Lexis, Word-Formation, Grammar, Text], Collective monograph, Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod publ., 325 p. (in Russian).
- Sheigal, E.I. (2004), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse], Moscow, Gnozis publ., 326 p. (in Russian).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russian Grammar*, in 2 volumes, Moscow, Nauka publ., Vol. 1, 709 p. (in Russian).
- Stepanov, Yu.S. (1997), *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. The Russian culture dictionary. The experience in their research], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 824 p. (in Russian).
- Wierzbicka, A. (1997), *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 411 p. (in Russian).
- Wierzbicka, A. (1993), *Antitotalitarnyi yazyk v Pol'she* [The anti-totalitarian language in Poland]. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 107-125. (in Russian).

Sources

- Efremova, T.F. (2000), *New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational*, in 2 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ., Vol. 1, 1168 p.; Vol. 2, 1088 p. (in Russian).
- Kotelova, N.Z., Sorokin, Yu.S. (eds.) (1971), *Novye slova i znacheniya* [The New Words and Meanings], Dictionary-Directory on the Materials of Media and Literature of the 60th, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., 544 p. (in Russian).
- Russian National Corpus*, available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (in Russian).
- (1962), *The Modern Russian Literary Dictionary*, Vol. 13, Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR publ., 757 p. (in Russian).
- Wictionary*, available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>. (in Russian).

“SAMOIZOLYATSIYA” (“SELF-ISOLATION”) AS THE NEWEST RUSSIAN CULTURAL CONCEPT: COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT

T.B. Radbil

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)*

Abstract: The article examines the reflexes of the discursive variation of the word “samoizolyatsiya” (“self-isolation”) as a representative of the concept of the same name in the speech practice of Russian native speakers of the latest period associated with the COVID-19 pandemic. The author proceeds from the assumption that the speech actualization of collocations and free word combinations, which include the lexeme “samoizolatsia” (“self-isolation”), makes it possible to detect an implicit semantic divergence between its “official”, declared socio-political content and its natural language representation in the contexts of com-

mon usage of the word. The work shows that in such expressions as “rezhim samoizolyatsii” (“self-isolation regime”), “indeks samoizolyatsii” (“self-isolation index”), “otpravit' na samoizolyatsiyu” (“send for self-isolation”), “prinuditel'naya samoizolyatsiya” (“forced self-isolation”), etc., the obligatory implication of the voluntariness of this situation is eliminated, which is available in the natural language representation of the word “samoizolatsia” (“self-isolation”) and inherent in its original meaning in Russian. It is noted that in the functioning of the lexeme “samoizolatsia” (“self-isolation”) an internally contradictory cognitive model of the situation of legislative coercion of citizens to voluntarily restrict their rights is verbalized and reproduced clichéd. It is concluded that the discursive variation of the word “samoizolatsia” (“self-isolation”) as a representative of a complex of certain socially-significant information in the speech practice of modern Russian society in the COVID-19 era contains all the signs of an ideologeme and actualizes the communicative strategy of euphemization in order to veil some negative aspects of the established social reality through manipulative mechanisms of appeal to the positive values of debt before society, moral responsibility of a citizen, socially-useful behavior, etc.

Key words: the concept “samoizolyatsiya” (“self-isolation”), discursive variation, communicative strategy, representative contexts, ideologeme, euphemization, modern Russian speech.

For citation:

Radbil, T.B. (2020), “Samoizolyatsiya” (“self-isolation”) as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 759-774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774. (in Russian).

About the author:

Radbil, Timur Beniyuminovich, Prof., Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

ORCID: 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID: AAO-6983-2020

Scopus AutorID: 57210390493

Corresponding author:

Postal address: 4, Ashkhabadskaya ul., Nizhny Novgorod, 603163, Russia

E-mail: timur@radbil.ru

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003

Received: September 14, 2020

Revised: October 9, 2020

Accepted: November 2, 2020

Раздел II

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ:
2020 г. В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА**

Part II

**DISCOURSE PRACTICES:
2020 REFLECTED IN THE LANGUAGE**

МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА КОВИД-19 В РЕЧИ В.В. ПУТИНА

Л.В. Балашова

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)*

Аннотация: В статье в лингвистическом и когнитивном аспектах анализируются милитарные метафоры, используемые В.В. Путиным при характеристике пандемии КОВИД-19. Цель работы – установить степень востребованности таких переносов и их оформления в единую концептуальную модель, отражающую взгляд президента России на ситуацию в стране и мире в связи с распространением инфекции. Материалом исследования послужили 43 текстовых документа обращений В.В. Путина к российским гражданам, его выступлений на совещаниях и встречах разного уровня, опубликованных с 25 марта по 6 июля 2020 г. на официальном сайте (kremlin.ru), а также толковые, семантические словари русского языка. На основе комплексной методики, включающей современные семантические, функционально-стилистические, лингвокогнитивные и лингвокультурологические методы анализа языковых единиц, установлены регулярные источники милитарных метафор, когнитивная матрица модели «Эпидемия КОВИД-19 как война против человечества», а также специфика ее реализации при репрезентации точки зрения российского президента на эпидемиологическую, социально-экономическую и политическую ситуацию в связи с распространением коронавируса инфекции.

Ключевые слова: милитарная модель метафоризации, языковая картина мира, речь В.В. Путина, КОВИД-19.

Для цитирования:

Балашова Л.В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В.В. Путина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 777–800. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800.

Сведения об авторе:

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор по кафедре общего и славяно-русского языкознания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83

E-mail: balashova53@yandex.ru

Дата поступления статьи: 19.09.2020

Дата рецензирования: 29.09.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

1. Введение

Комплексное исследование метафорической системы русского языка на протяжении всей истории его развития (с XI по XXI в.) показывает, что именно милитарная, или военная, лексика «играет особую роль в репрезентации базовых социальных моделей метафоризации» [Балашова 2014б: 193]. С одной стороны, «это самая многочисленная группировка в составе социальной метафорической подсистемы» [Балашова 2014б: 193]; с другой – сфера приложения милитарных переносов чрезвычайно широка, поскольку они способны характеризовать практически все понятийные области непредметного мира, формируя устойчивые концептуальные метафорические модели, функционирующие в разных языковых стратах и типах дискурса [Балашова 2014в: 235–258, 432–436, 478–493; Воронцова 2005; Елистратов 2005; Ильина, Каратаева 2017: 57–60; Федотова 2018; Яковлева, Ирназаров 2018; Ritchie 2003]. Особую роль, по мнению большинства исследователей, военная метафора играет в политической коммуникации в широком ее понимании [Чудинов 2012], в том числе в политическом дискурсе, в общественно-политических СМИ и т. п. [Алямкина 2013; Будаев 2010; Демьянков 2002; Дурду, Агеева 2019; Федотова 2019; Ausmus 1998; Charteris-Black 2005; Hartley 1995; Holly 1990; Lakoff, Johnson 1980; Munday 2004]. Причины подобного феномена кроются в конфликтном характере политических отношений, в четком противопоставлении «своих» / «чужих» и т. п. [Балашова 2014а; Баранов 2004; Кураш, Амагов, Свищев 2018].

Безусловно, актуализация военных метафор может быть связана с конкретными событиями, с кризисными ситуациями, включающими угрозу кому- / чему-либо, а также необходимость противостоять, активно противодействовать такой угрозе. Вполне ожидаемой поэтому оказалась востребованность милитарных переносов при освещении, обсуждении пандемии КОВИД-19 в речи политиков, в массмедиа, в социальных сетях и т. п. На это уже обратили внимание некоторые исследователи [Мороз 2020; Сизых 2020].

Достаточное количество подобного материала было выявлено и нами, ср.:

- *Коронавирус не хочет сдавать свои позиции. <...> На борьбу с этим вирусом встали все. <...> Медики находятся на передовой. Спасая жизнь пациентов, заражаются сами* (<https://zen.yandex.ru/media/id/5bbdbef3c4487100ababa24f/vrachi-zaplavivshie-svoei-jizniu-v-borbe-s-covid19-5eb00d0bec9bc44b2769c8c0>);

• Ситуация очень непростая с медицинскими работниками, но самые самоотверженные остались в своей профессии, никуда не убежали с передовой. Есть медики, которые дезертировали, но их очень мало. ...Медработники работают и рискуют своим здоровьем. В этой ситуации главное, чтобы как можно больше медиков оставались в строю, потому что уже есть боевые потери среди медицинских специалистов. <...> Эту заразу мы совместными усилиями обязательно победим (<https://doctor.rambler.ru/news/44007157-kak-na-voynе-vrachi-kazhdyу-den-na-peredovoy-v-pandemiyu-koronavirusa>);

• Врачи, медсёстры, фельдшеры скорой помощи, водители, санитары уже несколько месяцев находятся на передовой. <...> О том, как медики на местах сражаются с COVID-19, не забывая при этом и про других пациентов, которые тоже нуждаются в медицинской помощи, рассказывает главный врач Шелеховской районной больницы Оксана Вельм (https://irk.aif.ru/health/istinnye_geroi_nashego_vremeni_o_tom_kak_mediki_srazhayutsya_s_covid-19);

• Царь Ковид 19-й продолжает войну. Коронавирус не отступает из Свердловской области (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/02/86122-tsar-kovid-19-y-prodolzhaet-voynu>);

• Таким образом, чтобы болезнь начала отступать, иммунитет к COVID-19 должны получить 60 % москвичей (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/04/85214-kak-zarazhalas-moskva>);

• «Мы должны проводить людей (медиков, работающих в «красной зоне». – Л. Б.) на войну, встретить людей с войны, обеспечить им комфортное пребывание. В данной ситуации мы работаем в военных условиях абсолютно. Это наш неопознанный враг, которого мы сейчас узнаем, и пытаемся выстроить ему барьер», – сказала старшая медицинская сестра городской клинической больницы N15 Мира Борисова. <...> На прошлой неделе Коммунарку посещал Владимир Путин. Президент понимал, как важно сейчас поддержать врачей, работающих на передовой, и не мог лично не позвать им руку, пусть и рискуя своим здоровьем (https://www.1tv.ru/news/2020-04-05/383279-geroi_nashego_vremeni_vrachi_delayut_vse_dlya_pobedy_nad_covid_19).

Объектом же данного исследования стали военные метафоры в речи президента России В.В. Путина, используемые им при характеристике внутрироссийской и мировой ситуации в условиях пандемии в публичных выступлениях: в обращениях к российским гражданам, на совещаниях с членами Правительства, Совбеза, главами регионов; на встречах с научными и медицинскими работниками, с представителями бизнеса и общественности и т. п. Всего было проанализировано 43 текстовых документа, опубликованных с 25 марта по 6 июля 2020 г. на официальном сайте (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts>). Цель работы – установить степень востребованности военных метафор и их оформ-

ления в определенные концептуальные модели. Подобный анализ представляется актуальным не только в собственно лингвистическом, но и в когнитивном аспекте, поскольку позволяет выявить роль таких переносов в репрезентации концепта КОВИД-19 как фрагмента языковой картины мира главы государства в условиях пандемии коронавируса.

2. Общая характеристика материала

Достаточно показательными в лингвистическом и когнитивном аспектах являются статистические данные, определяющие степень востребованности военных метафор, их основные источники и функционально-стилистические характеристики переносов.

Во-первых, число контекстов с милитарными метафорами в речи В.В. Путина относительно невелико – 154 употребления (например, использований пространственных метафор на несколько порядков больше). Такое положение представляется нам принципиально значимым в когнитивном аспекте: не кровопролитное столкновение, неразрывно связанное с большими человеческими жертвами, а четкое осознание своего положения в кризисной ситуации, поиски выхода из нее и последовательное продвижение в выбранном направлении с минимальными потерями – один из приоритетов президента России, отраженный в его картине мира, ср.: *За короткий срок значительно продвинулись в лечении коронавируса, сберегли тысячи жизней* (20.06)¹; *В мире в целом, а порой и у нас в России, звучит мысль, что в первую очередь нужно думать об экономике, о материальном благополучии. <...> Предлагается, по сути, идти вперед, не решаясь через всё и через всех, ни на кого и ни на что не оглядываясь, по сути, не брать в расчёт риски, связанные с эпидемией, и просто как можно быстрее отменить все ограничения* (28.04); *Никогда и никто не будет оставлен в беде. Вся Россия обязательно придет на помощь* (23.06); *Прежде всего медработников нужно защитить, потому что они на передовой находятся, и это безусловно так* (28.04).

Во-вторых, характерной особенностью исследуемого материала является то, что степень концентрации милитарных метафор в речи В.В. Путина во многом зависит от жанра, адресата речи и времени коммуникации. В частности, наиболее активно российский президент использует военные метафоры в жанре обращения (прежде всего к гражданам России, а также к отдельным социальным и профессиональным группам: медицинским работникам, волонтерам и т. п.). Наименьшее число таких переносов фиксируется в речи В.В. Путина на совещаниях с чиновниками разного уровня – членами Совбеза, Правительства, главами регионов и т. п. С временной точки зрения наибольшей концентрации милитарные переносы достигают в период общероссийского карантина (апрель и первая половина мая 2020 г.), т. е. в наиболее напряженный и неопределенный момент разви-

¹ Здесь и далее указывается дата публикации цитируемого источника.

тия эпидемиологической ситуации в стране, тогда как в более ранний и в более поздний периоды число милитарных переносов значительно сокращается. Так, если в обращении к гражданам России от 2 апреля прозвучало 11 военных метафор на текст из 748 слов, то на совещании о санитарно-эпидемиологической обстановке в России от 13 апреля – 6 аналогичных метафор на текст из 1 308 слов.

В-третьих, общее число милитарных лексем и устойчивых, в том числе терминологических сочетаний, употребленных В.В. Путиным в переносном значении, также относительно невелико – 34 единицы, причем большинство из них представляет собой языковые, подчас стертые (генетические) метафоры, общеупотребительные и дискурсивно не ограниченные, например:

- *победить*: 1) ‘нанести поражение противнику, выиграть бой, войну’ → 2) *перен.* ‘преодолеть, превозмочь, побороть’ [МАС 1999], ср.: *Мы с вами знаем, мы можем быть уверены: Россия обязательно победит эту эпидемию* (17.04);

- *мобилизация*: 3) ‘перевод вооруженных сил страны из мирного состояния в полную боевую готовность’ → 4) *перен.* ‘приведение в деятельное состояние, привлечение, использование чего-л. для выполнения каких-л. задач’ [МАС 1999], ср.: *От всех нас [органов власти] потребуется предельная собранность, дисциплина и мобилизация. Мы должны добиться, чтобы волна эпидемии схлынула, пошла наконец на спад* (28.04);

- *брать (взять) на вооружение*: 1) ‘включать в состав средств, необходимых для ведения войны’ → 2) *перен.* ‘активно использовать что-л., какие-л. средства, приемы и т. п. в деятельности, практике’ [МАС 1999], ср.: *А субъекты Федерации получили дополнительные полномочия, чтобы при координации Правительства определять тактику действий исходя из ситуации на местах. Такой подход оправдал себя. Кстати, был взят на вооружение и в других странах* (23.06).

Исключение составляют несколько лексем и устойчивых сочетаний (*штык, тыл, маневр, передовая, передний край, фронт*), переносные значения которых обладают разной степенью окказиональности.

Так, у субстантива *штык* в словарях современного русского языка фиксируется лишь метонимический (включая синекдоху) перенос – с милитарного артефакта на его носителя: 1) ‘холодное колющее оружие, насаживаемое на конец ствола военного ружья, винтовки’ → 2) ‘в значении единицы счета: боец-пехотинец’ [МАС 1999]. В.В. Путин на базе метонимического лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ) формирует окказиональную метафору ‘человек, способный активно и продуктивно противодействовать возникшей угрозе в составе общей группы’, которая экспрессивно именуется всех без исключения представителей власти, действующих в экстремальных условиях пандемии. Данный индивидуально-авторский ЛСВ соотносится с языковыми переносами у синонимических

милитарных лексем *боец, солдат* и представляет собой контаминацию этих метафорических значений: 'тот, кто активно отстаивает что-либо; выступает против чего-либо'; 'член отряда, группы, организованной для выполнения определенной работы, какого-либо задания' [МАС 1999]. Примечательно, что президент употребил *штык* в переносном ЛСВ лишь один раз, но именно это употребление было сразу растиражировано современными массмедиа, ср.: *Важен каждый штык: кабмин борется с коронавирусом плечом к плечу* (<https://www.youtube.com/watch?v=rGSI-ZAfZmk>).

Четыре метафорических контекста с субстантивом *маневр* (первичный ЛСВ 'передвижение и группировка войск или флота с целью нанести удар противнику') можно отнести к относительно окказиональным. На наш взгляд, они в большей степени отражают консерватизм современных толковых словарей, их недостаточную оперативность по отражению современных коммуникативных тенденций. Так, у лексемы *маневр* во всех словарях современного русского языка фиксируется лишь один переносный ЛСВ 'действие, прием с целью обмануть, перехитрить кого-л.; хитрость, уловка' [БАС, т. 9: 500]. Но в речи В.В. Путина во всех метафорических контекстах не фиксируется негативной прагматической составляющей и связанного с ней компонента 'обман; намеренное введение кого-либо в заблуждение'. В этом плане данные употребления в большей степени ориентированы на выделяемое словарями переносное значение у глагола *маневрировать* – 'действовать, умело используя обстоятельства', ср.: *Повторю, нужно продумать все детали и варианты, рационально распределить нагрузку на больницы и клиники, предусмотреть возможность для маневра с учетом ситуации в конкретных территориях (13.04); В качестве первого шага предлагаю провести в IT-отрасли так называемый налоговый маневр и прежде всего существенно сократить нагрузку на фонд оплаты труда (23.03)*. Кроме того, в речи президента отражена общая тенденция к терминологическому использованию этого существительного в современном финансово-экономическом дискурсе, ср.: *Налоговый маневр в нефтяной отрасли приведет к еще более быстрому росту цен на бензин, но никак не заставит нефтяные компании производить больше бензина и вообще вкладывать в переработку* (Эксперт. 2014. № 29).

Во многом схожие характеристики присущи группе милитарных единиц с локальным значением (*фронт, тыл, передовая, передний край*). Например, в словарях современного русского языка у субстантивного прилагательного *передовая* ('район боевых действий' [МАС 1999]) не зафиксировано переносного ЛСВ, тогда как у близкого по первичной семантике фразеологизма *передний край* он представлен: 1) 'первая линия расположения огневых позиций пехоты в районе боевых действий' → 2) 'участок какой-л. трудной и важной в данное время деятельности' [МАС 1999]. В речи В.В. Путина обе указанные единицы используются в метафорическом значении, ориентированном на производный ЛСВ идиомы, но с не-

которой конкретизацией – ‘инфекционные больницы как место и вид деятельности, наиболее значимые и одновременно трудные, смертельно опасные в борьбе с КОВИД-19’, ср.: *С самых первых дней вы [медицинские работники] были без преувеличения на передовой, ежеминутно рисковали своим здоровьем* (20.06). Неслучайно этот образ стал очень популярен в политической коммуникации, в массмедиа, ср.: *Как на войне: врачи каждый день на передовой в пандемию коронавируса* (<https://doctor.rambler.ru/news/44007157-kak-na-voyne-vrachi-kazhdyu-den-na-peredovoy-v-pandemiyu-koronavirusa>), см. также приведенные выше примеры.

Но в целом можно констатировать, что при обсуждении проблем пандемии глава государства умеренно использует военные метафоры, отдавая предпочтение общеизвестным языковым переносам. Следовательно, акцент делается не на экспрессивной и индивидуализирующей функциях метафор, а на их когнитивной составляющей. Аналогичные характеристики обнаруживаются при анализе конкретных военных единиц, используемых В.В. Путиным в переносных значениях.

3. Концептуальная военная модель и основные лексические источники метафоризации

Как отмечалось, при характеристике ситуации, сложившейся в стране и в мире в результате пандемии, президент России использует 34 военных единицы в переносных значениях. Наиболее значимым в когнитивном аспекте представляется тот факт, что все без исключения военные метафоры в речи В.В. Путина объединяются в единую концептуальную модель «**Эпидемия КОВИД-19 как война против человечества**», отражающую взгляд президента на ситуацию, сложившуюся, прежде всего, внутри страны, в связи с распространением коронавирусной инфекции.

В целом когнитивная матрица модели отмечена стройностью и непротиворечивостью. Агрессором в ситуации пандемии выступает само заболевание КОВИД-19, союзником которого становятся негативные социальные последствия распространения вируса (спад и остановка производства, безработица, сокращение реальных доходов граждан, социальные и психологические сложности, связанные с карантинными ограничениями, с необходимостью самоизоляции и т. п.). Противоборствующей агрессору стороной является всё общество, включая медицинских работников, волонтеров, представителей власти и каждого активного гражданина России. Противодействие агрессору в основном состоит в сдерживании его атак и переходе в контрнаступление. Результат же такого противостояния для российского президента очевиден: это безоговорочная капитуляция, уничтожение агрессора и его союзников.

Однотипным в рамках данной модели оказывается и принцип метафорической трансформации военной лексики, в основе которого лежит метафорическая генерализация: военный компонент нейтрализует-

ся, а основные дифференциальные признаки полностью или частично сохраняются и актуализируются, что делает возможным расширить сферу приложения соответствующих переносов, напр.:

- *сражаться*: 1) 'вступать в бой, единоборство с оружием в руках; принимать участие в сражении' [МАС 1999] → 2) 'выступать против кого-, чего-л.' [Ефремова 2000]; 'решительно противодействовать, сопротивляться чему-н.' [Ушаков 1940] – нейтрализация компонента 'вооруженное столкновение'; актуализация компонентов 'активные действия, направленные против кого-, чего-л.' с целью 'не развиваться, оказывать воздействие';

- *победа*: 1) 'успех в бою, в войне' → 2) 'успех в борьбе за что-л., достижение, успешное осуществление чего-л. в результате борьбы, преодоления чего-л.' [МАС 1999] – нейтрализация компонента 'вооруженное столкновение', актуализация компонентов 'достижение успеха' как результат 'активных действий'.

Не менее когнитивно значимым оказывается выбор конкретных средств реализации военной модели. Как показывает анализ, В.В. Путин использует лексику из нескольких семантических групп (далее – СГ) и подгрупп (далее – СПГ) военного семантического поля.

Так, наиболее последовательно метафоризации подвергаются лексемы тех групп, ядро семантики которых в первичных ЛСВ составляет указание на состояния и действия, связанные с вооруженным столкновением между государствами, народами или группами внутри государства. Следовательно, при метафорической трансформации на первый план выходит характеристика развития ситуации, обусловленной пандемией.

В частности, из членов СГ **«Общие обозначения состояний и действий, связанных с вооруженным столкновением»** в речи президента России метафоризация обнаруживается только у 3 единиц, причем не самых ядерных и экспрессивных (*сражаться, бороться, борьба*).

Так, В.В. Путин ни разу не использует переносы на базе родового термина с инвариантным значением – субстантива *война*, а также его более экспрессивных единиц из этой группы – *битва, сеча* и т. п., ср. употребление таких метафор в массмедиа: *Война с COVID-19: как врачи борются за жизнь пациентов* (<https://www.ntv.ru/video/1851661/>); *В программе «Док-ток» в формате закрытого показа смотрят и обсуждают документальный фильм канала Discovery «COVID-19. Битва при Ухане»* (<https://www.1tv.ru/shows/doctalk/vypuski/covid-19-bitva-pri-uhane-dok-tok-vypusk-ot-26-04-2020>); *Битва за вакцину: поиски лекарства от COVID-19 превратились в борьбу за мировое господство* (<https://www.ntv.ru/novosti/2351400/>).

Зафиксированный в исследуемом материале глагол *сражаться*, безусловно, относится к ядру группы (схему переноса см. выше), но при характеристике эпидемиологической ситуации в стране В.В. Путин употребляет лексику лишь 2 раза и только по отношению к медицинским ра-

ботникам, непосредственно связанным с лечением больных коронавирусом. Тем самым президент акцентирует внимание на самоотверженности медиков, которые, несмотря на усталость и риск для собственного здоровья, стремятся оказать всестороннюю помощь заболевшим, ср.: *Многие [медицинские работники] неделями жили в разлуке с родными и близкими, в буквальном смысле слова сражались за людей в так называемых красных зонах больниц и часто действительно на пределе человеческих возможностей и сил* (20.06).

При обобщенной характеристике противодействия эпидемии президент отдает предпочтение переносам на базе других единиц: *борьба* – 62 употребления; *бороться* – 9 употреблений. Однако однокоренные глагол и субстантив составляют лишь периферию военной лексики, поскольку их милитарные значения фиксируются в словарях только как оттенки первичных ЛСВ, именующих единоборство двух людей – как в условиях боя, так и вне него. Соответственно переносные значения соотносятся с комплексом первичных ЛСВ и их оттенков – с актуализацией и трансформацией таких общих для данного комплекса семантических компонентов, как ‘активное противодействие’, ‘стремление уничтожить, подавить противную сторону’:

- *борьба*: 1) ‘рукопашная схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого’ || ‘сражение, битва’ → 2) ‘деятельность, направленная на преодоление, уничтожение чего-л.’ [МАС 1999];

- *бороться*: 1) ‘схватившись друг с другом, стараться осилить’ || ‘сражаться, воевать’ → 2) ‘сопротивляться чему-л., стараться преодолеть или уничтожить что-л.’ [МАС 1999].

Периферийный характер указанных переносов отражен также в том, что данные метафоры квалифицируются в лексикографических источниках как стертые (генетические) – без пометы *перен.* Но именно это способствует широте распространения указанных единиц и их своеобразной терминологизации при обозначении ситуации пандемии в целом. В частности, в роли субъекта действия может выступать всё общество и его отдельные представители: чиновники, медицинские работники, волонтеры, предприниматели и т. п., – тогда как их контрагентом становится не только эпидемия, но и ее социально-экономические, психологические последствия, ср.: *Но сейчас мы должны быть готовы бороться за жизнь каждого человека в каждом регионе* (08.04); *Нерабочая неделя... а также режим самоизоляции... позволили нам выиграть время для упреждающих действий... для того, чтобы бороться с эпидемией максимально эффективно* (02.04); *Хочу еще раз... поблагодарить всех медицинских работников России за труд, за важнейший, незаменимый вклад в борьбу с коронавирусом* (20.06); *Вся информация должна поступать в координационный совет при Правительстве Российской Федерации по борьбе с коронавирусом* (02.04); *И конечно, сказать спасибо волонтерам, добровольцам, не-*

равнодушным людям, всем гражданам, которые осознали, прочувствовали свою личную ответственность в борьбе с эпидемией, строго исполняют рекомендации властей и врачей-специалистов, заботятся о себе (02.04); Сохранение рабочих мест, доходов российских семей с самого начала борьбы с последствиями эпидемии стали важнейшими приоритетами в нашей работе (27.05).

Своеобразием отмечена метафоризация 4 лексем из другой СГ с обобщенной военной семантикой – «**План ведения войны**» (*стратегия, стратегический, тактика, ключевой*). Ядро группы составляет заимствованная терминология, именующая базовые типы организационных мероприятий, связанных с ведением военных действий. Именно они представлены в речи В.В. Путина в переносных значениях. Хотя число их употреблений невелико, во всех метафорах сохраняется система первичных интегральных и дифференциальных признаков, характеризующих результат интеллектуальной деятельности, направленной на решение организационных задач:

- *стратегия*: 1) 'искусство ведения крупных военных операций и войны в целом' → 2) *перен.* 'искусство руководства общественной, политической борьбой' [МАС 1999] – 2 употребления;
- *стратегический*: 1) 'прил. к стратегия' → 3) *перен.* 'содержащий общие, основные установки, важные для подготовки и осуществления чего-л.' [МАС 1999] – 2 употребления;
- *тактика*: 1) 'составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя' → 2) 'совокупность приемов и способов общественной, политической борьбы' [МАС 1999] – 3 употребления.

Несмотря на то, что составители словарей обычно фиксируют производные ЛСВ с пометой *перен.*, их образность и экспрессивность в современной речи практически не ощущается, что способствует их широкому употреблению в современной политической коммуникации, в массмедиа при описании разнообразных ситуаций, связанных с социально-политическим, экономическим и иным развитием страны, ее отдельных институтов и т. п. Такого рода тенденция отражена и в исследуемом материале, где президент России использует переносы исключительно при характеристике логистики, системы организационных мероприятий со стороны представителей власти по противодействию эпидемии и ее негативных социально-экономических последствий, ср.: *Необходимо учитывать все сценарии развития ситуации, даже самые сложные и экстраординарные, с тем чтобы гибко, оперативно корректировать стратегию и тактику наших действий, в первую очередь по оказанию медицинской помощи гражданам, разумеется (13.04); При этом нельзя снижать внимания к текущей работе, разумеется. Тем более к решению стратегических задач, к реализации наших планов и национальных проектов (15.06).*

Особое место в данной СГ принадлежит прилагательному *ключевой*, которое примыкает к локальным единицам. В первичном милитарном значении адъектив указывает на значимость определенного участка боевых действий в общем развитии событий. Данное значение само по себе является генетической метафорой, связанной к субстантивом *ключ*, т. е. то, что является «ключом» в успехе военной операции, и т. п. При переносе у адъектива (с утратой военной составляющей) акцент делается на общей прагматической значимости чего-либо: 2) *воен.* 'открывающий возможности овладения чем-л., захвата чего-л.' → 3) *перен.* 'наиболее значительный в каком-л. отношении' [МАС 1999]. Однако в современном русском языке метафора отчасти потеряла яркую образность и экспрессию. Может быть, именно это способствует активному использованию прилагательного в речи В.В. Путина (17 употреблений) при характеристике самых разных ситуаций, связанных с пандемией: организация органами власти и представителями бизнес-сообщества эффективной работы медицинских учреждений, социально-экономических институтов, всего общества в целом для преодоления негативных последствий пандемии и карантинных ограничений, ср.: *Эффективная, стабильно работающая экономика лежит в основе решения наших ключевых задач, в том числе и в сфере здравоохранения; До конца текущей недели они должны будут определить конкретный набор профилактических мер, оптимальных именно для их территорий как с точки зрения обеспечения здоровья, безопасности людей, так и устойчивости экономики и ключевой инфраструктуры (02.04); Мы установили ключевой, базовый критерий для поддержки бизнеса (27.05).*

Более разнообразны по первичной семантике в речи В.В. Путина метафоры на базе членов гипонимической по отношению к СГ «Общие обозначения» группы – «**Боевые действия**», характеризующей ход войны и/или отдельного вооруженного столкновения (7 единиц: *удар, наступать, маневр, отпор, оборона, отразить, отступить*). В рамках данной СГ указанные лексемы объединяются в несколько подгрупп (СПГ):

- СПГ «**Атака**» (1 единица): *удар*: 3) 'стремительное нападение, внезапная и решительная атака' → || *перен.* 'решительное действие, направленное на пресечение, устранение чего-л.' [МАС 1999] – 7 употреблений;

- СПГ «**Продвижение вперед в результате атаки**» (1 единица): *наступать*: 2) 'ведя военные действия, двигаться вперед, вести наступление' → || *перен.* 'предпринимать активные действия с какой-л. целью' [МАС 1999]; 'активно действовать против кого-л., чего-л. с целью добиться желаемых результатов' [Ефремова 2000] – 1 употребление;

- СПГ «**Передвижение и группировка войск с целью атаки**» (1 единица): *маневр*: 1) 'передвижение и группировка войск или флота с целью нанести удар противнику' → 2) *перен.* 'быстрое изменения тактики, системы мероприятий в связи с быстро меняющимися обстоятельствами с целью достичь желаемого, возможного' – 4 употребления;

• СПГ «**Противодействие атаке**» (3 единицы): *отпор*: 'отражение нападения' → || *перен.* 'решительное противодействие кому-, чему-л.' [МАС 1999] – 1 употребление; *оборона*: 'защита, отражение нападения противника' → || 'решительное противодействие кому-, чему-л.'; 'защита от каких-л. враждебных действий; чьих-л. посягательств, опасности' [БАС, т. 13: 250] – 1 употребление; *отразить*: 1) 'отбить ответным ударом; отбросить; заставить отступить' [МАС 1999] → 3) *перен.* 'защищаясь от нападения, оказать противодействие натиску, нападению' [Ефремова 2000] – 1 употребление;

• СПГ «**Отход назад под напором атаки противника**» (1 единица): *отступить*: 3) 'отойти назад под напором наступающего неприятеля' → || *перен.* 'отказаться от своих намерений, планов и т. п., встретившись с какими-л. трудностями, опасностью и т. п.' [МАС 1999] – 3 употребления.

В целом (см. статистические данные) число примеров с каждой из указанных единиц невелико, но все они встраиваются в единую когнитивную матрицу и очень четко репрезентируют взгляд президента России на эпидемиологическую ситуацию.

В частности, неожиданность появления, стремительность и крайняя опасность нового вирусного заболевания подчеркиваются лексемой *удар*, где данные компоненты являются ядерными и в первичном ЛСВ. Неслучайно именно эта метафора – наиболее частотная в речи В.В. Путина (7 употреблений). Примечательно, что агрессором, наносящим *удар*, является только эпидемия, но объектом ее нападения становится всё общество: отдельный человек, медицинские работники, экономика страны, мировое сообщество и т. п., ср.: *Хочу еще раз поблагодарить врачей, фельдшеров, медсестёр, всех специалистов, кто принял на себя основной удар эпидемии* (23.06); *Важно минимизировать кризисные явления, смягчить удар для бизнеса, потери которого, прямо скажем, уже достаточно серьёзные, а могут быть ещё более значимыми* (08.04); *Эпидемия нанесла сильнейший удар по мировой экономике* (23.06).

Не менее значимым представляется то, что самыми разнообразными (3 единицы) оказываются переносы на базе милитарных единиц, характеризующих сопротивление агрессору. Тем самым главным для В.В. Путина является противодействие пандемии и ее негативным последствиям. Показательно также то, что главным субъектом сопротивления становятся исключительно медицинские работники, а не чиновники, властные структуры и т. п., ср.: *И они [карантинные мера] сыграли свою роль, позволили отразить первый удар, задержать эпидемию, её пик на полтора-два месяца* (23.06). Наиболее отчетливо такое осмысление ситуации отражено в высказывании, в котором метафорически противопоставлены действия агрессора (эпидемии) и защитников человека, общества, государства (медицинских работников), ср.: *Именно они [врачи и другие медицинские работники] в больницах и инфекционных отделениях, на всех*

врачебных участках держат оборону от наступающей эпидемии: лечат, спасают людей (02.04).

Столь же концептуально значимым является тот факт, что при использовании переносов на базе СПГ «Отход назад под напором атаки противника» В.В. Путин характеризует только одну ситуацию – успех в противодействии эпидемии: в лечении больных, в сокращении числа заболевших и т. п. Примечательно также, что соответствующее переносное значение ‘отказаться от своих намерений, планов и т. п., встретившись с какими-л. трудностями, опасностью и т. п.’ у глагола *отступить* подчеркивает восприятие пандемии как живого существа, агрессивные планы, воля которого обязательно будут подавлены за счет самоотверженности медицинского сообщества и единства всех государственных, экономических, социальных институтов страны. Неслучайно, что исключительно глагол совершенного вида (с его результативным грамматическим значением) фиксируется в речи российского президента не только на этапе спада волны заболевания (конец мая – июнь 2020 г.), но и в период резкого ухудшения эпидемиологической обстановки в России (апрель – первая половина мая 2020 г.), ср.: *Мы заставим ее [эпидемию] отступить. Жизнь обязательно наладится* (28.04); *Благодаря тому, что в России такая система есть и вы, ваши коллеги действовали как единое целое, собрали все силы в кулак, мы заставили эту тяжелейшую эпидемию отступить* (20.06).

Таким образом, В.В. Путин не сомневается в успехе противодействия эпидемии и четко позиционирует свою позицию всему обществу.

Данное утверждение подтверждается анализом используемых президентом переносных значений на базе членов СГ **«Итог состояний и действий, связанных с вооруженным столкновением»**. В исследуемом материале не обнаружено ни одной метафоры на базе членов СПГ **«Неблагоприятный исход в войне, сражении»** (например, *поражение*), тогда как среди членов СПГ **«Благоприятный исход в войне, сражении»** в переносных значениях зафиксировано 7 единиц, употребление которых в речи президента России колеблется от двух до пяти: *победа* – 2 употребления; *победить* – 3; *одолеть* – 2; *преодолеть* – 5; *преодолевать* – 3; *преодоление* – 2; *побороть* – 2, – причем во всех случаях верх одерживает всё общество (врачи, волонтеры, каждый российский гражданин, органы власти и представители бизнеса), а неудачу терпит как пандемия, так и ее негативные последствия, ср.: *А сейчас каждый наш, пусть даже небольшой, но все-таки реальный успех, тем более каждая спасенная жизнь укрепляют нашу надежду, уверенность в победе над эпидемией* (28.04); *А сейчас от наших совместных действий, от усилий всех жителей Республики, от вашей сплоченности, выдержки, ответственности, от строгого следования рекомендациям врачей и специалистов зависит, чтобы Дагестан как можно быстрее преододел угрозу эпидемии* (18.05); *Сергей Семе-*

нович, пожалуйста, Ваша оценка ситуации в столице и оценка тех мер, которые приняты для того, чтобы побороть эту инфекцию (13.04); Я Вас (М.В. Мишустина, переболевшего COVID-19. – Л. Б.) поздравляю, что Вы эту заразу побороли (19.05); Сейчас просто незаменимы, востребованы наша солидарность, собранность, ответственность и дисциплина, готовность поддержать друг друга – те качества, которые позволяли нам преодолевать любые трудности, как это принято в большой хорошей семье (17.03).

Вместе с тем положение указанных единиц в составе военной лексики неоднозначно. В частности, ядро подгруппы составляют два однокоренных слова: *победа, победить*, – в исходной семантике которых милитарный компонент является базовым. Остальные же члены этой СПГ составляют периферию подгруппы, поскольку их первичные значения несколько шире собственно милитарной семантики, а производные значения обычно отличаются стертой образностью (см. аналогичную характеристику лексем *борьба, бороться*), напр.:

- *преодолеть*: 1) *устар.* ‘одолеть, победить’ → 2) ‘осилить что-л., справиться с чем-л. (с каким-л. препятствием, затруднением и т. п.)’ [МАС 1999];

- *побороть*: 1) ‘борясь с кем-л., одержать верх; одолеть’ || ‘победить в бою, в войне’ → 2) ‘преодолеть, превозмочь (какое-л. чувство, состояние и т. п.)’ [МАС 1999].

Наконец, среди милитарных семантических групп, характеризующих действия и состояния, связанные с вооруженным столкновением между государствами, народами или группами внутри государства, метафоризации в речи В.В. Путина подвергаются три однокоренные единицы из СГ «**Действия органов власти в период подготовки и ведения войны**»: *мобилизация* – 2 употребления; *мобилизовать* – 2; *мобилизованный* – 2, – например *мобилизация*: 3) ‘перевод вооруженных сил страны из мирного состояния в полную боевую готовность’ → 4) *перен.* ‘приведение в деятельное состояние, привлечение, использование чего-л. для выполнения каких-л. задач’ [МАС 1999].

В рамках общей когнитивной матрицы субъектом действия в данном случае являются исключительно органы власти, а объектом – всё общество (граждане, экономика, система здравоохранения, чиновники всех уровней и т. п.) в их неразрывном единстве. Целью активизации всех этих сил становится противодействие агрессору (эпидемии) и его соратников (негативных последствий пандемии). Следует, однако, отметить, что и этот тип переноса в современном русском языке уже не обладает яркой образностью. Следовательно, для В.В. Путина информативно-когнитивная составляющая модели вновь оказывается более важной, нежели экспрессивно-выразительная, ср.: *Нерабочая неделя... а также режим самоизоляции, предусмотренный для жителей многих регионов, позволи-*

ли нам выиграть время для упреждающих действий, для мобилизации всех органов власти, для наращивания ресурсов системы здравоохранения... (02.04); Мы убедились, что эпидемии можно противостоять, поняли, что главное здесь – работать на опережение... использовать полученный резерв времени, чтобы консолидировать, мобилизовать все свои резервы, наращивать возможности здравоохранения и промышленности (23.06).

Метафоризация членов тех семантических групп, ядро милитарной семантики которых составляет характеристика не самой ситуации (действий и состояний, связанных с вооруженным противодействием), а лишь отдельных актантов таких ситуаций (участников, обстоятельств противостояния и т. п.), представлена в речи В.В. Путина спорадически.

В частности, среди членов СГ **«Участники вооруженных столкновений»** метафоризации подвергаются 3 единицы (*враг, штык, строй*), каждая из которых зафиксирована лишь в одном контексте. Тем не менее использование таких переносов весьма важно для репрезентации взгляда президента России на эпидемиологическую ситуацию.

Так, в языке субстантив *враг*, обобщенно характеризующий военного противника, неприятеля, в переносном значении обобщенно именуется нечто, 'что приносит зло, вред' [МАС 1999]. В анализируемых текстах таким злом является эпидемия. Примечательно, что в своей речи В.В. Путин сам проводит аналогию между войной с реальным противником и с пандемией, сталкивая в одном контексте исходное и метафорическое значения, ср.: *Пожалуй, впервые после войны весь мир проходит через столь трудные испытания. Конечно, с военными их и сравнивать нельзя. И слава богу! Но надо четко понимать: мы сегодня находимся в ситуации борьбы с врагом. И его опасность для жизни, здоровья, благополучия людей уменьшать тоже нельзя* (28.04).

Противоборствующая врагу (коронавирусу) и его союзникам (негативным последствиям пандемии) в рамках милитарной модели также получает обозначение с помощью двух единиц из СГ «Участники вооруженных столкновений». Однако, как и в СГ «Общие обозначения состояний и действий, связанных с вооруженным столкновением», В.В. Путин в данном случае не использует ядерных лексем из этой группы, например *воин, боец, солдат*, тогда как в массмедиа мы регулярно встречаемся в такого рода метафорами, ср.: «*Настоящий врач и боец*». В Петербурге скончался заразившийся коронавирусом хирург. Он до последнего оперировал больных коронавирусом (<https://life.ru/p/1323620>); *Бойцы с коронавирусом: художники нарисовали душевные картины про медиков* (<https://fishki-net.turbopages.org/s/fishki.net/3274320-bojcy-s-koronavirusom--hudozhniki-narisovali-dushevnye-kartiny-pro-medikov.html>); *Вместо оружия к ним аппараты ИВЛ, противочумные костюмы и маски. Они давали клятву Гипократа. Не просто люди в белом, а настоящие солдаты спасения* (<https://yandex.ru/video/preview?text=солдаты%20коронавируса&path=wizard&pa>

rent-reqid=1598591240384532-202374389989955939600238-production-app-host-man-web-yp-12&wiz_type=vital&filmId=5522931565288964464).

Российский президент отдает предпочтение уже разобранному выше субстантиву *штык*, терминологическое использование которого при обозначении бойцов-пехотинцев было свойственно русскому языку начала – середины XX в., т. е. имеет косвенную отсылку к Великой Отечественной войне. Не менее показательно в когнитивном аспекте и то, что президент России привлекает к метафоризации милитарную единицу, имеющую не индивида, а организованную группу вооруженных сил, подчеркивая многочисленность и организованность сил, противостоящих инфекции: *строй*: 4) 'состав воинских частей, предназначенных для ведения боевых действий' → 5) *перен.* 'совокупность активно действующих, работоспособных людей или годных к действию, использованию предметов' [Ефремова 2000]. Примечательно также, что обе единицы фиксируются в речи Путина в одном контексте, ср.: *Каждый из вас, уважаемые коллеги, должен быть на своих рабочих местах и отдавать все свои силы для достижения тех результатов, которых страна от нас ожидает... Хочу это подчеркнуть и отметить: в нашем строю каждый штык важен сегодня. Поэтому прошу вас это иметь в виду и ответственно относиться всех к своему здоровью (01.04).*

Более активно в исследуемом материале фиксируется метафоризация членов локальной СГ «**Районы военных действий и расположение действующих войск во время войны**» (4 единицы: *фронт, передний край, передовая, тыл*), причем в переносной семантике большинства из них содержится, как отмечалось, окказиональный элемент. Вместе с тем в метафорической трансформации всех единиц реализуется единый когнитивный принцип.

Близкие по первичному ЛСВ субстантивы и идиома *фронт, передний край, передовая* характеризуют ту часть пространства и тот вид деятельности, которые, с одной стороны, являются наиболее значимыми при противодействии эпидемии, а с другой – самыми опасными для тех, кто вовлечен в этот процесс. Но в использовании указанных единиц есть и определенная специфика.

В частности, субстантив *передовая* (5 употреблений), как отмечалось, экспрессивно характеризует инфекционные больницы, специализирующиеся на лечении больных КОВИД-19. Подобного рода именование позволяет В.В. Путину не только подчеркнуть остроту и напряженность развития эпидемиологической ситуации в стране, но и выразить искреннее восхищение медицинскими работниками, волонтерами, рискующими своим здоровьем и жизнью ради здоровья и жизни своих пациентов, ср.: *Нужно некоторые программы поддержки, которые мы разработали для медработников, распространить и на волонтеров, с Вами согласен, конечно, Вы правы. Они вместе с вами там, на передовой фактически (30.04).*

Идиома *передний край* (1 употребление) имеет более общее значение, поскольку экспрессивно именуется более широкое поле деятельности, связанной с противодействием пандемии, ср.: *Хочу особо обратиться к врачам, фельдшерам, медицинским сёстрам, сотрудникам больницы, поликлиник, ФАПов, служб скорой помощи, к нашим учёным. Вы сейчас на переднем крае защиты страны* (25.03).

Наконец, наиболее широкой сферой приложения обладает переносное значение субстантива *фронт* (2 употребления). В словарях фиксируется следующая структура значений: *фронт*: 3) 'место, район военных действий и расположение действующих войск во время войны' → 4) *перен.* 'место, участок, на котором могут выполняться какие-л. действия, процессы одновременно многими' [МАС 1999]. В соответствии с общей когнитивной матрицей военной модели в речи В.В. Путина переносный ЛСВ, конкретизируясь и частично видоизменяясь, экспрессивно характеризует не только медицинские учреждения, но и фактически всю страну, поскольку, по мнению президента, гражданским долгом каждого активного члена общества должно стать посильное участие в противодействии пандемии и ее последствий, ср.: *Они [медицинские работники] на настоящем медицинском фронте. Сражаются за всех нас* (28.04); *Но у нас было и есть много, очень много организаций и предприятий, которые в трудные недели прошедших месяцев не только не прекращали работу, а наоборот, так же как и больницы, поликлиники, службы скорой помощи, трудились в режиме высочайшей мобилизации, держали, что называется, экономический, промышленный фронт борьбы с коронавирусом, поддерживали надежность всех жизненно важных систем* (19.06).

Близкое положение в концептуальной модели В.В. Путина занимает антонимическая *фронт*у лексема *тыл* (1 употребление), ср.: *Мы действительно достойно... ответили на угрозу эпидемии именно благодаря консолидированным усилиям общества, системы здравоохранения, жизненно важных отраслей национальной экономики. Повторю, мы сумели дать такой ответ, потому что в решающей степени могли опереться на собственную технологическую и производственную базу, на, что называется, свой тыл* (19.06). Согласно словарям современного русского языка, данное существительное от вторичного военного значения 'территория, расположенная позади линии фронта' формирует метонимический производный ЛСВ: 'совокупность вспомогательных войсковых частей и соединений, расположенных за действующими частями и обеспечивающих их всем необходимым для жизни и боя' [МАС 1999]. Другая, более соответствующая нашему контексту трактовка этого ЛСВ отражена в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг.: 'учреждения и организации, обслуживающие действующую армию, но находящиеся вне сферы военных действий' [Ушаков 1940]. Но в приведенном выше контексте сферой приложения данного переноса, как и у субстантива *фронт*, становятся

ся все социально-экономические, политические институты и активные российские граждане, но с одним исключением – медицинского сообщества, непосредственно занятого лечением больных КОВИД-19.

Наконец, СГ «**Вооружение и его применение в бою**», характеризующая специальные средства, используемые в ходе войны, а также конкретные действия, ими производимые, занимает периферийное положение в системе средств реализации военной модели в речи В.В. Путина. В частности, лишь в одном контексте зафиксировано переносное употребление идиомы с ядерным для данной группы существительным – *взять на вооружение* (см. выше). Субстантив *штык*, как отмечалось, формирует метафорическое значение не на основе первичного ЛСВ ‘холодное колющее оружие, насаживаемое на конец ствола военного ружья, винтовки’, а вторичного ЛСВ, принадлежащего к СГ «Участники вооруженных столкновений». Отсутствие переносов на базе членов группы в президентской речи особенно показательно на фоне того, что в массмедийных источниках и Интернете можно обнаружить весьма эффективное обращение к такого рода военной лексике, ср.: *Сейчас в медицина чрезвычайная ситуация – врачи как на войне каждый день. Они ежедневно борются за жизнь пациентов. Иногда не хватает снарядов, патронов и т.д.* (<https://regnum.ru/news/society/2914665.html>).

В исследуемом материале зафиксированы переносы на базе лишь двух единиц (*подорвать, взрывной*), в исходных ЛСВ характеризующих процесс и результат применения бомб, мин и т. п. Однако такого рода лексика составляет периферию поля в целом, поскольку их первичная семантика выходит за пределы собственно военной лексики и в принципе может именовать разрушительное действие не только военных, но и других специальных механизмов. Кроме того, использование В.В. Путиным этих единиц ограничено несколькими примерами:

- *подорвать* ‘уничтожать, разрушать взрывом’ → *перен.* ‘наносить вред чему-л., расстраивать, колебать’ [МАС 1999] – 3 употребления;
- *взрывной* 1) ‘относящийся к взрыву; служащий для производства взрыва’ → 2 || *перен.* ‘характеризующийся быстрым и энергичным действием’ [БАС, Т. 2: 534] – 2 употребления.

Периферийное положение указанные переносы занимают и в своей группе. Если *вооружение* в модели «Эпидемия КОВИД-19 как война против человечества» соотносится с теми средствами, которые используются обществом для защиты от коронавируса и его последствий, то деструктивные лексемы, напротив, связаны с характеристикой действий агрессора (эпидемии), а также его пособника, которым в данном случае могут стать и представители власти, которые своими ошибочными, непродуманными действиями способствуют распространению заболевания, срыву производства и т. п. Помимо этого, формирование переносных ЛСВ базируется на актуализации прежде всего деструктивных сем, а не тех ком-

понентов, что непосредственно связаны с ситуацией военного противостояния, ср.: *Именно такой подход позволил нам сегодня выиграть время, сдержать взрывное распространение коронавирусной инфекции в предыдущие недели* (30.03); *Поэтому каких-то общих директивных указаний, которые подрывают экономическую деятельность, давать не следует* (03.04).

Таким образом, при формировании милитарных переносов В.В. Путин отдает предпочтение единицам, обобщенно характеризующим процесс и результат вооруженного противостояния, участников такого столкновения и их дислокации, причем в ряде случаев первичные ЛСВ указанных слов шире собственно военной семантики. Все зафиксированные метафоры образуют единую модель, которая четко отражает взгляд президента не только на ситуацию в связи с распространением смертельно опасного заболевания, но и на способ активного противодействия эпидемии, ее негативных последствий для отдельного человека и государства в целом.

4. Выводы

1) Анализ военных метафор, используемых В.В. Путиным в публичной речи при характеристике эпидемии КОВИД-19, показывает, что такого рода переносы не играют ведущей роли в репрезентации внутрисоссийской и мировой ситуации в условиях распространения смертельно опасной инфекции. Вместе с тем милитарные метафоры в речи В.В. Путина фиксируются регулярно (34 единицы в 154 контекстах) и, главное, системно.

2) Все военные метафоры в речи В.В. Путина формируются в рамках единой концептуальной модели «Эпидемия КОВИД-19 как война против человечества», в которой пандемия воспринимается как агрессор, а общество – не только как жертва, но и активная противодействующая сила. Ведущую роль в противоборстве эпидемии играют медицинские работники, которые занимают наиболее опасное место на линии непосредственного соприкосновения с агрессором, тогда как за органами власти, бизнес-сообществом закрепляется позиция ставки, военных штабов – разработчиков планов военных операций, а также фронтовых командиров, воплощающих в жизнь эти операции. Результатом такого противостояния должна стать безоговорочная капитуляция эпидемии и ее союзников (негативных социально-экономических последствий пандемии), а залогом такого результата является единство всего общества (передовой и штаба, фронта и тыла) в противодействии им. В соответствии с когнитивной матрицей основным источником для формирования переносов становится лексика, характеризующая сам процесс вооруженного противостояния и его результатов, а также локализации вооруженного конфликта.

3) При реализации милитарной модели президент России основное внимание сосредоточивает на трансляции когнитивной матрицы своего

представления о ситуации в стране в условиях пандемии, что проявляется в стремлении использовать актуализированные языковые, подчас стертые, совмещенные с метонимией метафоры на базе общеупотребительной лексики. Экспрессивные переносы характеризуют прежде всего самоотверженность медицинских работников в спасении жизни и здоровья российских граждан, а также единство всего общества в противодействии эпидемии.

Список литературы

- Алямкина А.С.* Когнитивное исследование военной метафоры в англоязычном и русскоязычном экономическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 178–182.
- Балашова Л.В.* Реализация концептов «свой–чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014а. № 1 (47). С. 40–50.
- Балашова Л.В.* Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее. М.: Языки славянских культур, 2014б. 493 с.
- Балашова Л.В.* Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014в. 632 с.
- Баранов А.Н.* Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 70–79.
- БАС* – Большой академический словарь русского языка: [в 33 т.]. М.; СПб.: Наука, 2004–. Т. 2: Благо–Внять. 2005. 657 с.; Т. 9: Л–Медь. 2007. 658 с.; Т. 11: Н–Недриться. 2008. 632 с.
- Будаев Э.В.* Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9–23.
- Воронцова Т.А.* Употребление военной лексики в «семейном» дискурсе // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2005. Ч. I. С. 239–244.
- Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 31–44.
- Дурду Б., Агеева Ю.В.* Функционирование военной лексики в языке СМИ // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 35–38. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0801-0006.
- Елистратов А.А.* Военная лексика в языке спорта // Русская речь. 2005. № 2. С. 64–69.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/>.
- Ильина Т.В., Коратаева Н.В.* «Военная» лексика как средство создания речевой агрессии в рекламном тексте // Язык и национальное сознание: тр. теорет.-лингвист. шк. в обл. общ. и рус. языкознания. М.: Истоки, 2017. С. 57–60.
- Кураш С.Б., Аमतов А.М., Свищёв Г.В.* Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 2. С. 12–20. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-2.

- МАС 1999* – Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>.
- Мороз О.* На войне как на войне. Вирус, метафоры и языковые игры // N + 1. 29 мая 2020. URL: <https://nplus1.ru/blog/2020/05/29/why-so-militant>.
- Сизых М.М.* Военная метафора в рецепции COVID-19 (на материале современного русского медиадискурса) // Филологический аспект. 2020. № 05 (61). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/voennaya-metafora-v-retseptsii-covid-19-na-materiale-sovremennogo-russkogo-mediadiskursa.html>.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.
- Федотова Н.В.* Функционирование военной метафоры в современном политическом дискурсе // Русская речь. 2019. № 4. С. 30–42. DOI: 10.31857/S013161170005359-3.
- Федотова Н.В.* Специфика употребления военной метафоры в медицинском дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 2. С. 60–62.
- Чудинов А.П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53–59.
- Яковлева Е.А., Ирнараров Э.Н.* Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 2. С. 132–140. DOI: 10.15643/libartrus-2018.2.5.
- Ausmus W.* Pragmatic Uses of Metaphor: Models and Metaphor in the Nuclear Winter Scenario // Communication Monographs. 1998. Vol. 65. № 1. P. 67–82.
- Charteris-Black J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 239 p. DOI: 10.1057/9780230501706.
- Hartley J.* Understanding News. London; New York: Routledge, 1995. 203 p.
- Holly W.* Politikersprache: Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1990. 406 s.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 276 p.
- Munday J.* Introducing Translation Studies: Theories and Applications. London; New York: Routledge, 2004. 222 p.
- Ritchie D.* Argument is War – Or is it a Game of Chess? // Metaphor and Symbol. 2003. Vol. 18 (2). P. 125–146. DOI: 10.1207/S15327868MS1802_4.

References

- Alyamkina, A.S. (2013), Cognitive analysis of the military metaphor in English and Russian economic discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 178-182. (in Russian).
- Ausmus, W. (1998), Pragmatic Uses of Metaphor: Models and Metaphor in the Nuclear Winter Scenario. *Communication Monographs*, Vol. 65, no. 1, pp. 67-82.
- Balashova, L.V. (2014a), Implementation of the concepts “friend or foe” in Russian political discourse in the beginning of XXI century. *Political Linguistics*, no. 1 (47), pp. 40-50. (in Russian).

- Balashova, L.V. (2014b), *Russkaya metafora. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee* [Russian metaphor. Past. Present. Future], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., 493 p. (in Russian).
- Balashova, L.V. (2014c), *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: 11–21 vv.* [Russian metaphorical system in development: 11-21st centuries], Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi publ., Znak publ., 632 p. (in Russian).
- Baranov, A. (2004), Metaphorical aspects of corruption phenomenon. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 2, pp.70-79. (in Russian).
- Black, J. (2005), *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*, Basingstoke, Palgrave Macmillan publ., 239 p. DOI: 10.1057/9780230501706.
- Budaev, E.V. (2010), Political metaphorology: focuses of contrastive analysis. *Political Linguistics*, no. 1 (31), pp. 9-23. (in Russian).
- Charteris-Black, J. (2005), *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*, Basingstoke, Palgrave Macmillan publ., 239 p. DOI: 10.1057/9780230501706.
- Chudinov, A.P. (2012), Discursive characteristics of political communication. *Political Linguistics*, no. 2 (40), pp. 53-59. (in Russian).
- Dem'yankov, V.Z. (2002), Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. *Political Science (RU)*, no. 3, pp. 31-44. (in Russian).
- Durdu, B., Ageeva, Ju.V. (2019), Functioning of military lexis in the language of the media. *Baltic Humanitarian Journal*, Vol. 8, no. 1 (26), pp. 35-38. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0801-0006. (in Russian).
- Efremova, T.F. (2000), *New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational*, Moscow, Russkii yazyk publ., available at: <https://www.efremova.info/>. (in Russian).
- Elistratov, A.A. (2005), Voennaya leksika v yazyke sporta [Military vocabulary in the language of sports]. *Russkaya Rech'*, no. 2, pp. 64-69. (in Russian).
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999), *Dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, 4th ed., Moscow, Russkii yazyk publ., Poligrafresursy publ., available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>. (in Russian).
- Fedotova, N. (2019), Functioning of Military Metaphor in Modern Political Discourse. *Russkaya Rech'*, iss. 4, pp. 30-42. DOI: 10.31857/S013161170005359-3. (in Russian).
- Fedotova, N.V. (2018), The specificity of using the military metaphor in the medical discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, no. 2, pp. 60-62. (in Russian).
- (2004–2017), *Great academic dictionary of the Russian language*, in 33 volumes, Moscow, St. Petersburg, Nauka publ., Vol. 2, 2005, 657 p.; Vol. 9, 2007, 658 p.; Vol. 11, 2008, 632 p. (in Russian).
- Hartley, J. (1995), *Understanding News*, London, New York, Routledge publ., 203 p.
- Holly, W. (1990), *Politikersprache: Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten*, Berlin, New York, Mouton de Gruyter publ., 406 p. (in German).
- Il'ina, T.V., Korataeva, N.V. (2017), “Voennaya” leksika kak sredstvo sozdaniya rechevoi agressii v reklamnom tekste [“Military” vocabulary as a means of creating speech aggression in an advertising text]. *Yazyk i natsional'noe soznanie* [Language and national consciousness], works of the theoretical and linguistic school

- in the field of General and Russian linguistics, Moscow, Istoki publ., pp. 57-60. (in Russian).
- Kurash, S.B., Amatov, A.M., Svishchov, G.V. (2018), Military metaphor in political discourse: tactics and strategy. *Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, Vol. 4, no. 2, pp. 12-20. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-2. (in Russian).
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live By*, Chicago, London, The University of Chicago Press, 276 p.
- Moroz, O. (2020), Na voine kak na voine. Virus, metafory i yazykovye igry [War is like war. Virus, metaphors and language games]. *N + 1*, May 29, available at: <https://nplus1.ru/blog/2020/05/29/why-so-militant>. (in Russian).
- Munday, J. (2004), *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*, London, New York, Routledge publ., 222 p.
- Ritchie, D. (2003), Argument is War – Or is it a Game of Chess? *Metaphor and Symbol*, Vol. 18 (2), pp. 125-146. DOI: 10.1207/S15327868MS1802_4.
- Sizykh, M.M. (2020), Military metaphor in the reception of COVID-19 (based on the material of modern Russian media discourse). *Filologicheskii aspekt*, no. 05 (61), available at: <https://scipress.ru/philology/articles/voennaya-metafora-v-retseptsii-covid-19-na-materiale-sovremennogo-russkogo-mediadiskursa.html>. (in Russian).
- Ushakov, D.N. (ed.) (1935-1940) *Explanatory dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., OGIZ publ., available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (in Russian).
- Vorontsova, T.A. (2005), Upotreblenie militarnoi leksiki v “semeinom” diskurse [The use of military vocabulary in the “family” discourse]. *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletii* [Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium], Materials of the 3rd all-Russian scientific-practical conference, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., Pt. 1, pp. 239-244. (in Russian).
- Yakovleva, E.A., Imazarov, E.N. (2018), Features of the naming of weapons and military equipment in contemporary information discourse. *Liberal Arts in Russia*, Vol. 7, no. 2, pp. 132-140. DOI: 10.15643/libartus-2018.2.5. (in Russian).

MILITARY METAPHOR AS A WAY OF FORMATION OF THE COVID-19 CONCEPT IN VLADIMIR PUTIN’S SPEECH

L.V. Balashova

Saratov State University (Saratov, Russia)

Abstract: The article analyzes military metaphors used by V.V. Putin in describing the COVID-19 pandemic in linguistic and cognitive aspects. The purpose of the work is to establish the degree of demand for such transfers and their design in a single conceptual model that reflects the Russian President's view of the situation in the country and the world in connection with the spread of infection. The research material was 43 text documents of Putin's address to the citizens of the Russian Federation, his speeches at work meetings and meetings of various levels, published from March 25 to July 6 2020 on the official website (kremlin.ru), as well as explanatory, semantic dictionaries of the Russian language. Based on a

comprehensive methodology that includes modern semantic, functional-stylistic, linguocognitive and linguoculturological methods of analyzing language units, regular sources of military metaphors, the cognitive matrix of the “COVID-19 Epidemic as a war against humanity” model, as well as the specifics of its implementation when representing the President of Russia's point of view on the epidemiological, socio-economic and political situation in connection with the spread of coronavirus infection are established.

Key words: military model of metaphORIZATION, language picture of the world, V.V. Putin's speech, COVID-19.

For citation:

Balashova, L.V. (2020), Military metaphor as a way of formation of the COVID-19 concept in Vladimir Putin's speech. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 777-800. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800. (in Russian).

About the author:

Balashova, Lyubov Viktorovna, Prof., Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 83, Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russia

E-mail: balashova53@yandex.ru

Received: September 19, 2020

Revised: September 29, 2020

Accepted: November 2, 2020

**«КОРОНАПСИХОЗ», «КОРОНАСКЕПТИКИ»,
«COVIDISM», «COVIDOPHOBIA»
И ДРУГИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ 2020 г.**

И.П. Зайцева

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(Витебск, Беларусь)*

Аннотация: В статье анализируется ряд номинаций, появление и/или актуализация которых в современной речевой практике различных лингвокультур обусловлены в первую очередь экстралингвистическими (преимущественно социальными) факторами: пандемией коронавирусной инфекции, охватившей сегодня практически весь мир, и связанными с этим явлением изменениями в общественной жизни. Исследование проведено на материале нескольких языков: преимущественно русского, но также английского и украинского, – в каждом из которых зафиксировано появление новых слов либо значений, обусловленных сложившейся в социуме ситуацией. Основное внимание уделено лексико-семантической группе со значением ‘эмоциональные и физические состояния личности в период пандемии COVID-19’, в которую входит значительная часть отобранных для анализа лингвистических единиц: новообразований с корнями *коронавирус-* (рус. и укр.) и *COVID-* (англ.), функционирующих в речевой практике современного периода в рамках различных лингвокультур, что свидетельствует, с одной стороны, о широте спектра психофизиологических реакций человека на сложившуюся в обществе кризисную ситуацию, с другой – о востребованности создания речевых (потенциально и языковых) единиц, эти реакции обозначающих.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, речевая практика, окказиональные образования, словообразовательное гнездо, деривация, системные связи, лингвокультура.

Для цитирования:

Зайцева И.П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 801–813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 210038, Беларусь, Витебск, Московский пр., 33

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Дата поступления статьи: 22.09.2020

Дата рецензирования: 29.09.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

Введение

События, начавшиеся в конце 2019 г. и продолжающиеся в настоящее время, которые войдут в историю как «пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2»¹, уже достаточно существенно повлияли и продолжают влиять на все без исключения сферы общественной жизни, что закономерно должно было найти отражение и речевой коммуникации.

Это выразилось не только в том, что практически во всех языках мира в сотни раз увеличилось число употреблений номинаций со значением 'COVID-19' (рус. 'коронавирус'), но и во множестве иных проявлений их активного освоения не только речевыми, но в ряде случаев и языковыми системами. Думается, что изучение прежде всего этих проявлений и представляет для лингвистического, а также социолингвистического и лингвокультурологического осмысления несомненный интерес, поскольку для исследователя, представляющего перечисленные научные области, важно выявить и описать конкретные формы «обживания» слова в языке как в условиях конкретного языка, так и в языке в принципе, а также установить закономерности и тенденции освоения разного рода новообразований в различных коммуникативно-речевых и лингвокультурных системах.

Принципы формирования корпуса материала исследования и его интерпретация

В **основном** корпусе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new>; далее – НКРЯ) зафиксировано всего 7 употреблений слова «коронавирус», свидетельствующих о том, что русскому языку оно известно уже в течение как минимум двух десятилетий; приведем некоторые из контекстов, в которых данная номинация функционирует:

- *SARS имеет природное происхождение и, вероятно, является рекомбинантом птичьего и коровьего **коронавирусов**. Представитель НАТО полковник J. Nevill и представитель ВОЗ R. Huер официально заявили по рос-*

¹ Вспышка коронавирусной инфекции, которая впервые была зафиксирована в декабре 2019 г. в китайском Ухане, 30 января 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) была объявлена чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение; 11 марта 2020 г. эта ситуация была квалифицирована ВОЗ как текущая глобальная пандемия.

сийскому телевидению, что **коронавирус** имеет природное происхождение и никоим образом не связан с разработкой биологического оружия или неосторожными манипуляциями в научных лабораториях (Л.М. Цымбалова, О.И. Киселёв. Международный симпозиум по военно-гражданскому сотрудничеству в области надзора и контроля за гриппом // «Вопросы вирусологии», 2003.12.01);

- В последнее время парвовирусный энтерит регистрируется крайне редко, чаще всего выделяют **коронавирус**, а он гораздо менее вирулентен, не надо применять при лечении гипериммунные сыворотки и другие иммуностимуляторы (Елена Дубровина. Вакцинация собак // «Homes & Gardens», 2012.08.10).

Приведенные и другие примеры, зафиксированные НКРЯ, однозначно свидетельствуют о принадлежности номинации «коронавирус» к терминологической лексике, к медицинской терминосистеме. Именно терминологическое значение актуализируется контекстами, в которых функционирует интересующее нас слово: это либо научные («Вопросы вирусологии»), либо научно-популярные («Наука и жизнь», «Знание – сила», «Homes & Gardens») периодические издания.

В этом же значении рассматриваемое слово зафиксировано в «Толковом словаре начала XXI века. Актуальная лексика» [Скляревская 2006], где оно проиллюстрировано одним из текстовых примеров из НКРЯ: **«Коронавирус – мед., микробиол. вирус, от липосодержащей внешней оболочки которого отходят шиповидные отростки, напоминающие солнечную корону ◆ В первом случае причиной стал изменённый коронавирус, носителями которого были летучие мыши. В. Зверев, “Вакцины: от Дженнера и Пастера до наших дней” // “Наука и жизнь”, 2006 г.»** [Скляревская 2006: 587].

Значительно большее число употреблений номинации «коронавирус» (22) зафиксировано в **газетном** корпусе НКРЯ; приведем некоторые из этих иллюстраций-контекстов:

- *Передаётся воздушно-капельным путём при очень близком контакте или через предметы, которыми пользовался больной человек (на них оседают частицы его слюны и мокроты). Возбудителем, скорее всего, является **коронавирус**. Раньше он считался не очень опасным для человека (Юлия Жуковская, Наталия Грачёва, Екатерина Лушникова. Так ли страшна атипичная пневмония? // Комсомольская правда, 2003.05.13);*

- *Вирус может оказаться мутантом Юрий Гендон, профессор НИИ вирусных препаратов: – Уже установлено, что возбудитель – **коронавирус** (Юлия Жуковская, Наталья Островская. (Наш спец. корр.). Владивосток. Воздержитесь от поездок в Китай и Гонконг // Комсомольская правда, 2003.04.02);*

- *Обнаруженный в 2012 году **коронавирус MERS-CoV** вызывает заболевание под названием ближневосточный респираторный синдром, ис-*

ход которого может быть летальным (Раздел «Наука». Врачи создали вакцину против вируса MERS // *gazeta.ru*, 2015.12.18);

- *О том, как можно лечить **коронавирус**, читайте в журнале «Ъ Наука» Вакцины от ближневосточного респираторного синдрома пока нет, но полечиться можно* (Роспотребнадзор усилит контроль за прибывающими из Европы из-за **коронавируса** // *Коммерсант*, 2015.10.21);

- *В столице Чехии Праге госпитализирован пациент с подозрением на **коронавирус** ближневосточного респираторного синдрома (MERS), передаёт ТАСС слова представителя Министерства здравоохранения республики Яна Штоле* (В Чехии госпитализирован больной с симптомами **коронавируса** // *Коммерсант*, 2015.06.16).

В этой же части НКРЯ – газетном корпусе – в одном из приведенных примеров функционирует новообразование от рассматриваемой номинации, подтверждающее ее потенциальную возможность к расширению словообразовательного гнезда, – **бета-коронавирус: MERS** – *воспалительное заболевание органов дыхания, которое вызывается вирусом рода **бета-коронавирус*** (*Коммерсант*, 17.09.2017).

Как известно, существует ряд показателей, по которым можно судить о степени освоенности той или иной номинации конкретным языком. Слово может достаточно долго пребывать в пассивном лексическом запасе языковой системы, практически «не подавая признаков жизни», т. е. не употребляясь активно в речевой практике, а будучи «привлекательным» лишь в редких случаях (как, например, слово «коронавирус» в большинстве из рассмотренных выше примеров, взятых из текстов достаточно узкой тематики).

Когда же слово по тем или иным причинам (в подавляющем большинстве случаев – экстралингвистическим) оказывается востребованным, об этом, помимо повышения частотности (иногда – весьма существенного) его употребления, свидетельствует как расширение его деривационных связей, так и явная их динамизация, что мы и наблюдаем в отношении номинации «коронавирус» в 2020 г.

С начала XXI в. и вплоть до начала 2020 г. словообразовательное гнездо рассматриваемой номинации в русском языке включало лишь **три** компонента: имя существительное **коронавирус** (корневое слово); имя существительное **бета-коронавирус**, образованное от его основы способом словосложения, и образованное суффиксальным способом от той же основы имя прилагательное **коронавирусный**. Все перечисленные лексические единицы в означенный период однозначно входили в состав специальной (профессиональной) лексики и употреблялись в научных либо научно-популярных текстах преимущественно медицинской тематики. В начале же 2020 г., после того как о зафиксированной в китайском Ухане вспышке инфекции стало известно всему миру и она стремительно распространилась по всей планете, деривационные связи рассматриваемые

мой номинации явно активизировались, результатом чего стало и существенное расширение в разных языках словообразовательных гнезд («совокупности однокоренных слов, упорядоченной отношениями словообразовательной производности» [Тихонов 1997: 503]), где данная номинация функционирует в роли корневого слова, это гнездо «возглавляющего» (А.Н. Тихонов).

История возникновения и характер функционирования входящих в такие словообразовательные гнезда компонентов, активно используемых сегодня в речевой коммуникации, представляют безусловный интерес для лингвистического осмысления, имеющего целью проследить, как слово «обживается» в языке: проанализировать контексты, в которых оно чаще всего употребляется; выявить и описать формы его «укоренения» в языковой системе, в частности – пути приобретения разного рода системных связей и т. д.¹

В русском языке наиболее экспрессивным новообразованием от номинации «коронавирус», пожалуй, следует признать окказионализм, авторство которого приписывается президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: благодаря ему в речевую практику нашего времени вошло словосочетание **коронавирусный психоз**, достаточно быстро превратившееся (под влиянием действующих в современном языке тенденций) в **коронапсихоз**. Предпосылки для образования президентом Республики Беларусь окказионализма от слова «коронавирус» можно заметить уже в ряде публикаций марта 2020 г. Так, в одном из сообщений на портале INTERFAX.RU от 27 марта находим оценку А.Г. Лукашенко коронавирусной пандемии словом «психоз», которое журналист в названии сообщения дополняет определением «коронавирусный»: *Президент Белоруссии Александр Лукашенко назвал недальновидным решение США ввести чрезвычайное положение в связи с пандемией коронавируса, но похвалил позицию Дональда Трампа; ситуацию вокруг COVID-19 он назвал «психозом»* (здесь и далее в текстовых иллюстрациях выделено мной. – И. З.), *который, по его словам, остановил мировую экономику* (<https://www.interfax.ru/world/701243>).

Менее чем через неделю как словосочетание «коронавирусный психоз», так и образованное на базе этого словосочетания сложное слово «коронапсихоз», также практически всеми воспринимаемое как окказионализм от президента А.Г. Лукашенко, начинают весьма активно употребляться в различных русскоязычных публицистических текстах – как в

¹ В связи с этим обратим внимание на любопытное замечание Андрея Сомина, сделанное им как раз по поводу освоения сегодня русским языком слова «коронавирус»: «Филологу интереснее то, как слово обживается в русском языке: стоило нам к нему привыкнуть, как у названия вируса появились сокращения “корона”, “коронка”, хотя у этих слов есть и свои собственные значения». – *Сомин А.* Что удивляет в коронавирусе лингвистов // Российская газета. 2020. 3 апр. URL: <https://rg.ru/2020/04/03/reg-sibfo/chto-udivliaet-v-koronaviruse-lingvistov.html>.

белорусских, так и в российских; приведем в подтверждение лишь некоторые выдержки из апрельских публикаций текущего года:

- По его [А.Г. Лукашенко] словам, сегодня уже многие задумываются над главным вопросом: что будет после пандемии коронавирусной инфекции. «А не кажется ли, что сильные мира сего без войны (Макрон это уже войной назвал), через этот так называемый **коронавирусный психоз**, инфодемию в том числе, хотят переделить мир?» – заметил президент в интервью телерадиокомпании «Мир» в четверг. Его цитирует госагентство БелТА.

Сегодня все уже отвечают: после пандемии мир будет другим. И я с этим согласен. Но где будет наше место в этом мире? Вот для меня главный вопрос. Не **коронапсихоз**, не инфопандемия. Это есть, но месяц-два – и пройдет. Останется вопрос, где наше место», – заметил Лукашенко (<https://www.interfax.ru/world/702191>);

- Лукашенко же изначально продемонстрировал скептическое отношение к пандемии и называл происходящее «**коронавирусным психозом**». Он советует пить водку, работать в поле и ходить в баню для профилактики инфекции (https://lenta.ru/articles/2020/04/08/chto_proishodit/);

- Мой предыдущий пост про семь столпов **коронапсихоза** стал вирусным всего за одну ночь. <...>

Во всём мире потери экономики от **коронавирусного психоза** оценивают в \$ 7 триллионов. <...>

Начало истерии было похоже на то, с чего начался сегодняшний **коронавирусный психоз** – ВОЗ на пустом месте объявила пандемию и спровоцировала панику, которая стоила мировой экономике \$ 18 миллиардов. <...>

Крупнейшие корпорации, которые относительно безболезненно пережили кризис, и компании из богатых стран, выжившие за счёт господаций, пройдут пылесосом по планете и поглотят всех тех, кто не пережил **коронапсихоз** (<https://zen.yandex.ru/media/minskblog/koronapsihoz-komu-i-zachem-vse-eto-nujno-5e8896fc76040914a46824cd>);

- Охваченная истерическим психозом толпа не пытается анализировать ни цифры, ни факты – для анализа нужен рассудок, а он в состоянии психоза не работает. Тем не менее есть достаточно много людей, которые не поддались массовой панике, сохранили ясность рассудка, проанализировали и определили 7 мифов, на которых держится **коронапсихоз**... <...>

Ни в одной стране, поражённой сегодня **коронапсихозом**, нет запрета на продажу алкоголя и табака, убивающих треть населения. Зато есть запрет на выход из дома из-за вируса, который убивает 0,01 % населения. Это всё, что нужно знать о человеколюбии властей (<https://minskblog.livejournal.com/244146.html>);

- На этом фоне Александр Лукашенко проводит президентскую кампанию, стартовавшую в 2018 году. Летом 2020 года он, видимо, без про-

блем 2010 года переоформи́т продление своего пребывания в президентском кресле и в очередном новогоднем поздравлении напомнит соотечественникам не только о своей очередной «элегантной» как бы победе на так называемых выборах, но и о «красивой» победе над **«коронапсихозом»** (<https://regnum.ru/news/polit/2915768.html>);

- Президент республики Александр Лукашенко считает нецелесообразным вводить в стране режим самоизоляции. По его мнению, опасность коронавируса сильно преувеличена. Обилие негативной информации приводит к панике и **психозу**, а они отягчают последствия COVID-19. Позиция Лукашенко неизменна: введение самоизоляции обрушит экономику и ввернет страну в кризис. На днях глава республики заявил, что в стране нет ни одного умершего от COVID-19 и требовал остановить **«коронапсихоз»** (<https://klops.ru/collections/2020-04-15/211977-nikakogo-koronapsihoza-chetyre-strany-v-kotoryh-ne-veryat-v-pandemiyu-covid-19>);

- На середину апреля было запланировано его послание народу и парламенту. Оно не состоялось из-за «ситуации с **коронапсихозом**, инфекциями, а потом объявленной пандемией», как объяснил сам Лукашенко на субботнике (<https://www.mk.ru/politics/2020/04/26/koronapsikhoz-lukashenko-belorusskiy-subbotnik-mozhet-sprovocirovat-tragediyu.html>).

Примечательно, что в шести из семи публикаций, фрагменты которых приведены, новообразованное слово «коронапсихоз» вынесено в заглавие, которое, как известно, является «сильной» для восприятия любого, а тем более публицистического, текста позицией; помимо этого наблюдается последовательное заключение и данной номинации, и выражения «коронавирусный психоз» в кавычки.

Примечательно, что уже 11 апреля 2020 г. на интернет-портале известного российского радио «Эхо Москвы» появилась статья Виктора Шендеровича под названием «Смотри в оба: **коронапсихоз** от “бабки” Лукашенко», в которой содержится своего рода социолингвистическая интерпретация рассматриваемого образования, ср. в частности: **«Коронапсихоз» – новояз от президента Александра Лукашенко. С самых первых дней, когда болезнь вышла за границы Китая и стала быстро захватывать новые территории, глава Беларуси упорно отказывался признавать наличие проблемы. Какую только «панацею» он не предлагал: и водку пить, и на тракторе в поле пахать, в бане париться и плотно питаться** (<https://echo.msk.ru/blog/currenttime/2623110-echo/>).

В приведенном фрагменте автор интерпретирует новообразование от А.Г. Лукашенко как **элемент новояза**, что уже само по себе свидетельствует о его негативной оценке: данный термин обычно используется при нелицеприятной квалификации того или иного явления. Это очевидно и из описания термина «новояз» в одном из современных толковых словарей: **«НОВОЯЗ <...> Пренебр.** О языке советского времени, отличающемся идеологизированностью, косностью, громоздкими канцелярски-

ми фразами» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 654]. Аналогично толкуется термин «новояз» и с философских позиций – как «термин, введенный в гуманитарный оборот Оруэллом в романе “1984” для обозначения детерминированной тоталитарным обществом системы речи и языковых высказываний, способной жестко обуславливать (как в норме, так и в патологии) духовно-деятельностные алгоритмы целостной совокупности поведенческих репертуаров людей» [Грицанов 2003: 697]. Квалификация новообразования «коронапсихоз» как элемента новояза, видимо, должна была, по мысли автора, зафиксировать наличие у него негативной коннотативной окраски, которая, как можно было убедиться, при введении слова в коммуникативно-речевые образования нередко усиливается и контекстуальным окружением.

Впрочем, изначально негативная коннотативная окраска отнюдь не помешала новообразованию «коронапсихоз» активно внедриться в современную речевую практику, причем не только Республики Беларусь и Российской Федерации, но и других постсоветских государств. В частности, рассматриваемая номинация нередко встречается в украинской публицистике последних месяцев, ср. приводимый далее фрагмент из статьи Анна Тохмахчи «“Это **коронапсихоз** и сумасшедший дом”. Истории людей, которые не верят в коронавирус» от 30 июня, размещенной на украинском портале Hromadske (автор, интересуясь отношением разных людей к пандемии коронавируса, приводит фрагменты из интервью с ними, сопровождая их журналистскими комментариями): *Татьяна Верестун, 24 года. Педагог, училась в Киевском университете им. Бориса Гринченко.* <...> [далее – прямая речь представленного выше лица] *Эти цифры – это просто смешно! Это **коронапсихоз**. 200–300 человек. О какой эпидемии в стране и пандемии в мире вообще идёт речь? Если эпидемия – это более 200 тысяч больных в стране. Почему именно коронавирус? Спасибо за это СМИ. Если бы вся страна выключила телевизор, а лучше выбросила бы его, не было бы никакого коронавируса. СМИ запугивают, там манипуляция и страх, паника* (<https://hromadske.ua/ru/posts/eto-koronapsihoz-i-sumasshedshij-dom-istorii-lyudej-kotorye-ne-veryat-v-koronavirus>).

Обратим внимание на то, что интересующая нас номинация **коронапсихоз** присутствует как в речи интервьюируемого лица, так и в речи интервьюирующего (в названии публикации), причем автор, продолжая уже сложившуюся традицию, использует его как элемент «чужой» речи (заимствованный у собеседника), о чем свидетельствует заключение части названия публикации в кавычки.

Еще более любопытным представляется использование рассматриваемого окказионализма украиноязычным публицистом Юрием Малашевичем, где он также вынесен в название статьи, опубликованной 26 апреля на украинском городском портале «Житомир info» и названной «**Ко-**

рона-психоз, або технологія Covid-паніки: роль ЗМІ в накрутці істерії та розкачуванні ситуації»¹.

В данном случае обращает на себя внимание, во-первых, орфографическое оформление автором анализируемой номинации, отличное от встречающихся ранее (дефисное, а не слитное написание), а во-вторых – смысл названия, судя по которому, автор в оценке ситуации пандемии склоняется скорее к мнению А.Г. Лукашенко, нежели к позиции его многочисленных оппонентов, полагая, что сложившаяся ситуация до масштабов массовой истерии «раздута» исключительно усилиями СМИ. Наконец, нельзя не заметить еще одной особенности, свидетельствующей уже о характере реакции на статью Ю. Малашевича читателей – статья заканчивается читательским комментарием, представляющимся весьма любопытным:

Олена Білошицька-Костюкевич

*Радує, що не всі втратили здоровий глузд, але **ковідіотів** вистачає.*

Ковідіот – це нове слово, яке нещодавно з'явилося в англійському онлайн-словнику Urban Dictionary.

Covidiot [ˈkəv'ɪdiəʊt] – так можна назвати кожного, хто піддався масовій паніці від страху перед COVID-19² (https://www.zhitomir.info/post_2624.html).

В читательском комментарии позиция автора публикации подтверждается употреблением еще одного неологизма «коронавирусной» лексико-тематической группы, который комментатор приводит со ссылкой на его изначальный вариант, зафиксированный английским онлайн-словарем Urban Dictionary³ (<https://www.urbandictionary.com/>). Это слово **ковидиот**, значение которого автор тут же, со ссылкой на упомянутый источник, разъясняет ('так можно назвать каждого, кто поддался массовой панике перед COVID-19'), приводя не только написание слова латиницей (**covidiot**), но и его транскрипцию.

¹ «Корона-психоз, или технология Covid-паніки: роль СМИ в накрутке истерии и раскачивании ситуации». – *Пер. авт. ст.*

² Радует, что не все утратили здравый смысл, однако ковидиотов хватает. Ковидиот – это новое слово, которое недавно появилось в английском онлайн-словаре Urban Dictionary.

Covidiot [ˈkəv'ɪdiəʊt] – так можно назвать каждого, кто поддался массовой панике перед COVID-19. – *Пер. авт. ст.*

³ Urban Dictionary представляет собой Crowdsourced онлайн-словарь для жаргонных слов и фраз, работающих под девизом «Define your world» (досл. «Дай определение своему миру»). Сайт, на котором размещается этот постоянно пополняющийся словарь, был основан в 1999 году Аароном Пекхэмом. Первоначально Urban Dictionary был задуман как словарь сленга или культурных слов или фраз, которые обычно не встречаются в стандартных словарях, однако позднее он стал использоваться для определения любого слова или фразы, в том числе и имеющих несколько значений. По состоянию на 2014 г. словарь включал более 7 000 000 толкований слов и выражений, при этом ежедневно в него добавлялось 2 000 новых словарных статей.

Обращение к упомянутому словарю подтверждает значительное увеличение деривационной активности корня *Covid-* (синонимичного русскому *коронавирус-*) – в данном случае в современной англоязычной речевой практике. Безусловно, далеко не все окказионализмы, зафиксированные в речи современных носителей языка (преимущественно – разговорной и/или жаргонной), смогут в дальнейшем закрепиться в языковой системе, однако даже с учетом этого факта диапазон новообразований от корня **COVID-** (*covid-*), уже созданных и хотя бы единожды (а в основном – значительно чаще) употребленных, просто поражает: на конец августа нынешнего года их зафиксировано в Urban Dictionary более **40 единиц**, причем несколько из них уже являются многозначными.

Эти новообразования принадлежат к различным частям речи, однако подавляющее их большинство составляют имена существительные, которые могут быть объединены в несколько лексико-семантических групп (далее – ЛСГ). С учетом рамок настоящей публикации остановимся подробнее на ЛСГ существительных, обозначающих связанные с коронавирусной пандемией психофизиологические состояния личности, семантически соотносимые с номинацией «коронапсихоз».

Судя по данным Urban Dictionary, в течение марта – августа 2020 г. в англоязычную речевую практику вошли семь новообразований, входящих в интересующую нас ЛСГ (три из них появились в апреле, две – в мае, по одной – в июне и августе):

- **COVIDity** ('The ability to express emotion without use of the lower half of the face for emotional expressions behind a mask') – **ковидизм** ('умение выражать эмоции без использования нижней половины лица для эмоционального выражения под маской');

- **Covidhead** ('Slang for the feeling of being entirely overtaken, mentally and emotionally, by stress due to the Coronavirus Pandemic' – 'сленгизм для обозначения ощущения, что вас полностью поглотил психологический и эмоциональный стресс из-за пандемии коронавируса'); русскоязычный аналог отсутствует;

- **Covidhoaxamitis** ('A crippling mental disability that results in a diminished capacity to understand the basic science about the viral pandemic caused by SARS-CoV-2(Covid19) thus espousing inaccurate and deceptive information that minimizes, disregards and embraces that the disease is simply a hoax') – **ковидоаксамит** ('психический недуг, приводящий к снижению способности научно трактовать вирусную пандемию, вызванную Covid-19, следствием чего является принятие недостоверной информации о болезни, в том числе и отрицание ее существования');

- **Coviding** ('How you're responding emotionally and physically to the worldwide Covid-19 pandemic of 2020') – **ковидинг** ('характеристика эмоциональной и физической реакций человека на пандемию Covid-19 в 2020 г.');

• **Covidism** – **ковидизм** (толкование данного слова в Urban Dictionary отсутствует, приведены лишь содержащие его фразы (например: *I am suffering from Covidism in 2020*), позволяющие контекстуально определить значение: ‘эмоциональное и/или физическое состояние личности, обусловленное влиянием коронавирусной пандемии 2020 г.’);

• **covidmania** (‘an uncontrollable obsession or preoccupation with coronavirus diseases like covid-19’) – **ковидмания** (‘неконтролируемая навязчивая идея или озабоченность коронавирусными заболеваниями, такими как covid-19’);

• **covidophobia** (‘a morbid fear of coronavirus diseases’) – **ковидфобия** (‘болезненный страх перед коронавирусными заболеваниями’).

В сформированной ЛСГ присутствуют в том числе и номинации, являющиеся синонимичными слову *коронапсихоз*, функционирующему в восточнославянской (русско- и украиноязычной) речевой практике: **covidophobia** (ковидфобия) и **covidmania** (ковидмания). Частично синонимичны слову *коронапсихоз*, с нашей точки зрения, и номинации **Covidhoaxamitis** (ковидоаксамит), **Coviding** (ковидинг) и **Covidism** (ковидизм), а также не имеющее аналога в русском языке **Covidhead**, несмотря на то, что их значения в большей степени нуждаются в контекстуальном уточнении, чем «ковидфобия» и «ковидмания» как слова с явными негативными коннотациями.

Заключение

Таким образом, сегодня можно с уверенностью утверждать, что пандемия COVID-19, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2, уже оставила весьма заметный след в современной речевой практике, о чем свидетельствует актуальная практика различных лингвокультур. «Коронавирусный» словарь, продолжающий активно пополняться, представляет безусловный интерес для осмысления как с коммуникативно-лингвистической точки зрения, так и с позиций системно-структурной и функциональной лингвистики – причем не только в границах конкретного национального языка, но и (пожалуй, в наибольшей степени) – в сопоставительном ключе.

Например, весьма исследовательски плодотворным представляется сопоставление функционирующих в разных речевых системах номинаций, обозначающих лиц, появившиеся в связи с охватившей общество пандемией, в числе которых отмеченные онлайн-словарем Urban Dictionary **covidist** (ковидист – ‘приверженец ковидизма’), **Covidian** (ковидианец – ‘тот, кто пережил глобальную пандемию Covid-19, начавшуюся в январе 2020 г.’), **COVIDRAZY** (‘тот, кто сошел с ума, пытаясь воспринять всю имеющуюся о вирусе COVID-19 информацию’; русскоязычный аналог отсутствует) и целый ряд других.

В этом же ряду находятся рассмотренная ранее номинация **ковидиот**, употребленная в украиноязычной публикации со ссылкой на исходный англоязычный вариант – **Covidiot**, а также слово **коронаскептику**, про-

звучавшее в эфире информационной программы белорусского телеканала «Беларусь 1» 30 августа, и этот ряд, вне всякого сомнения, будет еще пополняться.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
- Грицанов А.А. Новояз // Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А.А. Грицанов. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 697.
- Скляревская 2006 – Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика: ок. 8500 сл. и устойчивых словосочетаний / под ред. Г.Н. Скляревской. М.: ЭКСМО, 2006. 1136 с.
- Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 503–505.

References

- Gritsanov, A.A. (2003), Novoyaz [Newspeak]. Gritsanov, A.A. (ed.) *The newest philosophical dictionary*, Minsk, Knizhnyi Dom publ., p. 697. (in Russian).
- Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000), *Great explanatory dictionary of the Russian language*, St. Petersburg, Norint publ., 1535 p. (in Russian).
- Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2006), *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the 21st century*, Actual vocabulary, about 8500 words and set expressions, Moscow, EKSMO publ., 1136 p. (in Russian).
- Tikhonov, A.N. (1997), Slovoobrazovatel'noe gnezdo [Word-building nest]. Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russian language*, Encyclopedia, Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya publ., Drofa publ., pp. 503-505. (in Russian).

“CORONA PSYCHOSIS”, “CORONA SKEPTICS”, “COVIDISM”, “COVIDOPHOBIA” AND OTHER SOCIOLINGUISTIC MARKERS OF 2020

I.P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Abstract: The article analyzes a number of nominations, the emergence and / or actualization of which in modern speech practice of different linguistic cultures are primarily due to extralinguistic (mostly social) factors: the global coronavirus pandemic, which has spread almost all over the world, and related changes in public life. The study was conducted on the basis of several languages: mainly Russian, but also English and Ukrainian – in each the emergence of new words or meanings due to the current situation in society is recorded. The main attention is paid to the lexical-semantic group with the meaning ‘emotional and physical states of the person during the COVID-19 pandemic’, which includes a significant part of the linguistic units selected for analysis: neoplasms with roots *coronavirus-* (Russian and Ukrainian) and *COVID-* (English) operating in the speech practice of the modern period within different linguistic cultures, which

indicates, on the one hand, the breadth of the range of human psychophysiological reactions on the crisis in society, on the other – the demand for speech (potentially and linguistic) units, these reactions denoting.

Key words: extralinguistic factors, speech practice, occasional formations, word-formation nest, derivation, system connections, linguoculture.

For citation:

Zaitseva, I.P. (2020), “Corona psychosis”, “corona skeptics”, “covidism”, “covidophobia” and other sociolinguistic markers of 2020. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 801-813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813. (in Russian).

About the author:

Zaitseva, Irina Pavlovna, Prof.

Corresponding author:

Postal address: 33, Moskovskii pr., Vitebsk, 210038, Belarus

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Received: September 22, 2020

Revised: September 29, 2020

Accepted: November 2, 2020

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ КОРОНАКРИЗИСА В ГЕРМАНИИ

Х. Куссе

Дрезденский технический университет (Дрезден, Германия)

Аннотация: Коронавирусный кризис изменил не только общественную жизнь во всем мире, но и языковой ландшафт. В статье эти изменения наблюдаются на примере Германии. Большинство примеров – из Дрездена, места жительства и работы автора. Сперва в статье описываются наиболее важные словесные образования (компози́ты и бино́мы), возникшие в контексте коронавирuсно-го кризиса. После короткого введения в теорию языкового ландшафта и семиотической мультимодальности третья часть посвящена молчанию в начале кризиса, которое принимало различные формы: фактического молчания или молчания в форме официальной речи. Далее следует описание каламбуров с ключевыми выражениями, такими как *маска*, *дистанция* и *ответственность*. В конце показано, как при мультимодальном взаимодействии изображений и текстов в публичном пространстве изображение становится более важным, чем слово.

Ключевые слова: языковой ландшафт, немецкий язык, коронавирусный кризис, словообразование, мультимодальность, языковая игра, публичная коммуникация.

Для цитирования:

Куссе Х. Языковой ландшафт коронакризиса в Германии // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 814–845. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).814-845.

Сведения об авторе:

Куссе Хольгер, доктор филологических наук, профессор славянского языкознания и истории славянских языков Института славистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 01062, Германия, Дрезден, Дрезденский технический университет, Институт славистики

E-mail: holger.kusse@tu-dresden.de

Благодарности:

Автор благодарит Марианну Новосёлову, ассистента Института славистики Технического университета Дрездена, за корректуру рукописи

Дата поступления статьи: 01.10.2020

Дата рецензирования: 11.10.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

1. Слова

Масштабные и значимые события, как положительные, так и отрицательные, порождают новые слова и фразы и большое количество текстов. Это произошло и во время пандемии коронавируса. Вначале ситуация была неопределенной, и термин *коронавирус* пришлось объяснить как «вариант вируса атипичной пневмонии», см., напр., новостную трансляцию от 21 января 2020 г. (<https://www1.wdr.de/nachrichten/Corona-Virus100.html>). Вскоре добавился термин *Covid-19*, и *эпидемия* стала *пандемией*. Это слово распространилось как сам вирус. До марта 2020 г. слово *пандемия*, в отличие от *эпидемии*, в Германии почти не употреблялось. Если его сегодня ввести в Google, то поисковая система даст около 115 000 000 результатов, в то время как *эпидемия* покажет только 51 500 000 (запрос от 27 сентября 2020 г.). Еще одно слово из официального немецкого языка, которое едва ли кто-либо знал в феврале, – *Allgemeinverfügung* (*Генеральное постановление*) – в марте стало часто употребляемым термином, означающим пакет мер, которые должны были регулировать поведение во время пандемии. Другие административные термины, такие как *Hygieneabstand* (*гигиеническая дистанция*) или *Abstands- und Hygieneregeln* (*правила дистанции и правила гигиены*), были в целом понятны и стали частью повседневного языка. Слова *Abstandsregel* (*правило дистанции*) и *Hygieneregeln* (*правило гигиены*) не являются неологизмами, но в настоящее время они напрямую связаны с пандемией коронавируса, как и слово *Risikogebiet* (*зона риска*). Слово прямо не говорит о том, какой именно риск особенно высок в том или ином месте, но сегодня в основном активизировано значение «место с высоким риском заражения коронавирусом».

Слово *Corona* стало продуктивным корнем в немецком словосложении. Корень отделился от второй, нарицательной части слова *-virus*. Он заменяется соответствующими спецификациями, такими как *-krise* (*-кризис*) или *-zahlen* (*-числа*). Эти неологизмы образуются в виде настоящих композитов или биномов с дефисом. Во многих случаях возможны обе формы, например *Coronakrise* и *Corona-Krise* (*коронавирусный кризис*). Распространенными сложными словами являются *Coronaregeln* (*правила поведения для защиты от коронавируса*), *Coronazahlen* (*числа заражений коронавирусом*), *Coronaausbruch* (*вспышка коронавирусной инфекции*), *Coronasymptome* (*симптомы коронавируса*). У биномов большое разнообразие: *Corona-Infektion* (*коронавирусная инфекция*), *Corona-Situation* (*ситуация с коронавирусной инфекцией*), *Corona-Schutz* (*защита от коронавирусной инфекции*), *Corona-Maßnahmen* (*меры для защиты от коронавирусной инфекции*), *Corona-Ferien* (*школьные каникулы, введенные из-за распространения*

коронавирусной инфекции), *Corona-News* (новости о коронавирусной инфекции), *Corona-App* (коронавирусное приложение), *Corona-Hysteriker* (человек, который в истерике из-за коронавируса), *Corona-Leugner* (отрицатель коронавируса), *Corona-Leugner-Demo* (митинг отрицателей коронавируса). Как показывает последний пример, словообразование может быть расширено как вправо, так и влево. В моем университете, Техническом университете Дрездена (TU Dresden), есть *TU-Corona-Ticker*, который своей языковой формой безопасно обрамляет вирус научным наблюдением с одной стороны (TU) и средствами массовой информации – с другой (*Ticker*). Если *Corona-Leugner* (отрицатель коронавируса) меняет свое мнение, он становится *Ex-Corona-Leugner* (бывшим отрицателем коронавируса). Тогда он уже не называет *Anti-Corona-Verordnungen* (постановления по защите от коронавируса) *Corona-Maßnahmen-Unsinn* (бессмысленными антикоронавирусными мерами), а считает их целенаправленными *Anti-Corona-Schutzmaßnahmen* (мероприятиями по защите от коронавируса).

Corona (без *-virus*) стала повседневным термином и находится на пути к тому, чтобы стать концептом. Например, Федеральное министерство здравоохранения создало информационную страницу под названием *Zusammen Gegen Corona* (Вместе против короны, www.zusammengegen-corona.de), а в иллюстрированных книгах для детей *Corona* уже стала фамилией. Фигуры, которые в воспитательных целях рассказывают детям о пандемии, носят имена *Jona Corona* или *Cora Corona*. На обложке книги вирусная девочка Кора изображена как зеленое чудовище с маленьким бантиком на щупальце (рис. 1).

Рис. 1. Книга для детей «Кора Корона»
(<https://www.muenchen.tv/cora-corona-ein-bilderbuch-fuer-kinder-347087/#>)

Креативные изображения, как с обложки детской иллюстрированной книги, распространились с такой же быстротой, как и слово *коронавирус*. Вирус в виде комикс-фигур может давать инструкции о том, как от

него защититься. У входа в небольшой ресторан недалеко от моего института в Дрездене забавная фигурка коронавируса, которая защищает себя самой маской, напоминает посетителям о том, что нужно носить маску. Под заголовком «Информация для гостей!» фигура коронавируса говорит: *Обязанность носить маску. Пожалуйста, наденьте маску, чтобы защитить свое здоровье* (рис. 2)¹.

Рис. 2. Информация для гостей на входе в ресторан

Маска, которую коронавирус носит на плакате и которая содержится в сложном слове *Maskenpflicht* (обязанность носить маску), распространена как объект в повседневной жизни, а также продуктивна как корень слова. Появились такие неологизмы, как *Alltagsmaske* (повседневная маска), *Maskenpflicht* (обязанность носить маску), *Maskenverordnung* (постановление об обязанности носить маску) и *Maskenmuffel* (ненавистник маски). Последнее по-немецки – это забавный термин для обозначения людей, которые носят маску только неохотно или совсем не носят. Слово *Muffel*, как правило, относится к плохо настроенному, ворчливому человеку. Очень распространенным является, например, *Morgenmuffel* (ненавистник утра) в отношении тех, кто рано утром всегда в плохом настроении.

В образованиях с *Maske* также есть композиты и биномиальные конструкции, такие как *Mund-Nase-Maske* (маска для рта и носа), *Schutz- und Behelfsmaske* (защитная и импровизированная маска), и есть синонимы, такие как *Mundschutzpflicht* (обязанность носить защиту для рта) вместо *Maskenpflicht* (обязанность носить маску) или *Mund-Nasenschutz* (защита рта и носа) вместо *Mund-Nase-Maske* (маски для рта и носа). Существуют

¹ Здесь и далее, за исключением случаев, указанных особо, все фотографии сделаны автором статьи.

также более старые обозначения, особенно *Hygienemaske* (гигиеническая маска).

Маска позволяет распознавать политические лагеря по поведению и языку. Есть и *Maskenbefürworter* (сторонники маски), и даже *Maskenfans* (фанаты маски), которых их оппоненты также называют *Maskenfanatiker* (фанатиками маски). Другой лагерь формируют *Maskenmuffel* (ненавистники маски) и упрямые *Maskenverweigerer* (люди, которые отказываются носить маску). Таким отказникам запрещается ездить в общественном транспорте Дрездена – автобусе и трамвае: *Если ты ненавистник маски, ты с нами не поедешь*, – можно прочесть на плакатах, где изображен ворчливый молодой человек без маски. Перечеркнутые символы различных видов транспорта дополнительно уточняют запрет (рис. 3).

Рис. 3. Плакат в общественном транспорте

Помимо отдельных слов в языковом ландшафте пандемии коронавируса распространилось большое количество разных фраз. В первые месяцы популярной стала новая форма прощания, которая могла появиться даже под официальными письмами и посланиями: *Bleiben sie gesund!* (Оставайтесь здоровыми!). Игру слов стимулируют предикативная коллокация *Verantwortung tragen* (носить ответственность) и предложная конструкция *mit Abstand* (на расстоянии), которые пользуются большой популярностью. Двойное значение глагола *tragen* (носить), который относится и к физической деятельности, и к социальной роли, превращает слово *маска* в контекстуальный синоним слова *ответственность*. В Дрездене на

дверях автобусов и трамваев наклеены смайлики с маской и надписью: *Verantwortung tragen!* (*Носить ответственность!*) (рис. 4). А в супермаркете на входе покупателям говорят, что сегодня ответственность – это стандарт поведения: *Heute trägt man Verantwortung!* (*Сегодня носят ответственность!*) (рис. 5).

Рис. 4. Наклейка на дверях общественного транспорта

Рис. 5. Объявление на входе в супермаркет

Что конкретно имеется в виду в призыве к ответственности, понятно только в комплексе с иллюстрацией, т. е. мультимодально.

В случае оборота *mit Abstand* (*на расстоянии, с дистанцией*) его двойной смысл понятен уже благодаря тому, что эта конструкция в немецком языке усиливает превосходную степень прилагательных (суперлатив): конструкции *mit Abstand am besten / schönsten / schnellsten* можно перевести как *непревзойдённо лучший / самый красивый / самый быстрый* и т. п.

Таким образом, на следующем фото с помощью слова *ABSTAND* кафе призывает своих гостей соблюдать дистанцию и в то же время рекламирует свой пирог как лучший в городе: *Wir haben mit ABSTAND den besten Kuchen!* (*У нас непревзойденно лучший пирог!*). Двойная функция напоминания клиентам держать дистанцию и восхваления пирога как лучшего в городе графически подчеркивается заглавными буквами (рис. 6).

Рис. 6. Объявление в кафе

Даже правительство ФРГ творчески подошло к вопросу призыва граждан соблюдать нужные правила поведения по защите от коронавируса и создало формулу *AHA-Formel* (*формула АГА*) или *AHA-Regel* (*правило АГА*). *Aha* по-немецки – это выражение спонтанной проницательности, когда человек выражает внезапное понимание чего-то, что он раньше не знал. Существует даже соответствующий бином *Aha-Erlebnis* (*событие Ага*). Однако последовательность звуков и букв *A-H-A* в формуле поведения во время пандемии коронавируса также обозначает начальные буквы трех слов: *Abstand* (*расстояние, дистанция*), *Hygiene* (*гигиена*) и *Alltagsmasken* (*повседневные маски*). Эти три слова должны определять поведение людей в «новой повседневной жизни», как говорят на веб-сайте федерального правительства:

Die „AHA-Regeln“ im neuen Alltag

Gemeinsam haben wir geschafft, dass sich die Ausbreitung des Coronavirus verlangsamt. Um den Fortschritt nicht zu gefährden, ist es wichtig, sich nach der "AHA-Formel" zu richten: Abstand, Hygiene, Alltagsmasken. So sorgen wir für möglichst viel Schutz bei möglichst viel Normalität¹ (<https://www.bundesre->

¹ «Правила АГА» в новой повседневной жизни

Вместе нам удалось замедлить распространение коронавируса. Чтобы не ставить под угрозу прогресс, важно следовать «формуле АГА»: дистанция, гигиена, повседневные маски. Таким образом, мы обеспечиваем максимально возможную защиту с максимально возможной нормальностью». – *Пер. авт. ст.*

gierung.de/breg-de/themen/coronavirus/die-aha-regeln-im-neuen-alltag-1758514).

Формула АГА рекламируется на публичных плакатах и билбордах (рис. 7).

Рис. 7. Билборд «Формула АГА»

2. Языковые ландшафты и мультимодальность

В общественном пространстве слова и словосочетания *корона*, *коронавирус*, *маска*, *обязанность носить маску* и т. д. появляются визуально в различных графических формах, напечатанных или в виде рукописного текста и особенно в контексте изображений (изображения вируса, масок, людей с масками и без маски, символов и логотипов для учреждений, таких как, например, компании общественного транспорта и т. д.). Такие языковые или, другим словом, лингвистические ландшафты (*linguistic landscapes*) стали важной областью исследований в современной лингвистике. В ранних работах 1990-х гг. письменность в публичном пространстве впервые была обнаружена как признак лингвистически и культурно смешанных обществ [Spolsky, Cooper 1991; Landry, Bourhis 1997], и многоязычие до сих пор является центральной темой исследования языкового ландшафта [Gorter 2006; Backhaus 2007; Marten, Lazdiņa 2016; Müller 2020]. Например, наличие русского языка в языковых ландшафтах за пределами России является показателем распространенности русского в этих странах [Куссе, Норман]. Однако многоязычие – не единственный интересный феномен лингвистического разнообразия. Языковые ландшафты характеризуются сосуществованием официального и частного языков, различными дискурсами политики, рекламы и т. п., историческими формами в виде памятников и т. д., а также многим другим явлениям [Shohamy, Gorter 2009]. Языковые ландшафты разнообразны, динамичны и имеют высокую степень контекстуальности. Письмо в публичном пространстве показывает,

что не только разговорный, но и письменный язык очень часто можно понять только в конкретном контексте [Auer 2010]. Например, косвенное назидание предложения «Сегодня носят ответственность!» (рис. 4) можно понять только в связи с иллюстрацией маски и в контексте нынешнего кризиса. Некоторые явления имеют длительную продолжительность, и могут развиваться прототипные формы, например в случае информационных досок [Müller 2020]. Другие явления остаются временными. Язык коронавирусного кризиса может оставить свой отпечаток на языковых ландшафтах крупных городов мира на несколько месяцев (это уже так) или даже лет, но он может и быстро исчезнуть. Некоторые явления на короткое время доминируют в языковом ландшафте (крупные рекламные кампании, плакаты во время политических выборов или митингов), а через некоторое время могут быть заменены другими лингвистическими событиями [Федорова 2014]. Общим для всех письменных форм языкового ландшафта является то, что в них язык с визуальностью всегда образует единый семиотический знак. Сама надпись уже может быть знаком. Например, рукописная записка выражает иную контекстуальность и ситуативность, чем написание на медной табличке. Во многих случаях текстовая информация также сопровождается изобразительной информацией, как на рис. 4 (*Сегодня носят ответственность!*). Таким образом, тексты языковых ландшафтов в значительной степени являются мультимодальными, т. е. «конгломератами различных знаковых систем» [Stöckl 2004]. Мультимодальность, как и языковой ландшафт, стала важной областью исследований за последние два десятилетия, см., напр.: [Kress, Van Leeuwen 2001; LeVine, Scollon 2004; Forceville, Urios-Aparisi 2009; Kress 2010; Klug, Stöckl 2016; Чернявская 2012, 2013; Ариас 2015].

Далее будет записана краткая история языкового ландшафта коронавирусного кризиса в период с марта по сентябрь 2020 г. на нескольких примерах из Германии, в частности из Дрездена, места работы и жительства автора. Будет показано, как развивается мультимодальность в языке коронавирусного кризиса в публичном пространстве в сторону всё большей изобразительности и какие лингвистические формы (от слова к тексту) были выбраны в течение этих месяцев, чтобы отвечать требованиям, вызванными кризисом.

3. Тишина вначале

В начале коронавирусного кризиса, прежде чем слова распространились по городскому пейзажу, на короткое время произошло нечто иное: тишина. Закрыты были рестораны и магазины, на улицах практически не было движения машин. На первом снимке нового языкового ландшафта в Дрездене видна закрытая детская площадка. С помощью трепещущей на ветру ленты, которая обычно используется для оцепления строительных площадок, менеджер по недвижимости обозначил песочницу во дво-

ре между двумя многоквартирными домами как запретную зону. Табличка давала краткую информацию о закрытии детской площадки с 19 марта 2020 г. Слово *коронавирус*, извинения или пожелания оставаться здоровыми отсутствовали. Ничто не указывало на причину странного закрытия. Пустая игровая площадка в качестве запретной зоны заградительной линией давала абсурдную и призрачную картину. На момент съемки была полная тишина. Ни одного человека не было видно во дворе или на балконе, ни одного человеческого голоса не было слышно (рис. 8).

Рис. 8. Блокирование детской площадки

Чуть позже я стоял в очереди перед хозяйственным магазином, который должен был закрыться на следующий день. В магазин пускали одновременно только определенное количество людей, все остальные ждали снаружи. Я знаю очереди в кассах. Но очередь у входа была новым опытом. Новыми были также молчание и безмолвие, в которых люди терпеливо ждали (рис. 9).

Рис. 9. Тишина в очереди

В супермаркетах пустые полки для гигиенических товаров и пустые ящики для овощей и фруктов вскоре выглядели не менее молчаливыми (рис. 10, 11).

Рис. 10. Полки в магазине

Рис. 11. Ящики для овощей и фруктов в магазине

В аэропортах, где обычно собираются толпы людей, поселилась тихая пустота (рис. 12). Церкви сначала были закрыты, а когда снова открылись, было запрещено пение, и стулья были расставлены так, чтобы люди оставались на расстоянии друг от друга (рис. 13). Это тоже складывалось в ощущение тишины и молчания. Оно в аэропортах, а также в церквях и других общественных местах до сих пор частично продолжается.

Рис. 12. Аэропорт Тегель

Рис. 13. Церковь Христова, г. Ремшайд (фото Кристи Эберт)

Молчание продолжалось в первые дни, когда люди не могли найти собственных слов, чтобы сообщить о закрытии спортзала, кемпинга, ресторана или магазина, и использовали официальный язык. Типичной формой такого молчания при использовании готовых официальных формулировок являются стандартные конструкции типа *aufgrund von*, *aufgrund der* (из-за, по, на основе), как это было написано на опущенном ролете мага-

зина: *Wir haben auf Grund behördlicher Anordnung bis 20. April geschlossen* (Мы закрыты по ведомственному распоряжению до 20 апреля) (рис. 14). Неприятно было также уведомление с агрессивным заголовком: *Sportanlage gesperrt!* (Спортивный объект закрыт!) – и официальным пояснением: *In связи с общим постановлением Земли Саксония относительно вируса Ковид 19, данный спортивный объект остается закрытым для любого использования до дальнейшего уведомления!* (рис. 15).

Рис. 14. Объявление о закрытии магазина по ведомственному распоряжению

Рис. 15. Объявление о закрытии спортивного объекта

Особенно странно и контрастно выглядело молчание в форме официальной речи, в которой не было места собственному слову и даже отсутствовало обращение, когда оно было импровизировано и даже написано от руки (рис. 16)¹.

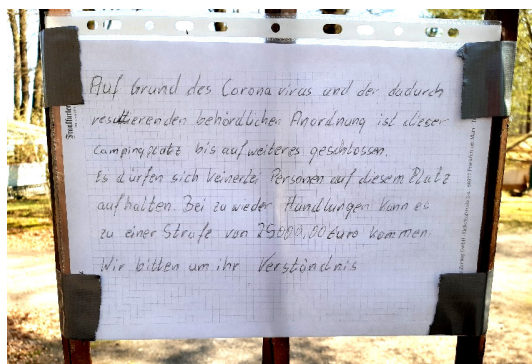

Рис. 16. Объявление о закрытии кемпинга

¹ Перевод текста на рис. 16: «В связи с коронавирусом и последовавшим за ним официальным приказом, этот кемпинг закрыт до дальнейших уведомлений. Никто не допускается к пребыванию на этом месте. В случае нарушения может быть наложен штраф в размере 25 000,00 евро. Мы просим вашего понимания». – *Пер. авт. ст.*

В объявлении о закрытии кемпинга упоминался даже риск штрафа в очень значительной сумме – 25 000 евро. Торопливый почерк, исправленная орфографическая ошибка в слове *resultierenden* (в *результате*) и серьезная орфографическая ошибка *zu wieder Handlungen* вместо *Zuwiderhandlungen* (действия нарушения), – всё это говорит о том, что объявление было написано в спешке. В кемпинге для постоянных отдыхающих, т. е., по сути, в простом дачном поселке, как правило, устанавливаются очень близкие личные отношения. Тем удивительнее грубый и официальный тон объявления. Также заключительная формула: *Wir bitten um ihr Verständnis* (Мы просим вашего понимания) – чрезвычайно формальна.

В этом примере также использована конструкция официального немецкого языка *bis auf weiteres* (до дальнейшего уведомления). Она указывает на течение неопределенного периода времени, который может длиться годы и даже быть эвфемизмом для *навсегда*. Формулировка особенно подходит в тех случаях, когда не требуется предоставлять конкретную информацию не только о продолжительности, но часто и о причине решения. Итак, молчание о причине оказалось одной из форм молчания.

Те, кто в следующем примере запретил посещение крепости с пометкой: *Die Burg bleibt bis auf weiteres geschlossen* (Крепость остается закрытой до дальнейших уведомлений), – умалчивали о причинах (рис. 17). И я даже нашел рукописный запрет в грубой форме инфинитивной конструкции при входе на игровую площадку: *Spielplatz betreten verboten!* (Вход на игровую площадку запрещен!). Пандемия и причина запрета остались скрытыми (рис. 18).

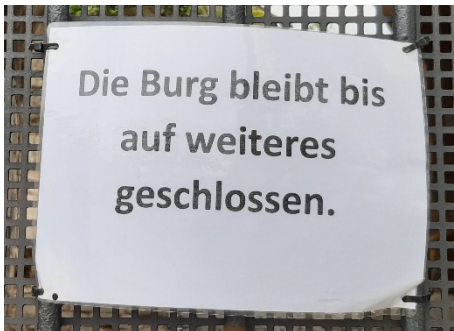

Рис. 17. Объявление о закрытии крепости

Рис. 18. Объявление о закрытии игровой площадки

4. Новые формы речи

К счастью, тишина в языковом ландшафте продержалась недолго. В сфере торговли, обслуживания и гастрономии вежливые и приятные обращения – это само собой разумеющееся (*Уважаемые клиенты, покупатели* и т. д.). Выражались сожаления в связи с закрытием (например, *К сожалению, закрыто!*), предлагалась помощь (например, *Мы, конечно, всё*

еще доступны для Вас) и высказывались пожелания, особенно – *Оставайтесь здоровыми!* (рис. 19, 20). На афише на рис. 20 к тому же выражается надежда: *und hoffentlich bis bald!* (*и надеюсь, до скорого!*).

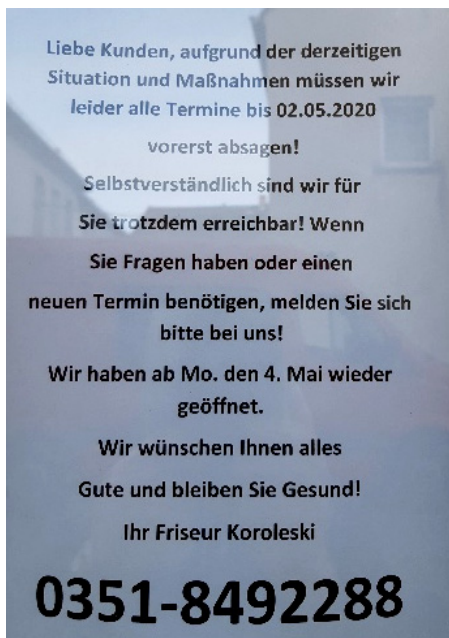

Рис. 19. Объявление о закрытии

Рис. 20. Объявление о закрытии

Письменная информация, которая используется для спонтанной реакции на новые правила и для облегчения настроения несколькими смайликами, является особенно личной формой обращения, даже когда она сообщает исключительно о том, что в магазине одновременно могут находиться не больше двух человек: *Уважаемые клиенты ☺ Пожалуйста НЕ больше 2 клиентов входят ! ☺ в магазин* (рис. 21).

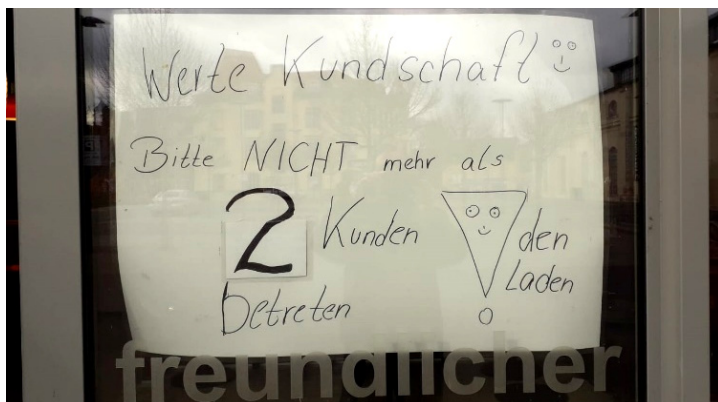

Рис. 21. Объявление об ограничении числа клиентов магазина

Интересны также гибридные формы, в которых официальный язык, за которым стоит молчаливый отправитель, связан с личным словом (которое не всегда может осознаваться самим отправителем). Следующее напоминание об обязанности носить маску (причем с синтаксической ошибкой) начинается строго и официально, но затем следует личное разрешение использовать платок, шарф или нечто подобное для защиты рта и носа. Фраза: *ist auch in Ordnung (тоже в порядке, тоже подходит)* – является разговорной и обращается к адресату лично и дружелюбно после формального указания (рис. 22)¹.

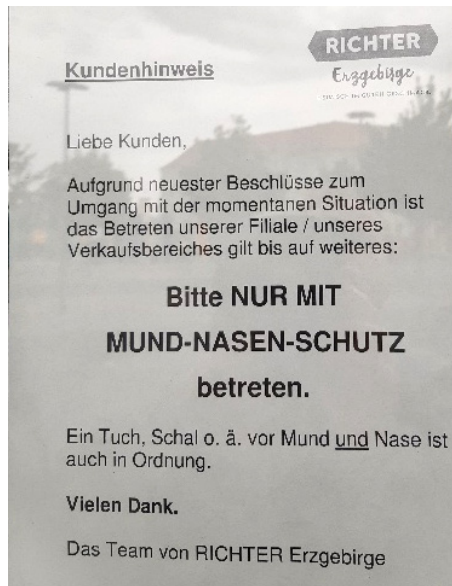

Рис. 22. Объявление об обязанности носить маску

Во всех общественных местах и магазинах особенно важны два правила поведения: держаться на расстоянии от других людей и носить маску. На рукописной табличке при входе в небольшой продуктовый магазин просьба соблюдать дистанцию выражается в простейшем виде с императивом в форме инфинитива: *Дорогие клиентки и клиенты, пожалуйста, только 2 человека. Держаться на расстоянии!* (рис. 23). На рис. 24 требование носить маску выражается только существительным, т. е. в самой грубой форме обращения: *Обязанность носить маску.*

¹ Перевод текста на рис. 22: «Дорогие клиенты,

В связи с последними решениями о том, как справиться с текущей ситуацией, вход в наш филиал / торговый зал до дальнейшего уведомления по следующему правилу: Пожалуйста, входите только с защитой рта и носа. Платок, шарф или нечто подобное, закрывающее рот и нос, тоже подойдет.

Большое спасибо.

Команда RICHTER Erzgebirge». – *Пер. авт. ст.*

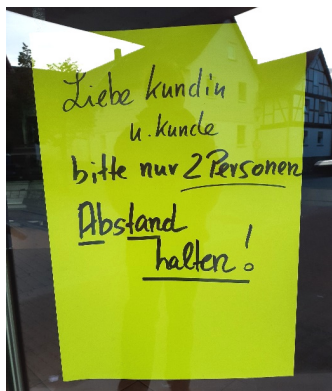

Рис. 23. Объявление о необходимости соблюдать дистанцию

Рис. 24. Объявление об обязанности носить маску

Обычно, однако, обращение более приветливо и сочетает в себе просьбу с причиной, по которой необходимо соблюдать дистанцию или обязанность носить маску: *Bitte schützen Sie sich und andere* (Пожалуйста, защитите себя и других). Разумеется, обоснование сегодня известно адресатам, поэтому оно выполняет прежде всего прагматическую функцию вежливости (рис. 25). Соблюдать дистанцию или даже держаться на расстоянии – само по себе может считаться вежливостью. Сегодня это можно рассматривать как выражение социально корректного поведения. Знак, который я сфотографировал перед музеем, намекает на это: *Zeig Anstand. Halt Abstand* (Прояви порядочность. Держи дистанцию) (рис. 26). К сожалению, резкая просьба надеть маску со стандартной пиктограммой, скачанной из Интернета, которую кто-то прикрепил ниже, противоречит малому дискурсу вежливости первого знака.

Рис. 25. Объявление об обязанности носить маску: «Защитите себя и других»

Рис. 26. Объявление об обязанности носить маску: «Прояви порядочность»

К сожалению, креативность не очень высока в немецком коронавирусном языковом ландшафте. Но существуют интересные вывески и плакаты, которые в основном играют с требованием соблюдать дистанцию. Например, Галерея старых мастеров в Дрездене рекламирует себя картиной Адама и Евы в Райском саду, как раз перед вкушением запретного плода Древа познания. Оба носят маску. Стрелка между ними иллюстрирует требование держать расстояние в 2 м. Плакат играет с двойным смыслом фразеологизма: *Mit Vorsicht zu genießen!* (*Наслаждайтесь с осторожностью!*), который предупреждает, что к определенной вещи следует относиться только с крайней осторожностью. В этом смысле она напрямую связана с историей падения человека. Однако, как сообщение для посетителя музея, это выражение означает, что посетить картинную галерею можно, только соблюдая расстояние друг от друга и от картин (рис. 27).

Рис. 27. Объявление в Галерее старых мастеров

Реклама картинной галереи обыгрывает сразу два требования к посетителям держать дистанцию: между собой и перед картинами. В городском ландшафте Дрездена появился еще один похожий пример: после того как правило гигиенической дистанции в 1,5–2 м стало известным, в Дрездене была установлена социальная реклама, напоминающая о соблю-

дении другого правила, где требуемая дистанция также составляет 1,5 м. Это правило дорожного движения, предписывающее автомобилистам держать дистанцию при обгоне велосипедистов (рис. 28).

Рис. 28. Объявление о необходимости соблюдать дистанцию 1,5 м при обгоне велосипедистов

Просьба держаться на расстоянии от других людей в настоящее время тесно связана с такими ценностями, как здоровье, уважение, человечность и т. д. В берлинском аэропорту Тегель два берлинских медведя в масках напоминают о соблюдении правил дистанции с помощью стрелки и распространенного лозунга: *Bleiben Sie gesund* (Оставайтесь здоровыми) (рис. 29).

Рис. 29. Объявление в аэропорту Тегель

Тот факт, что держать дистанцию – означает быть отдаленным от других людей, противоположен близости как ценности человечности. О том, что это противоречие можно преодолеть, говорят такие высказыва-

ния, как: *Im Herzen nah – trotz 1,5 Meter Abstand* (*В сердце близко – несмотря на расстояние в 1,5 метра*), – которое, например, в гостиничном ресторане призывает к соблюдению правила дистанции. Лозунг: *Wir schaffen das!* (*У нас получится!*) – добавлен в качестве подтверждения. Таким лозунгом члены одной команды поощряют друг друга, например в спорте. Требование, обращенное к отдельным людям, чтобы они вели себя должным образом, переносится на коллективное Мы (рис. 30).

Рис. 30. Объявление о необходимости соблюдения социальной дистанции

5. Язык ценностей

Условия коронавирусного кризиса привели в языковом ландшафте к новому дискурсу о ценностях. К этому дискурсу принадлежат такие лозунги, как, например: *Проявите порядочность – держите дистанцию* и *В сердце близко – несмотря на расстояние в 1,5 метра*. В очень малых формах внимание обращается на важность таких ценностей, как порядочность или близость к людям. Но также появляются более крупные формы – примеры любительских философствований в повседневной жизни. Например, в окне закрытого ресторана в винодельческой деревне недалеко от Дрездена весной был вывешен очень эмоциональный текст, который должен вдохновлять сильными ценностями. В нем сочетаются слова

свет и тепло, доверие, пожелание: *Оставайтесь здоровыми* – и фраза: *Alles wird gut* (*Всё будет хорошо*). Текст завершается знаменитой строкой из песни популярного певца Удо Линденберга, которую знают почти все в Германии: *Hinter dem Horizont geht's weiter* (*За горизонтом путь продолжается*) (рис. 31)¹.

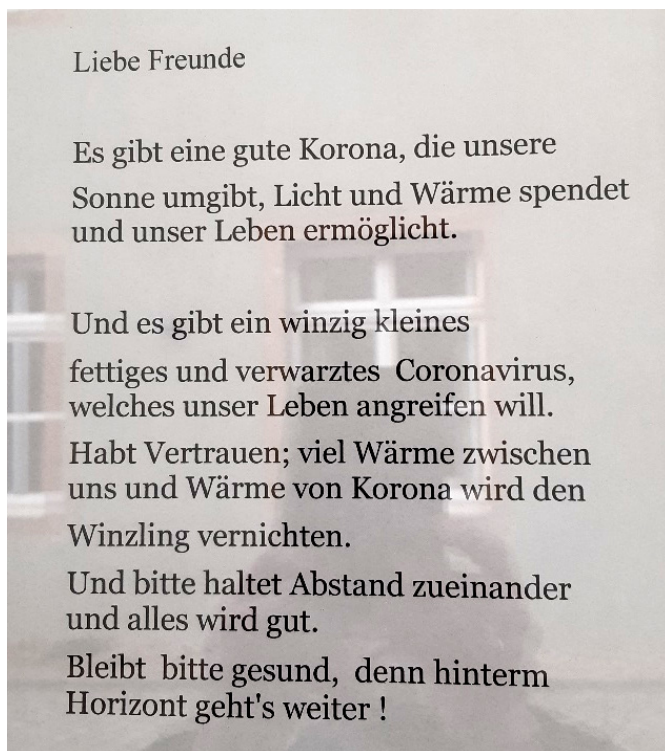

Рис. 31. Объявление в окне закрытого ресторана

Ценность, на которую здесь ссылаются, – прежде всего, общественное единство. Этот смысл также выражается в более коротких формах, как, например, на больших информационных стендах на железнодорожных вокзалах. Там на станциях с дезинфицирующими средствами, которые на-

¹ Перевод текста на рис. 31:

«Дорогие друзья

Есть хорошая корона, которая окружает наше солнце, дает свет и тепло и делает нашу жизнь возможной.

И есть маленький жирный и гнилой коронавирус, который хочет напасть на нашу жизнь.

Имейте доверие. Много тепла между нами и тепло от солнечной короны уничтожит коротышку.

Пожалуйста, держите дистанцию, и всё будет хорошо.

Пожалуйста, оставайтесь здоровыми, потому что за горизонтом путь продолжается» – *Пер. авт. ст.*

зываются *Desi-Station*, написан слоган: *Gemeinsam für unsere Gesundheit* (*Вместе за наше здоровье*) – или в английской версии: *Together we stand strong* (*Вместе мы остаемся сильными*) (рис. 32).

Рис. 32. *Desi-Station* на железнодорожном вокзале

Ценности близости и общности выражаются сильнее, когда в них прослеживается индивидуальность отправителя. Такие изображения и слова в языковом ландшафте являются уникальными объектами, такими как симпатично нарисованный плакат у входа в кемпинг, на котором изображены все важные правила поведения. Тот факт, что ценность общественного единства также поставлена на карту, ясно виден из заголовка: *Regeln für einen guten Umgang miteinander* (*Правила хорошего сосуществования*). Слово *miteinander* (*друг с другом, сосуществование*) выделено желтым цветом как оценочное ключевое слово (рис. 33).

Рис. 33. Плакат «Правила хорошего сосуществования» (фото Мирям Куссе)

Весной и летом 2020 г., когда детские сады и школы были закрыты, а университеты и многие компании вышли в онлайн, было предпринято множество мер для поддержания, укрепления и поощрения общения между людьми. Такие меры также могли бы обойтись почти без словесного общения или ограничиться знакомыми изречениями вроде: *Alles wird gut* (*Всё будет хорошо*), – потому что общение было прежде всего иконическим. Важнейшим символом надежды стала радуга, которую дети делали и вешали в окна. Я обнаружил особенно красивую на каменной стене (рис. 34).

Рис. 34. Изображение радуги как символа надежды: «Всё будет хорошо»

6. Слова и изображения

В ходе коронавирусного кризиса очень хорошо наблюдалась профессионализация как материальной среды, так и языкового ландшафта. Самодельные пластиковые перегородки на кассах супермаркетов превратились в надлежащим образом смонтированные прозрачные защитные стены. Маски, сшитые в соответствии с инструкциями из Интернета, у многих заменились настоящими модными аксессуарами, в то время как другие перешли на дешевые одноразовые маски. Из языкового ландшафта постепенно исчезают рукописные инструкции о правилах соблюдения дистанции и ношения защитных масок. Интересным примером перехода от импровизированного к профессиональному общению является плакат сети супермаркетов, где говорится об ограничении количества людей, допускаемых в магазин. Плакат уже напечатан, и слоган ссылается уже на безопасность, в данном случае – безопасность: *Weniger Kunden – mehr Sicherheit* (*Меньше клиентов – больше безопасности*). Но после печати правила были снова ужесточены, и менеджеру магазина пришлось вручную перечеркнуть цифру 70 и от руки написать новое число – 35 (рис. 35).

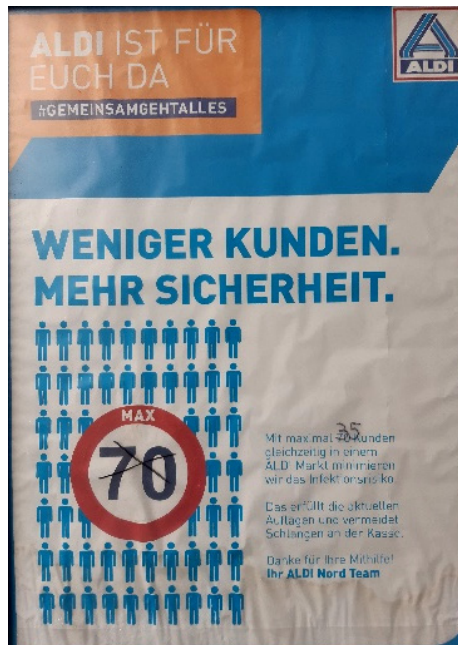

Рис. 35. Объявление в сети супермаркетов: «Меньше клиентов – больше безопасности»

Между тем улики повсюду. Они даже наклеены на заправочных колонках. Интересным здесь является сочетание образных и словесных знаков, которые усиливают друг друга. Текст сформулирован как яркий призыв: *Vor dem Tanken Maske auf!* (*Надень маску перед заправкой!*) (рис. 36).

Рис. 36. Объявление на заправке: «Надень маску перед заправкой!»

Существуют очень детальные плакаты с подробными текстами и детально иллюстрированными инструкциями для очень простых, в конечном счете, действий (рис. 37). Вряд ли стоит объяснять взрослому человеку, какие шаги нужно предпринять, чтобы помыть руки. Поэтому эффект от таких плакатов, вероятно, должен быть не столько просвещением, сколько впечатлением, что то, что написано и изображено на инструкции, – очень важно и достойно внимания (рис. 38).

Рис. 37. Правила поведения

Рис. 38. Инструкция как правильно мыть руки

Однако в языковом ландшафте преобладают лаконичные формы с краткими инструкциями и четкими пиктограммами: *Максимально 40 человек*, *Держитесь на расстоянии* и т. п. (рис. 39, 40).

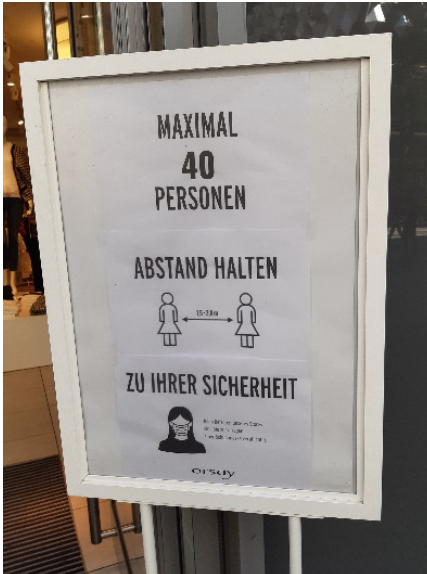

Рис. 39. Объявление
«Максимально 40 человек»

Рис. 40. Объявление
«Вход только для 1 человека»

Маска, в частности, стала самым популярным мотивом. Она встречается в графически редуцированной форме, но и как художественный объект, и как модная часть гардероба (рис. 41, 42).

Рис. 41. Объявление
«Прикрывайте рот и нос»
(www.saechsische.de)

Рис. 42. Объявление
«Мы присоединяемся!»
(фото Зузанне Эберт)

Плакат в дрезденской школе демонстрирует не только то, как красиво выглядит маска, но и то, как сегодня приветствовать друг друга прикосновением локтей вместо того, чтобы пожимать руку. Текст очень формальный: *Bitte befolgen Sie die Maskenpflicht über Mund und Nase auf dem gesamten Schulgelände* (Пожалуйста, соблюдайте обязанность прикрывать маской рот и нос на всей территории школы). На нижнем краю картинка изображены распространенные способы ношения масок на ухе и под подбородком, так как они особенно популярны среди школьников, но, конечно же, запрещены. Самое интересное в таких плакатах то, что они не имеют информационной ценности, так как всё, что показано, более чем известно. Опять же, функция этой коммуникации в публичном пространстве исключительно прагматическая. Она должна донести, с одной стороны, что просьбы важны, что их выполнение контролируется – на это указывает административный стиль указаний, а с другой, – что выполнение просьбы как нравственно, так и модно (рис. 43).

Рис. 43. Объявление о необходимости соблюдать обязанность носить маску в школе (фото Зузанне Эберт)

Более оригинальным является плакат, который был выпущен организацией розничной торговли в Германии и который иногда можно найти в магазинах: *Maskenpflicht ist nicht nur für Helden ... sondern auch hier bei uns* (Маски обязательны не только для героев ... но и здесь у нас) (рис. 44).

Рис. 44. Плакат организации розничной торговли: «Маски не только для героев» (https://einzelhandel.de/images/coronavirus/schilder/HDE-Maskenpflicht_Plakat_hoch.pdf)

Этот образ маски стал настолько сильным императивным признаком самого себя, что фактически не требует слов, чтобы обозначить требование ее носить. Изображения достаточно. Это иллюстрирует пример, который я нашел некоторое время назад. Изображение маски на красном фоне приклеено над выключателем света. Полгода назад функция картинки была бы непонятна, даже не вполне ясно было бы, что на самом деле на ней изображено. Сегодня не вызывает сомнений, что речь идет о просьбе надеть маску. В публичном общении картинка заменила слово (рис. 45).

Рис. 45. Информационный знак о необходимости ношения маски

7. Заключение

Языковые ландшафты мультимодальны и динамичны. Многие знаки характеризуются высокой степенью контекстуальности и ситуативности, т. е. их можно понять только в контексте других знаков и в рамках определенных событий (ситуаций). Это относится и к языковому ландшафту, сложившемуся во время коронавирусного кризиса. На примере Германии, в частности Дрездена, было показано, что появляются не только новые термины в виде словосочетаний (*Coronakrise* [коронавирусный кризис], *Maskenpflicht* [обязанность носить маску] и т. д.), но и знаки, в которых словесная и изобразительная информация соотносятся друг с другом (*Verantwortung tragen* [нести ответственность] вместе с изображением маски значит: *Maske tragen* [носить маску]). Эти знаки непонятны вне рамок коронавирусного кризиса. Событие само по себе создало коронавирусный языковой ландшафт, и этот ландшафт быстро развивался, т. е. наблюдается в нем языковая динамика. После первоначального молчания, которое представляло собой фактическое молчание или молчание в форме официальной речи, развивались как личные, так и многие стандартизированные формы информации о коронавирусном кризисе, а также инструкции как себя вести (держаться на расстоянии, носить маски и т. д.). Существуют творческие формы (например, каламбуры со словом *Abstand* [дистанция, расстояние]), и в публичном пространстве также раз-

вился дискурс ценностей с центральной ценностью общности (например, в таких надписях, как *Gemeinsam für unsere Gesundheit* [Вместе за наше здоровье]). Пиктографическая информация занимает всё больше и больше места. По прошествии нескольких месяцев изображение маски достаточно для того, чтобы обозначить обязанность носить маску в здании.

Список литературы

- Ариас А.-М.* Поликодовый текст: теоретические и прикладные аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. 126 с.
- Куссе, Норман* – Русский язык за пределами России / ред.: Х. Куссе, Б. Норман. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый (в печати).
- Федорова Л.Л.* Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 6: Журналистика. С. 70–80.
- Чернявская В.Е.* Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2 (23). С. 122–127.
- Чернявская В.Е.* Лингвистика в медиальной парадигме: к постановке вопроса // Когниция, коммуникация, дискурс: междунар. электрон. сб. науч. тр. Харьков, 2012. № 4. С. 63–71. URL: <http://foreign-languages.karazin.ua/resources/9db3148be085cc305d7d96dc19fee6d7.pdf>.
- Auer P.* Sprachliche Landschaften. Die Strukturierung des öffentlichen Raums durch die geschriebene Sprache // Sprache intermedial. Stimme und Schrift, Bild und Ton / Hrsg. A. Deppermann, A. Linke. Berlin, Boston: De Gruyter, 2010. S. 271–298.
- Backhaus P.* Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2007. x, 158 p. (Multilingual Matters, 136).
- Forceville, Urios-Aparisi 2009* – Multimodal Metaphor / eds. Ch.J. Forceville, E. Urios-Aparisi. Berlin; New York: De Gruyter, 2009. xviii, 470 p. (Applications of Cognitive Linguistics, 11). DOI: 10.1515/9783110215366.
- Gorter 2006* – Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism / ed. D. Gorter. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2006. 89 p.
- Klug, Stöckl 2016* – Handbuch Sprache im multimodalen Kontext / Hrsg. N.-M. Klug, H. Stöckl. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. 506 s.
- Kress G.* Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London: Routledge, 2010. 212 p.
- Kress G., Van Leeuwen Th.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold, 2001. 142 p.
- Landry R., Bourhis R.Y.* Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16, no. 1. P. 23–49.
- LeVine, Scollon 2004* – Discourse & Technology: Multimodal Discourse Analysis / eds. Ph. LeVine, R. Scollon. Washington, D.C., 2004. 240 p.
- Marten H.F., Lazdiņa S.* Die Analyse von Linguistic Landscapes im Kontext des Verhältnisses von Sprache und Migration // Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration / Hrsg. S. Ptashnyk, R. Beckert, P. Wolf-Farré, M. Wolny. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2016. S. 77–98.

- Müller A. Ein methodisches Problem der Linguistic-Landscapes-Forschung: Die Definition einer Analyseeinheit anhand von Beispielen aus der Linguistic Landscape von Minsk // Linguistische Beiträge zur Slavistik. XXVI. und XXVII. JungslavistInnen-Treffen, 6. bis 8. September 2017 in Bamberg und 12. bis 14. September 2018 in Heidelberg / Hrsg. I. Lederer, A.-M. Meyer, K. Schlund. Berlin et al.: Peter Lang, 2020. S. 89–112.
- Shohamy, Gorter 2009 – Linguistic landscape: Expanding the scenery / eds. E. Shohamy, D. Gorter. New York; London: Routledge, 2009. 352 p.
- Spolsky B., Cooper R.L. The languages of Jerusalem. Oxford: Clarendon Press, 1991. 477 p.
- Stöckl H. Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache. Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte, Theorien, Analysemethoden. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. 421 s.

References

- Arias, A.-M. (2015), *Polikodovyi tekst: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Polycode text: theoretical and applied aspects], St. Petersburg, St. Petersburg University publ., 126 p. (in Russian).
- Auer, P. (2010), Sprachliche Landschaften. Die Strukturierung des öffentlichen Raums durch die geschriebene Sprache. Deppermann, A., Linke, A. (eds.) *Sprache intermedial. Stimme und Schrift, Bild und Ton*, Berlin, Boston, De Gruyter publ., pp. 271-298. (in German).
- Backhaus, P. (2007), *Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*, Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., x + 158 p. (Multilingual Matters, 136).
- Chernyavskaya, V. (2012), Linguistics in the media paradigm: introduction. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Cognition, Communication, Discourse], collection of scientific works, No. 4, Kharkiv, pp. 63-71, available at: <http://foreign-languages.karazin.ua/resources/9db3148be085cc305d7d96dc19fee6d7.pdf>. (in Russian).
- Fedorova, L.L. (2014), Linguistic landscape: city and crowd. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, Vol. 13, no. 6: Journalism, pp. 70-80. (in Russian).
- Forceville, Ch.J., Urios-Aparisi, E. (eds.) (2009), *Multimodal Metaphor*, Berlin, New York, De Gruyter publ., xviii + 470 p. (Applications of Cognitive Linguistics, 11). DOI: 10.1515/9783110215366.
- Gorter, D. (ed.) (2006), *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*, Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., 89 p.
- Klug, N.-M., Stöckl, H. (eds.) (2016), *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*, Berlin, Boston, De Gruyter publ., 506 p.
- Kress, G. (2010), *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*, London, Routledge publ., 212 p.
- Kress, G., Van Leeuwen, Th. (2001), *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*, London, Arnold publ., 142 p.
- Kusse, H., Norman, B. (eds.) *Russkii yazyk za predelami Rossii* [Russian language outside of Russia], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi publ. (in print). (in Russian).

- Landry, R., Bourhis, R.Y. (1997), Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, Vol. 16, no. 1, pp. 23-49.
- LeVine, Ph., Scollon, R. (eds.) (2004), *Discourse & Technology: Multimodal Discourse Analysis*, Washington, D.C., 240 p.
- Marten, H.F., Lazdiņa, S. (2016), Die Analyse von Linguistic Landscapes im Kontext des Verhältnisses von Sprache und Migration. Ptashnyk, S., Beckert, R., Wolf-Farré, P., Wolny, M. (eds.) *Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration*, Heidelberg, Universitätsverlag Winter publ., pp. 77-98. (in German).
- Müller, A. (2020), Ein methodisches Problem der Linguistic-Landscapes-Forschung: Die Definition einer Analyseeinheit anhand von Beispielen aus der Linguistic Landscape von Minsk. Lederer, I., Meyer, A.-M., Schlund, K. (eds.) *Linguistische Beiträge zur Slavistik*, 26 and 27 Young Slavists meeting, September 6-8, 2017, in Bamberg, and September 12-14, 2018, in Heidelberg, Berlin et al., Peter Lang publ., pp. 89-112. (in German).
- Shohamy, E., Gorter, D. (eds.) (2009), *Linguistic landscape: Expanding the scenery*, New York, London, Routledge publ., 352 p.
- Spolsky, B., Cooper, R.L. (1991), *The languages of Jerusalem*, Oxford, Clarendon Press, 477 p.
- Stöckl, H. (2004), *Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache. Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte, Theorien, Analysemethoden*, Berlin, New York, De Gruyter publ., 421 p.
- Tcherniavskaia, V.E. (2013), Medial turn in linguistic: text hybridity. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 2 (23), pp. 122-127. (in Russian).

LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE CORONA CRISIS IN GERMANY

H. Kusse

Dresden University of Technology (Dresden, Germany)

Abstract: The coronavirus crisis has changed not only public life worldwide, but also the linguistic landscape. In the article, these changes are observed using the example of Germany. Most of the examples come from Dresden, the author's place of residence and work. At the beginning of the article, the most important word formations (composites and binomials) in connection with the coronavirus crisis are described. After a brief introduction to the theories of linguistic landscape and semiotic multimodality the third chapter is devoted to the silence at the beginning of the crisis, which took different forms: actual silence or speech in official formulations. This is followed by representations of language games with important expressions such as *mask*, *distance* and *responsibility*. At the end it is shown how in the multimodal interaction between images and texts, the image becomes more important than the word in public space.

Key words: language landscape, German language, coronavirus crisis, word formation, multimodality, language game, public communication.

For citation:

Kusse, H. (2020), Linguistic landscape of the corona crisis in Germany. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 814-845. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).814-845. (in Russian).

About the author:

Kusse, Holger, Doctor of Philology, Professor of Slavic linguistics and the history of Slavic languages at the Institute of Slavic Studies

Corresponding author:

Postal address: Institute of Slavic Studies, TU Dresden, Dresden, 01062, Germany

E-mail: holger.kusse@tu-dresden.de

Acknowledgements:

The author thanks Marianna Novoselova, assistant at the Institute of Slavic Studies at the Dresden University of Technology, for proofreading the manuscript

Received: October 1, 2020

Revised: October 11, 2020

Accepted: November 2, 2020

**ОБ ОТРАЖЕНИИ ПАНДЕМИИ В РАЗНОКУЛЬТУРНЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТАХ
(НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА
МИНСКА, НЮРНБЕРГА И ВАРШАВЫ)**

А. Мюллер

Университет Отто Фридриха (Бамберг, Германия)

Аннотация: В статье представлено исследование того, как пандемия отражается в лингвистическом ландшафте разных стран. В работе анализируются различные объявления как элементы публичного пространства трех городов, связанные с этим явлением. Целью данного исследования является раскрытие различий подхода к пандемии на основе его выражения в изучаемых лингвистических ландшафтах. Все объявления, составляющие корпус, были разделены на две категории: «Бизнес» – объявления коммерческого характера – и «Поведение» – объявления с целью воздействия на поведение прохожих. Все единицы исследования были проанализированы с точки зрения используемого языка, форм вежливости: приветствия и подписи, – а также обоснований причин предпринятых мер. Нужно сказать, что подавляющее большинство объявлений было представлено на государственных языках (в Беларуси на одном из государственных языков, а именно на русском). Результаты анализа форм приветствия и подписи представляют спад их использования с запада на восток: на объявлениях Нюрнберга эта категория представлена наиболее часто, а на объявлениях Минска – наиболее редко. Все обоснования были также разделены на пять категорий: «Органы власти», «Забота / Защита», «Текущая ситуация», «Эпидемия» и «Технические причины». Примечательно, что на объявлениях категории «Бизнес» обоснования на немецких и польских объявлениях распределены относительно одинаково, а на объявлениях категории «Поведение», напротив, наблюдается сходство модели распространения обоснований на польских и белорусских объявлениях. Результаты исследования демонстрируют наличие культурных различий в подходе к проблеме пандемии, которые могут быть наглядно продемонстрированы посредством анализа лингвистических ландшафтов.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, коронавирус, анализ содержания, западно-восточный континуум, анализ корпуса.

Для цитирования:

Мюллер А. Об отражении пандемии в разнокультурных лингвистических ландшафтах (на примере элементов публичного пространства Минска,

Нюрнберга и Варшавы) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 846–864. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).846-864.

Сведения об авторе:

Мюллер Алиса, аспирантка славянской лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 96047, Германия, Бамберг, Университет Отто Фридриха, секретариат славянского языкознания

E-mail: alisa.mueller@posteo.de

Благодарности:

Автор выражает благодарность Петру Дудановічу за сбор информации в Варшаве и Андрию Такіндангу и Ганне Комар за сбор информации в Минске

Дата поступления статьи: 01.10.2020

Дата рецензирования: 11.10.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

Вступление

Исследования лингвистических ландшафтов обрели свою популярность благодаря работе Р. Лэндри и Р. Бурхиса. Согласно их определению, исследования лингвистических ландшафтов специализируются на «объявлениях и надписях на общественных зданиях, уличной рекламе, названиях улиц и географических объектов, коммерческих объявлениях торговых предприятий, а также общественных табличках на правительственных зданиях»¹ [Landry, Bourhis 1997: 25]. Исследования лингвистических ландшафтов представляют собой с 2000-х гг. активно развивающуюся научную отрасль, находящую свое применение в социолингвистике, этнографии и других ветвях исследований культурологии. Технический прогресс, в частности достижения в области цифровой фотографии и информационной емкости запоминающих устройств, также внес значительный вклад в возможность и распространение данной дисциплины благодаря соразмерности затрат ресурсов и полученного результата [Gorter 2006: 2]. Данное исследование было бы, например, неосуществимо без возможностей цифровой фотографии и Интернета: контакт со сборщиками данных и передача изображений в связи с внешними обстоятельствами, обусловленными пандемией коронавируса, осуществлялись исключительно в электронном виде.

Исследования лингвистических ландшафтов являются, по большей части, методом исследования многоязычной конъюнктуры, например в

¹ “The language of public road signs, advertising billboards, street names, place names, commercial shop signs, and public signs on government buildings.”

регионах, в которых параллельно доминирующему языку культурного сообщества используются один или несколько языков культурных меньшинств [Gorter 2006; Van Mensel, Marten, Gorter 2012]. В «Справочнике по многоязычию» британского издательского дома Routledge подчеркивается, что «одной из основных особенностей нового направления исследования лингвистических ландшафтов является фокусирование на многоязычии. Этот факт натолкнул исследователей на мысль, что изучение языка в публичных местах представляет уникальную перспективу изучения данного явления»¹ [Shohamy 2012: 539]. Большинство исследований лингвистических ландшафтов сосредотачиваются только на одной территории, например одном регионе, городе или районе, и изучают встречающиеся там языки.

Аспект международной и особенности содержания исследования лингвистических ландшафтов

Несомненно, возможны также и другие акценты исследования лингвистических ландшафтов, кроме вышеупомянутых. В частности, стоит упомянуть исследования ученых славянских стран и государств постсоветского пространства, сравнивающие лингвистические ландшафты из разных стран.

С. Мут сравнивает лингвистические ландшафты столицы Молдавии, Кишинева, с материалами из столицы Литвы, Вильнюса, основываясь на данных количественного и качественного методов, с учетом различного положения русского языка в этих городах [Muth 2012]. Ю. Рузаите исследует языковой ландшафт нескольких туристических городов по обе стороны польско-литовской границы на основе корпуса более 500 многоязычных вывесок [Ruzaitė 2017]. М. Слобода анализирует вывески различного назначения из Беларуси, Чехии и Словакии на предмет их идеологического значения: уличные указатели и предупреждающие знаки или большие идеологические или коммерческие плакаты [Sloboda 2009].

С другой стороны, существуют также исследования, изучающие не все (многоязычные) объявления и вывески, как в преобладающем большинстве анализов лингвистических ландшафтов, а специализирующиеся исключительно на одной конкретной тематике. Подобный пример представлен в работе П. Лайхонена в его исследовании языкового ландшафта двух деревень на юго-западе Словакии, в которых преимущественно проживают этнические венгры. Он концентрирует свое внимание на предупреждающих знаках на частных домах, информирующих о наличии там собаки, каковые следует рассматривать как выражение личной языковой идеологии жильцов [Laihonon 2015]. Несмотря на то, что изучение одной

¹ “[O]ne of the main characteristics of this new strand of research on LL lies in its special focus on multilingualism and researchers have been spurred on by the re-alization that the study of language in public spaces offers a unique lens on multilingualism.”

определенной тематики реже представлено в исследованиях лингвистических ландшафтов, они предоставляют интересные результаты благодаря однозначному заранее выбранному содержанию и контексту предмета исследования.

Структура и цель исследования

Настоящее исследование представляет собой сочетание двух вышепредставленных подходов: исследование и сравнение единиц лингвистического ландшафта в Беларуси, Польше и Германии, содержательно связанных с пандемией коронавируса.

Цель данного исследования – зафиксировать различные подходы к проблеме пандемии коронавируса в трех соседних странах на основе метода лингвистических ландшафтов, а также показать возможные культурные различия в отношении глобальной, повсеместно одинаково выражающейся опасности. Исследование лингвистических ландшафтов служит наиболее адекватным методом изучения данного вопроса благодаря тому, что культурные реалии города представлены зафиксированными как в собственно письменной форме, так и в визуальной – цифровых фотографиях.

Пандемия коронавируса в Баварии (Германия), Польше и Беларуси

С целью более четкой классификации исследуемых в данной работе вывесок периода пандемии коронавируса для начала будет представлен краткий обзор хода событий пандемии и политических мер борьбы с ней в трех рассматриваемых странах. Сбор данных для корпуса проводился в конце апреля – начале мая 2020 г.: в Нюрнберге (Германия) 23 апреля, в Варшаве (Польша) 2 мая и в Минске (Беларусь) 3 мая, а также с 8 мая по 31 июля для отдельных вывесок. К данному времени пандемия коронавируса достигла уже всех трех стран и унесла жизни их граждан. На графике (рис. 1) отображено изменение количества подтвержденных случаев Covid-19 в трех странах с начала февраля до конца мая 2020 г. Крестиками отмечено время сбора данных для корпуса. На момент сбора данных в Германии видно, что количество новых случаев идет на спад, но абсолютное количество всё еще намного выше, чем в Беларуси и Польше. В двух последних странах наблюдается слабое увеличение подтвержденных случаев к началу мая.

Авторы сайта Our World in Data («Наш мир в данных») отмечают, что число действительных случаев заболевания на самом деле намного превышает число подтвержденных, объясняя это ограниченными возможностями тестирования: чем меньше тестов проводится, тем меньше случаев может быть зафиксировано (<https://ourworldindata.org/covid-cases>).

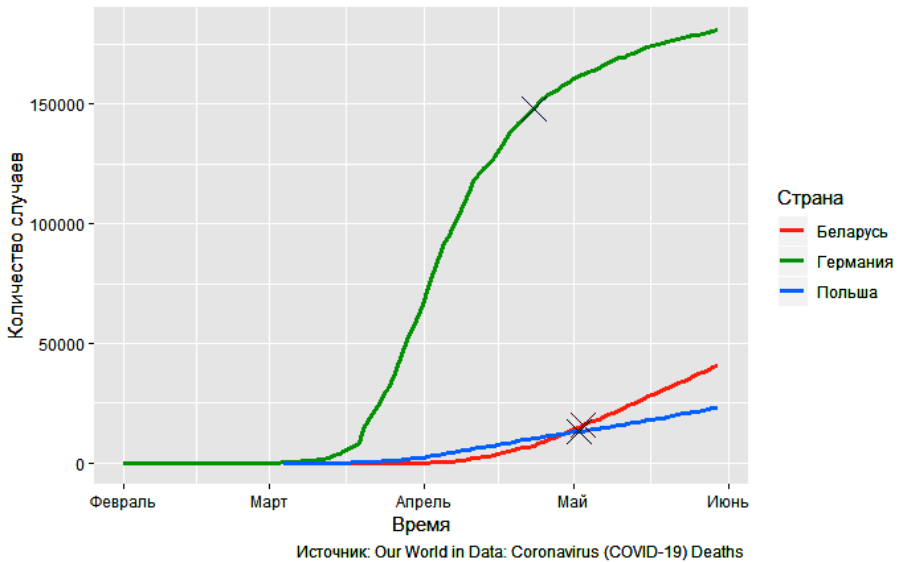

Рис. 1. Общее количество случаев заболевания Covid-19

Для измерения реакции правительства стран на угрозу, создаваемую коронавирусом, ученые Школы государственного управления Блаватника при Оксфордском университете (Blavatnik School of Government of the University Oxford) разработали Систему отслеживания реакции правительства на коронавирус (Coronavirus Government Response Tracker, OxCGRТ), которая представлена на сайте Our World in Data (<https://ourworldindata.org/policy-responses-covid>). В «счетчик реакций» (Response Tracker) входят девять категорий: закрытие школ и рабочих мест, отмена массовых мероприятий, ограничения публичных собраний, приостановка работы общественного транспорта, ограничения на выезд, кампании общественной информации, ограничения свободы передвижения внутри страны и контроль международного передвижения. Исходя из этих данных рассчитывается индекс реакции правительства (Government Response Index, GRI) – от 0 до 100, где 0 означает полное отсутствие принятых мер, а 100 – самые строгие возможные меры. На графике (рис. 2) отображен процесс изменения индекса реакции правительства (ИРП) в Польше, Беларуси и Германии с начала февраля до конца мая.

Из графика (рис. 2) видно, что Беларусь принимает более поздние и гораздо более слабые меры по борьбе с пандемией, чем две другие страны. В то время как в Польше и Германии ИРП достигает показателей 83,33 и 76,85 баллов соответственно, в Беларуси индекс находится на его максимальной отметке 20. В момент сбора данных, которой на графике (рис. 2) обозначен крестиком, отмечается самый высокий показатель принятых мер по сдерживанию пандемии коронавируса в Польше и Германии,

в то время как в Беларуси в это время уже происходило, хоть и незначительное, но ослабление мер борьбы с вирусом.

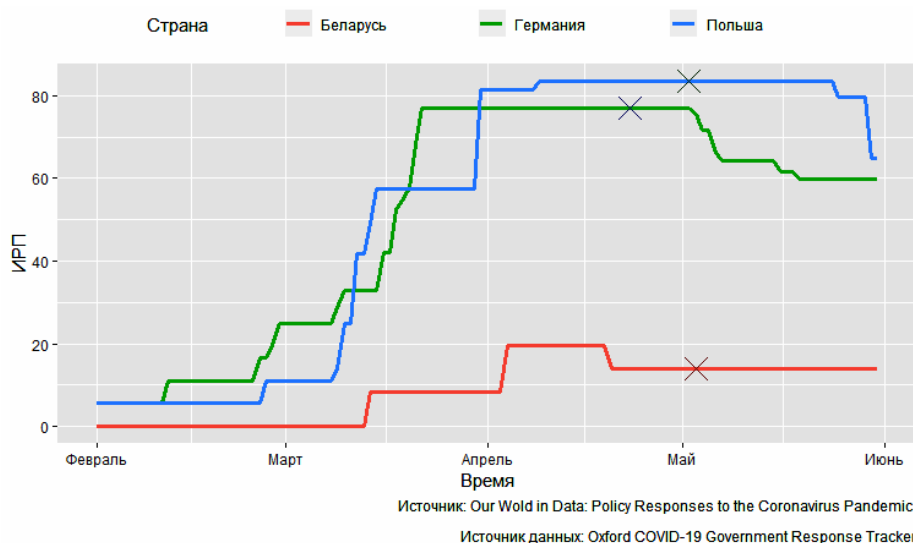

Рис. 2. Изменение индекса реакции правительства (ИРП)

Германия первой из трех рассматриваемых стран была затронута пандемией. Первый пациент с диагностированным Covid-19 был зарегистрирован 27 января 2020 г., а в начале марта количество инфицированных резко возросло. В Баварии – каждая федеральная земля принимала собственные меры по сдерживанию пандемии – чрезвычайное положение было объявлено 16 марта, 20 марта последовали обширные ограничения свободы передвижения населения. Целый месяц государственная земля находилась в изоляции¹.

В Польше первый случай инфекции коронавируса был зарегистрирован 4 марта. 13 марта премьер-министром Польши Матеушем Моравецким был введен режим чрезвычайной эпидемической ситуации. К концу марта пребывание в общественных местах было строго регламентировано, а 20 апреля меры были немного смягчены. С середины апреля действует закон о средствах индивидуальной защиты, предполагающий ношение масок в общественных местах и на рабочем месте². 4 мая вступил в силу второй этап постепенного смягчения мер по сдерживанию пандемии³.

¹ Stroh K. Corona in Bayern: Chronologie der Ereignisse // Süddeutsche.de. 2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/bayern-corona-chronik-1.4977848>.

² Chronik: 17. März – 20. April 2020 // Polen-Analysen Nr. 254. 21.04.2020. P. 24–31. URL: <https://www.bpb.de/internationales/europa/polen/308349/chronik-17-maerz-20-april-2020>.

³ Covid-19-Chronik, 21. April- 4. Mai 2020 // Polen-Analysen Nr. 255. 05.03.2020. P. 24–31. URL: <https://www.laender-analysen.de/polen-analysen/255/covid-19-chronik-polen-21-april-4-mai-2020>.

В Беларуси первый подтвержденный случай заболевания был зарегистрирован 27 февраля. С 12 марта по 6 апреля международные мероприятия проводились только с ограничениями. 19 марта коронавирус был охарактеризован президентом Александром Лукашенко как «психоз», но в то же время им была высказана рекомендация к самоизоляции¹. В апреле школьные каникулы были дважды продлены на одну неделю². Оглядываясь назад, можно заметить, что уровень смертности в Беларуси был необычно низким по сравнению с Европой. Манипуляции данными или, по меньшей мере, «идеологическую корректировку статистики»³ исключать нельзя. Однако есть и аргументы в пользу подлинности низких чисел, как, например, большое количество больничных коек в сравнении с международными данными.

Корпус

Процесс сбора данных происходил в период действия строгих мер по сдерживанию пандемии коронавируса в исследуемых странах. Для сравнения с двумя другими городами больше всего подошел бы Берлин как столица Германии, но по причине ограничения возможностей перемещения даже внутри страны для анализа был взят родной город автора – Нюрнберг. Из-за обстоятельств, связанных с пандемией, сбор данных, требующий много времени, был невозможен. Таким образом, корпус ограничен одним участком одной улицы каждого города, что позволило совершить документацию за один-два часа. Выбранные улицы, а именно Nowy Świat (Варшава), Karolinenstraße (Нюрнберг) и проспект Независимости (Минск), являются центральными улицами городов, играющими важную роль не только для жителей города, но и для туристов.

Качественные данные представляют собой фотографии всех связанных с пандемией коронавируса найденных текстов, которые можно было увидеть на выбранных участках улиц. При анализе данных выяснилось, что снимков из Минска оказалось слишком мало. В сравнении с двумя другими городами, здесь отсутствовали объявления с указанием правил поведения в общественных местах. Поэтому было решено включить снимки другого сборщика данных в белорусский субкорпус, которые были собраны в период с 8 мая по 31 июля и в основном состоят из плакатов с правилами поведения.

¹ Covid-19-Chronik, 22. Januar – 24. März 2020 // Belarus-Analysen. Nr. 48. 10.04.2020. P. 13–19. URL: <https://www.laender-analysen.de/belarus-analysen/48/BelarusAnalysen48.pdf>.

² Covid-19-Chronik, 24. März – 12. April 2020 // Belarus-Analysen. Nr. 49. 18.04.2020. P. 20–23. URL: <https://www.laender-analysen.de/belarus-analysen/49/BelarusAnalysen49.pdf>.

³ Rudkouski P. Covid-19: Zur Frage der »statistischen Anomalie« in Belarus // Belarus-Analysen. Nr. 50. 08.07.2020. P. 11–13. URL: <https://www.laender-analysen.de/belarus-analysen/50/BelarusAnalysen50.pdf>.

В этом случае все знания о коронавирусе человека, занимающегося сбором данных, были направлены на выбор материала для корпуса – производились снимки исключительно вывесок и объявлений, связанных с пандемией. На втором этапе подготовки корпуса каждая фотография была закреплена за одной единицей анализа. За основу понятия единицы анализа было взято определение П. Бакхауза: «Под объявлением подразумевается любой вид письменного текста в рамках определенной пространственной единицы»¹ [Backhaus 2007: 66]. При неоднозначности определения категории единицы анализа коммуникативная функция текста использовалась в качестве критерия принятия решения, и единица анализа определялась в таких случаях на основе ее коммуникативной функции. Идентичные единицы, встречающиеся более одного раза, учитывались только один раз.

Корпус исследования состоит из 179 единиц, из них 75 – из Нюрнберга, 63 – из Варшавы и 41 – из Минска. Для наглядности неравномерного распределения величины субкорпусов, которое обусловлено внешними обстоятельствами, в нижепредставленных таблицах и графиках будут указаны только абсолютные числа. Текст каждой единицы корпуса этого исследования был затранскрибирован и аннотирован по шести признакам, пять из которых представляют значимость для данного исследования: (1) категория («Бизнес» или «Поведение»), (2) используемый язык, наличие (3) приветствия или (4) подписи и (5) обоснование.

Все единицы были распределены между категориями «Бизнес» и «Поведение» (см. табл.). Категория «Бизнес» включает в себя все единицы, имеющие отношение к реализации соответствующей модели предприятия: объявления о закрытии или изменении времени работы. В категорию «Поведение» входят те единицы, которые имеют своей целью воздействие на поведение людей в общественных местах, например просьба носить средства самозащиты (маска) или регулирование максимального количества клиентов. Все единицы корпуса были отнесены только к одной из двух категорий.

Категории корпуса

Категория	Минск (Беларусь)	Варшава (Польша)	Нюрнберг (Германия)	Всего
«Поведение»	25	23	22	70
«Бизнес»	16	40	53	109
Всего	41	63	75	179

¹ “A sign was considered to be any piece of written text within a spatially definable frame.”

Анализ

Во всех трех частях корпуса преобладающим языком выступает государственный язык. Однако стоит отметить, что в каждом лингвистическом ландшафте встречаются некоторые двуязычные объявления с английским языком. Белорусская часть корпуса состоит из 36 объявлений на русском языке, 2 – на белорусском и 3 – на русском и английском языках. В польской – 51 объявление только на польском, 11 – на польском и английском и одно граффито только на английском. Немецкий субкорпус представлен 71 объявлением только на немецком языке, на 4 параллельно немецкому присутствует английский. Исходя из этого, только в польской части корпуса прослеживается популярность многоязыковых объявлений, обозначаемая 19 процентами.

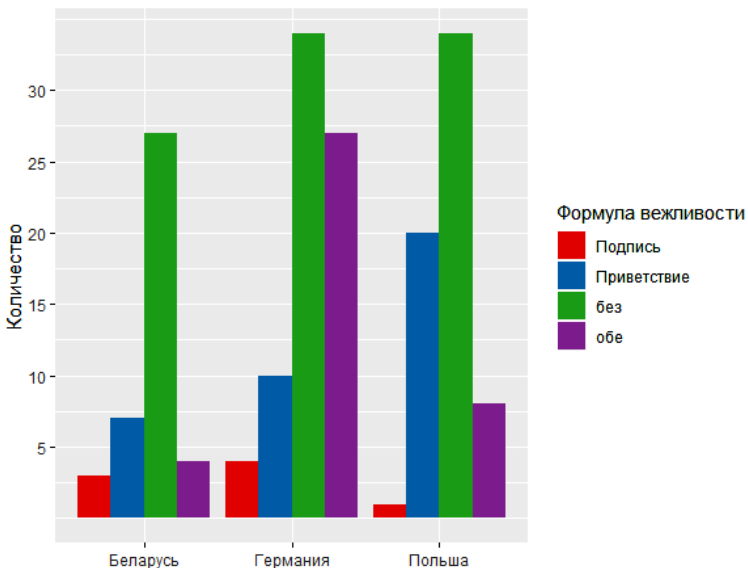

Рис. 3. Использование формул вежливости на объявлениях

Объявления корпуса были также исследованы на предмет присутствия на них приветствия читателя и/или подписи создателя. На графике (рис. 3) отображены результаты этого исследования. Объявления без приветствия и подписи являются наиболее распространенными во всех трех частях корпуса: Минск – 27, Варшава – 34, Нюрнберг – 34. Примечательно, что на 27 объявлениях из Нюрнберга присутствуют обе части вежливого обращения (см. пример на рис. 4). Некоторые немецкие объявления содержат также либо только форму приветствия (10), либо только подпись (4). С другой стороны, объявления, содержащие вежливое приветствие, из Варшавы представлены 20 – только с приветствием и 8 – с обеими формами вежливого обращения. На белорусских объявлениях было зафиксировано наименьшее количество формул вежливости как в абсолют-

ном, так и в относительном выражении: 7 – с приветствием, 4 – с приветствием и подписью и 3 – только с подписью. Из этого следует, что в нюрнбергском корпусе на 54,7 % всех объявлений присутствует либо приветствие, либо подпись; в варшавском корпусе это 46,0 %; в минском – 12,2 %.

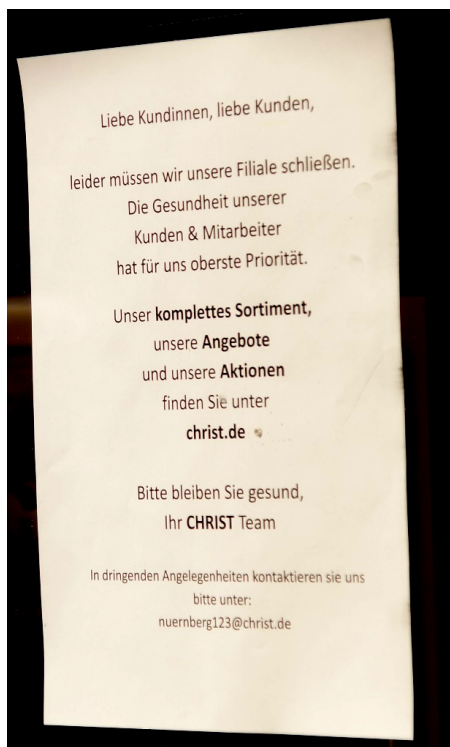

Рис. 4. Пример приветствия „Liebe Kundinnen, liebe Kunden“ («Уважаемые посетители») и подписи „Bitte bleiben Sie gesund, Ihr CHRIST Team“ («Будьте здоровы, Ваша команда магазина CHRIST») на объявлении в Нюрнберге (фото автора)

В последнюю очередь был проведен анализ корпуса с учетом причин и обоснований ограничений, вызванных пандемией коронавируса. Они были разделены на пять категорий:

- «Органы власти»: ссылка на предписания органов местных и региональных властей.
- «Забота / Защита»: ссылка на заботу о здоровье населения или защите населения от заражения инфекцией.
- «Текущая ситуация»: ссылка на актуальное положение, без ее подробного описания.
- «Эпидемия»: конкретная ссылка на пандемию коронавируса, эпидемию или сам вирус.
- «Технические причины»: ссылка на технические причины (рис. 5).

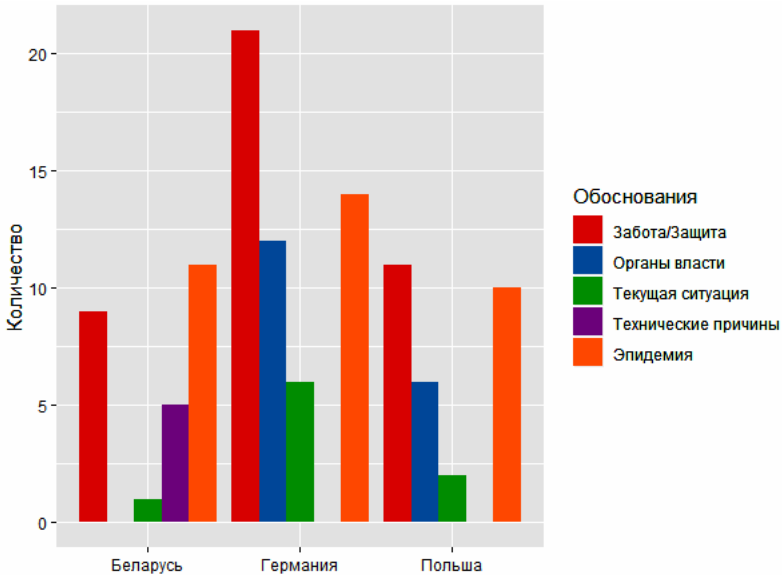

Рис. 5. Обоснование мер против пандемии коронавируса в объявлениях

На одном и том же объявлении может быть указано несколько причин. Например, возможны примеры объявлений, которые ссылаются как на эпидемию, так и на защиту населения от заражения. Только категории «Текущая ситуация» и «Эпидемия» являются взаимоисключающими. На графике (рис. 5) отображено абсолютное количество обоснований, соответствующих частям корпуса. Прежде всего следует отметить, что «Технические причины» представлены только в Минске (см. пример на рис. 6). В немецкой части корпуса выделяются причины, указывающие предписания властей. Категории «Забота / Защита» и «Эпидемия» активно представлены во всех трех исследуемых языковых ландшафтах.

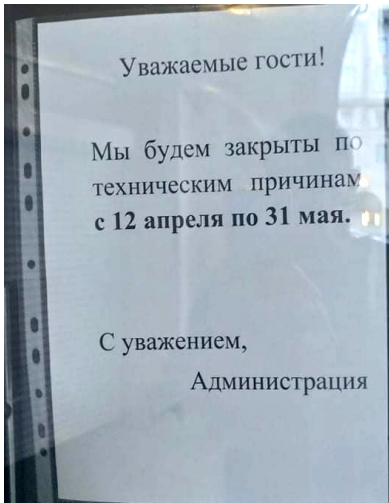

Рис. 6. Пример обоснования «По техническим причинам» в Минске (фото Андруса Такінданга)

При анализе причин, в отличие от анализа приветствия и подписи, обнаружили значимые различия между объявлениями категорий «Бизнес» и «Поведение».

График (рис. 7) демонстрирует обоснования мер, представленных на объявлениях с коммерческим подтекстом. Между тремя субкорпусами видны явные различия: на объявлениях из Минска чаще всего упоминаются «Технические причины» (5 раз), а другие практически не

представлены; на объявлениях из Нюрнберга чаще всего встречаются причины категорий «Забота / Защита» (14 раз), за ней следуют категории «Эпидемия» (11 раз) и «Органы власти» (7 раз); на объявлениях Варшавы обоснования «Органы власти» и «Забота / Защита» указаны одинаково часто (5 раз) (см. пример на рис. 8), категория «Эпидемия» встречается 4 раза.

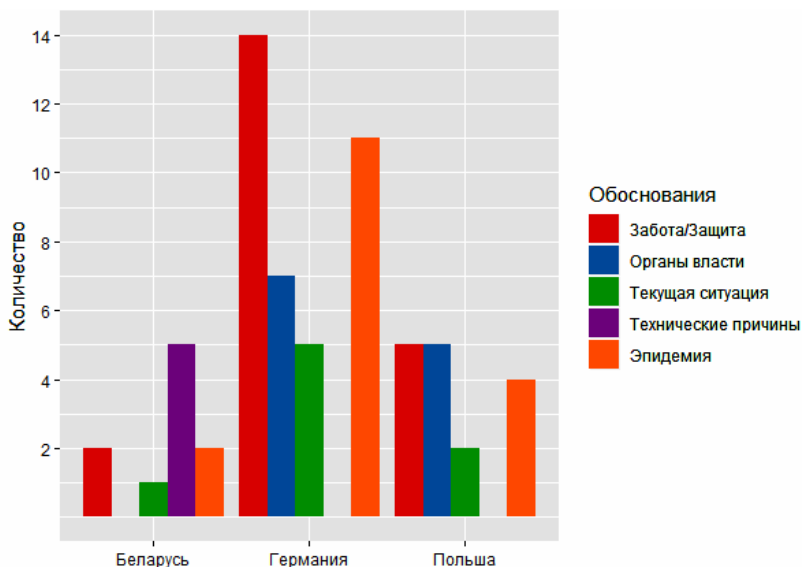

Рис. 7. Обоснование мер против пандемии коронавируса на объявлениях категории «Бизнес»

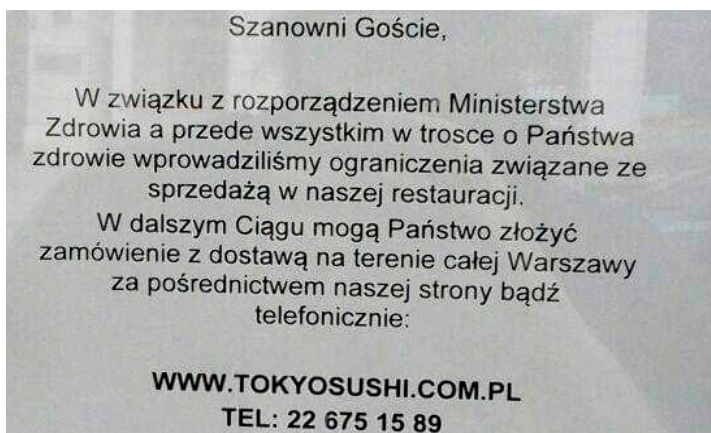

Рис. 8. Пример обоснования из категорий «Органы власти» („W związku z rozporządzeniem Ministerswa Zdrowia” [«В связи с распоряжением Министерства Здравоохранения»]) и «Забота / Защита» („przede wszystkim w trosce o Państwa zdrowie” [«прежде всего с заботой о Вашем здоровье»]) на объявлении в Варшаве (фото Петра Дудановича)

Совершенно иная картина вырисовывается относительно категории «Поведение» (рис. 9): в лингвистических ландшафтах Минска и Варшавы представлены в основном обоснования категории «Забота / Защита» (Минск: 7, Варшава: 6) (см. пример на рис. 10) и «Эпидемия» (Минск: 9, Варшава: 6). На объявлениях Нюрнберга, напротив, преобладают обоснования категории «Забота / Защита», за ней следуют обоснования категории «Органы власти».

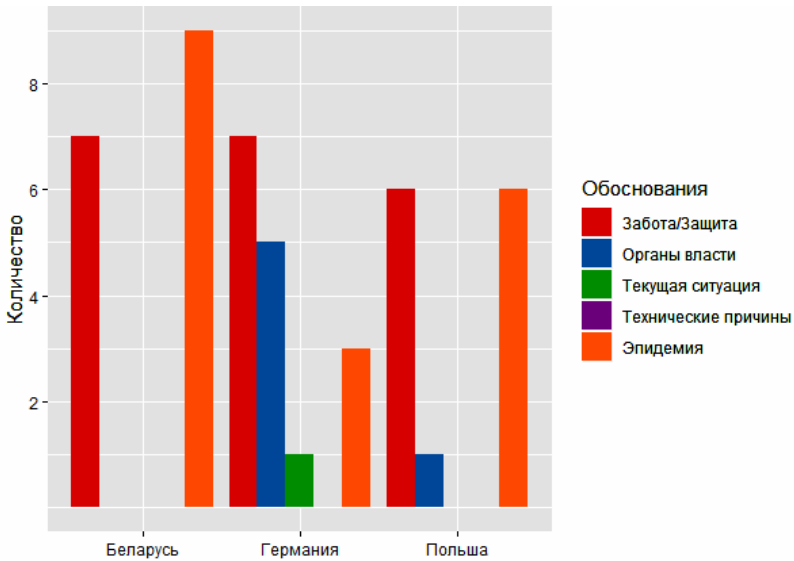

Рис. 9. Обоснование мер против пандемии коронавируса на объявлениях категории «Поведение»

Рис. 10. Пример обоснования категории «Забота / Защита» на объявлении в Минске (фото Ганны Комар)

Обсуждение результатов

Тематическое ограничение исследуемых языковых ландшафтов пандемией коронавируса как глобальной угрозы, которая, однако, находит разный отклик в разных государствах, позволяет выделить культурные различия даже в относительно небольшом корпусе. Поскольку коронавирус везде одинаково опасен, но никто точно не знает, как должны выглядеть правильные меры по борьбе с ним, проанализированные в этой работе объявления являются идеальным показателем влияния культуры страны на борьбу с пандемией.

В вопросе использования языка полученная картина сравнительно однородна по отношению к соответствующему основному языку страны. Только в столице Польши Варшаве английский язык используется на значительном, достойном упоминания количестве вывесок. Этот факт, вполне вероятно, может быть обоснован тем, что Варшава является наиболее интернациональным из трех рассмотренных городов.

В Беларуси преобладающим языком вывесок выступает русский, а белорусский практически не представлен. Это не удивительно, поскольку белорусский язык чаще всего используется только для передачи определенной ситуативно релевантной информации: «В экзистенции литературного БЕЛ (белорусского языка. – А. М.) первенствует не коммуникативная предназначенность языка, но его символическое и метаязыковое (т. е. рефлексивное, обращенное на сам язык) употребление; коммуникативная функция языка оказывается включенной в его этноконсолидирующую, эстетическую, метаязыковую функции» [Мечковская 2003: 130]. Для обмена информацией в обществе Беларуси используется в большинстве случаев русский язык: «Передача коммуникативно важной информации, кроме характерных для государства языковых, культурных и исторических тем, осуществляется на русском языке» [Kittel et al. 2018: 135]. В данной ситуации использование русского языка вполне ожидаемо, так как рассмотренные объявления связаны с пандемией коронавируса и не несут культурной или национальной окраски.

Анализ двух форм вежливости – приветствия и подписи – показывает спад с запада на восток: оба используются чаще всего в Нюрнберге, реже в Варшаве, хотя форма приветствия здесь всё еще достаточно распространена, в Минске же обе формы встречаются редко. Данный западно-восточный континуум был продемонстрирован, среди прочих, Е. Огирман. Она исследовала различные аспекты реализации вежливых требований в английском, немецком, польском и русском языках [Ogiermann 2009: 209]. Кроме того, можно предположить, что обращение к клиенту часто сопровождается извинениями за доставленные неудобства. Подобный вид извинения традиционно не был принят в России. По этой причине можно предположить аналогичное культурно укоренившееся отношение в Беларуси, по причине культурных связей стран со времен Советско-

го Союза: «Там (в России. – А. М.) это является нормой, а не невежливым поведением, в ведомственных кругах не считать провалы причиной для извинения, если речь идет о подчиненных или потребителей» [Rathmaуr 1996: 368]. Однако стоит отметить, что степень открытой вежливости с начала перестройки всё больше и больше возрастает [Rathmaуr 1996: 369]. Для дальнейших исследований форм вежливости на объявлениях, относящихся к пандемии коронавируса, было бы целесообразным аннотировать и проанализировать эти данные на предмет вежливости.

Также стоит выделить сходство польских и немецких проанализированных обоснований причин ограничений, связанных с пандемией: если пропорционально сравнить абсолютные числа, которые в польском субкорпусе намного ниже, то становится видно, что категории «Забота / Защита», «Эпидемия», «Органы власти» и слабо представленная «Текущая ситуация» выступают в обоих субкорпусах в этом же порядке убывания. Из этого следует, что польские и немецкие субкорпусы проявляют значительное сходство состава, в то время как белорусский субкорпус демонстрирует другие модели обоснования: только здесь встречается категория «Технические причины», но полностью отсутствуют объявления из категории «Органы власти».

Особое положение белорусского субкорпуса становится еще более очевидным, если рассматривать только объявления категории «Бизнес», которые имеют прямую связь с коммерческой деятельностью. При очень низких цифрах в целом, категория «Технические причины» встречается чаще всего, в то время как на нюрнбергских и варшавских объявлениях эта категория не была обнаружена. Эти два корпуса демонстрируют и в этом случае примерно одинаковое распределение, несмотря на то, что в немецком субкорпусе категории «Забота / Защита» и «Эпидемия» пропорционально чаще встречаются. Отличия белорусского от других двух субкорпусов могут быть обоснованы культурными особенностями: «Белорусы и россияне в этом смысле более следуют восточной традиции: сколько не говори “халва”, во рту слаще не станет. Люди не говорят вслух о том, что для них действительно важно – об этом предпочитают умалчивать» [Руденко 2019: 227].

Однако эта картина меняется при рассмотрении объявлений категории «Поведение», которые содержат поведенческие меры по борьбе с пандемией. Здесь распределение обоснований на польских объявлениях имеет большую схожесть с белорусскими – в обоих субкорпусах встречаются (почти) только категории «Забота / Защита» и «Эпидемия». В немецком субкорпусе выделяется, напротив, высокая доля объявлений категории «Поведение», которые обосновываются ссылкой на «Органы власти».

Одно из возможных объяснений таких результатов может заключаться во всё еще присутствующем остаточном эффекте коммунизма как в Польше, так и в Беларуси, и когда речь идет об апелляции к чему-то, то

социально необходимые меры поведения обосновываются защитой общего блага. В Германии же, как показывают результаты, доверие решениям властей выше, поскольку эти решения принимаются населением как убедительный аргумент изменения поведения. Это подтверждается также тем, что на объявлениях из Нюрнберга часто можно увидеть подпись автора, который посредством упоминания выступает косвенно как лицо, заслуживающее доверия. Кроме того, при упоминании имени может предполагаться, что большинство читателей могут быть заинтересованы в фигуре составителя.

Причиной представленной в этой работе особой позиции белорусского субкорпуса следует назвать не только культурные различия, но и совершенно другой политический подход к пандемии. В то время как в Польше и Германии было постановлено закрытие многих предприятий, в Беларуси подобного решения принято не было. По этой причине ссылки на приказы властей на объявлениях Нюрнберга и Варшавы намного логичнее, чем в Минске. Следовательно, использование стандартной фразы «По техническим причинам» следует рассматривать как стратегию составителей избежать необходимости упоминания реальных причин. Не исключено, что на этих объявлениях выражается «стремление избегать конфликтов» белорусского народа, описанное Леппертом [Leppert 2008: 98].

Заключение

На основе настоящего исследования можно сделать выводы методологического и семантического характеров. Что касается метода исследования лингвистических ландшафтов, данное исследование показало, что при определенных обстоятельствах **не** язык вывесок как аспект исследования приходится основополагающим для многочисленных умозаключений. Анализ семантической составляющей объявлений, заранее отобранных по определенному критерию, может позволить получить научно обоснованные результаты также в преимущественно одноязычных языковых ландшафтах.

Что касается смысловой нагрузки, исследование показывает, что особенно в нашем глобализированном мире с его глобальными угрозами необходимо понимать, что противодействие таким угрозам уже глубоко укоренилось в соответствующем национальном сознании и имеет разные виды его выражения. Исследование демонстрирует, что формы обоснования в трех изученных языковых ландшафтах различаются в зависимости от страны и послания объявления. Таким образом, например, при составлении глобальных рекомендаций поведения во время пандемии степень их принятия народом могла бы быть усилена путем целенаправленного выбора распространенных и общепризнанных обоснований. Исследования лингвистических ландшафтов могли бы выступить вспомогательным звеном для выявления таких закономерностей.

Jumepamypa / References

- Backhaus, P. (2007), *Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*, Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., x + 158 p. (Multilingual Matters, 136).
- Gorter, D. (2006), Introduction. The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism. *International Journal of Multilingualism*, Vol. 3, Iss. 1, pp. 1-6. DOI: 10.1080/14790710608668382.
- Kittel, B., Lindner, D., Brüggemann, M., Zeller, J.P., Hentschel, G. (2018), *Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede “Trasjanka” in Weißrussland*, Berlin, Peter Lang publ., 337 p. (in German).
- Laihonen, P. (2015), Beware of the dog! Private linguistic landscapes in two ‘Hungarian’ villages in South-West Slovakia. *Language Policy*, Vol. 15, pp. 373-391. DOI: 10.1007/s10993-015-9358-y.
- Landry, R., Bourhis, R.Y. (1997), Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, Vol. 16, iss. 1, pp. 23-49. DOI: 10.1177/0261927X970161002.
- Leppert, M. (2008), *Akzeptierte Diktatur? Lukašenkos Herrschaft über Weißrussland*, Marburg, Tectum publ., 163 p. (in German).
- Mechkovskaya, N.B. (2003), *Belarusian languages*, sociolinguistic essays, Munich, Sagner, 156 p. (Specimina Philologiae Slavicae. Vol. 138). (in Russian).
- Muth, S. (2012), The Linguistic Landscapes of Chişinău and Vilnius: Linguistic Landscape and the Representation of Minority Languages in Two Post-Soviet Capitals. Gorter, D., Marten, H.F., Van Mensel, L. (eds.) *Minority Languages in the Linguistic Landscape*, Basingstoke, Palgrave Macmillan publ., pp. 204-224. (Palgrave Studies in Minority Languages and Communities). DOI: 10.1057/9780230360235_12.
- Ogiermann, E. (2009), Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests. *Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture*, Vol. 5, iss. 2, pp. 189-216. DOI: 10.1515/JPLR.2009.011.
- Rathmayr, R. (1996), Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen. Girke, W. (ed.) *Slavistische Linguistik 1995*, München, pp. 362-391. (Slavistische Beiträge 342). (in German).
- Rudenko, E.N. (2019), The stereotype of democracy in Byelorussian and American English: Preliminary results. Niebrzegowska-Bartmińska, S., Pazio-Wlazłowska, D. (eds.) *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów* [Values in the linguistic-cultural world view of the Slavic and their neighbours], Lublin, Vol. 5. Koncepty i ich profilowanie [Concepts and their shaping], pp. 223-234. (in Russian).
- Ruzaitė, J. (2017), The linguistic landscape of tourism: Multilingual signs in Lithuanian and Polish resorts. *Journal of Estonian & Finno-Ugric Linguistics*, Vol. 8, no. 1, pp. 197-220. DOI: 10.12697/jeful.2017.8.1.11.
- Shohamy, E. (2012), Linguistic landscapes and multilingualism. Martin-Jones, M., Blackledge, A., Creese, A. (eds.) *The Routledge handbook of multilingualism*, pp. 538-551.

- Sloboda, M. (2009), State Ideology and Linguistic Landscape: A Comparative Analysis of (Post)communist Belarus, Czech Republic and Slovakia. Shohamy, E., Gorter, D. (eds.) *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*, New York, Routledge publ., pp. 173-188. DOI: 10.4324/9780203930960.
- Van Mensel, L., Marten, H.F., Gorter, D. (2012), Minority Languages through the Lens of the Linguistic Landscape. Gorter, D., Marten, H.F., Van Mensel, L. (eds.) *Minority Languages in the Linguistic Landscape*, Basingstoke, Palgrave Macmillan publ., pp. 319-323. (Palgrave Studies in Minority Languages and Communities). DOI: 10.1057/9780230360235_18.

**ON THE REFLECTION OF PANDEMIC
IN MULTICULTURAL LINGUISTIC LANDSCAPES
(ON THE EXAMPLE OF ELEMENTS OF THE PUBLIC SPACE
OF MINSK, NURNBERG, AND WARSAW)**

A. Müller

University of Bamberg (Bamberg, Germany)

Abstract: The article presents a research of how the pandemic is reflected in the linguistic landscape of different countries. The paper analyzes various signs as elements of the public space of three cities associated with this phenomenon. The study aims to reveal the differences in the approach to a pandemic based on its expression in the studied linguistic landscapes. All signs in the corpus were assigned to one of the two categories “business” and “behavior”. Business-related signs concern commercial activities, behavior-related signs aim to regulate the behavior of the passers-by. The signs were analyzed regarding the language use, the use of a form of address and signature, and the reasons given for the measures announced on the signs. It must be said that the language used the most in all three corpora was the national language – in the case of Belarus one of the two official languages, namely Russian. The analysis of forms of address and signature shows a west-east-divide: On the signs in Nuremberg these forms of politeness were used the most often. The reasons were classified into five categories: “Authorities”, “Care/Protection”, “Current Situation”, “Epidemic” and “Technical Reasons”. On business-related signs, the reasons on German and Polish signs are distributed similarly, but on behavior-related signs the patterns on Polish and Belarusian signs resemble each other. Thus, the study shows that cultural differences in the dealings with the pandemic in the linguistic landscape exist.

Key words: linguistic landscape, covid-19, content analysis, west-east-divide, corpus-driven study.

For citation:

Müller, A. (2020), On the reflection of pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public space of Minsk, Nurnberg, and Warsaw). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 846-864. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).846-864. (in Russian).

About the author:

Müller, Alisa, Doctoral Candidate in Slavic Linguistics

Corresponding author:

Postal address: Sekretariat Slavische Sprachwissenschaft, Otto-Friedrich-Universität Bamberg, An der Universität 5, Bamberg, 96047, Germany

E-mail: alisa.mueller@posteo.de

Acknowledgements:

The author would like to thank Petr Dudanovich for collecting information in Warsaw, Andrus Takindang and Hanna Komar for collecting data in Minsk

Received: October 1, 2020

Revised: October 11, 2020

Accepted: November 2, 2020

**«КОРОНАВИРУСНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ»:
ОТ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ К ИНТЕРНЕТ-МЕМАМ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

А.В. Савченко¹, Лай Янь-Цзюнь²

^{1,2} *Государственный университет Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань)*

Аннотация: Общеизвестно, что одной из основных функций языка является описание окружающей человека действительности. Свое отражение в нем, в его лексическом составе находят в первую очередь те события, которые оказывают существенное влияние на жизнь – какие-либо необычные, экстраординарные события, в том числе трагедии и катастрофы мирового масштаба. Можно считать, что ключевым событием нынешнего года, повлиявшим на все основные сферы жизни и деятельности человека, стало распространение по всему миру коронавирусной инфекции COVID-19, которая вызвала изменения не только в повседневной жизни людей, но и привела к активным процессам в лексико-фразеологическом составе языка. Статья посвящена анализу наиболее заметных и значительных проявлений таких изменений в лексике и фразеологии русского и китайского языков – как на терминологическом уровне и в языке официального общения, так и в разговорной речи. Особо рассматриваются интернет-мемы как особый жанр визуально-вербального творчества. Так, в частности, характерной особенностью отдельного типа мемов на китайском языке является их политизированность, связанная с существующей проблемой политических отношений Тайваня и материкового Китая. Изучение и анализ происходящих в языке процессов на уровне синхронии способны дать не только актуальную картину современной языковой ситуации, но и представить языковой (в том числе и речевой) портрет языковой личности.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, неологизм, неология, фразеология, интернет-мем, пандемия, коронавирус.

Для цитирования:

Савченко А.В., Лай Янь-Цзюнь. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 865–886. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.

Сведения об авторах:

¹ **Савченко Александр Викторович**, кандидат филологических наук, ассистент-профессор

² Лай Янь-Цзюнь, магистрант

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 11674, Тайвань, Тайбэй, р-н Вэньшань,
ул. Чжинань, 64, 2

² Почтовый адрес: 11674, Тайвань, Тайбэй, р-н Вэньшань,
ул. Рузвельта, уч. 6, 4-Ф, № 208

¹ E-mail: savchenko75@mail.ru

² E-mail: 106554001@nccu.edu.tw

Дата поступления статьи: 15.09.2020

Дата рецензирования: 09.10.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

1. Введение

Язык, будучи весьма чутким к происходящим в окружающем мире процессам, моментально и тонко реагирует на изменения в жизни общества и, как лакмусовая бумажка, отражает актуальные события, фиксируя их на лингвистическом (вербальном), в первую очередь – лексическом, в том числе и фразеологическом, уровне. В определенной степени язык участвует и в экстралингвистической (невербальной) фиксации и отражении текущих реалий жизни.

Главным событием последнего времени является начавшаяся в конце 2019 г. эпидемия коронавируса, которая за несколько месяцев охватила весь мир, став причиной пандемии, которая в свою очередь повлияла и на язык: нашла отражение как в лексике, так и в определенных моделях выражения чувств и эмоций, оказала влияние на коммуникативное поведение в определенных ситуациях общения и на речеповеденческую тактику в целом.

Статья посвящена анализу некоторых особенностей отражения реалий пандемии коронавируса, фиксируемых в разных формах проявления и сферах употребления языка: от (полу)терминов, характерных для формального дискурса, до разговорных (включая сленг) выражений и фразеологизмов-неологизмов на лексическом, вербальном уровне. Мы также частично затронем и язык мемов как особый вид коммуникации, сочетающий вербальный (языковой) и невербальный (изображение) планы выражения. Исследование проводится на базе русского и китайского (Тайвань) языков.

Цель статьи – проследить, какое отражение находит в языке нынешняя коронавирусная пандемия, как с помощью языка выражаются те или иные реалии как в официальном, так и в неформальном общении; отдельно рассматриваются некоторые элементы интернет-коммуникации, имею-

щие юмористический характер (интернет-мемы). Подобное исследование также частично ставит цель определить, насколько «дальнобойными» окажутся те или иные языковые инновации и неологизмы, а что достаточно быстро выйдет на периферию языкового употребления.

2. Описание материала и методов исследования

Материал, представленный в статье, отбирался методом сплошной выборки из различных источников, в частности фиксации разговорной речи носителей русского и китайского языков (Тайвань), СМИ (включая информационные интернет-сайты), широкой сферы интернет-общения (соцсети, мессенджеры, форумы, блоги и т. п.).

Анализ проводился с помощью методов семантического, стилистического подходов и основных принципов лексикографического описания и паспортизации лексических единиц.

Теоретической основой данного исследования послужили работы, посвященные таким аспектам филологического изучения, как вопросы неологии [Алаторцева 1999; Котелова 1988; Наумова 2007, 2008; Попова 2005; Степанова 2008; Korostenski 2007; Hauser 1980; Martinová 1983; Lotko 2003], в том числе и касающиеся фразеологической неологии [Мокиенко 2003; Дубичинский 2000; Mokijenko, Walter 2008; Гананольская 2002], а также работы, в которых затрагиваются различные аспекты интернет-коммуникации в целом (в рамках так называемого интернет-дискурса) [Горошко 2009; Горина 2015; Федорова 2014] и феномен интернет-мемов в частности [Щурина 2012; Лутовинова 2012, 2016], в том числе и на материале китайского языка [Чжан 2006; Чжан Л., Ян, Чжан Д. 2016].

3. Результаты исследования

Объявленная пандемия коронавируса явилась одним из основных предметов обсуждения средствами массовой информации, чиновниками разных рангов и простыми гражданами, а также стала объектом пристального внимания и тщательного изучения учеными и специалистами различных научных направлений, в том числе и филологами. Последствия пандемии, помимо ряда резких изменений в привычном ритме и укладе повседневной жизни, естественным образом проявились в языке: в первую очередь, активные динамические процессы можно наблюдать в области лексики – от возникновения новых слов (как терминов, так и слов, функционально-стилистически относящихся к широкой палитре «разговорности») и выражений до актуализации значения уже имеющихся лексем и фразем (включая различные случаи семантических трансформаций).

В связи с таким активным проникновением новых лексических единиц в язык возникает проблема соотношения «время – его отражение в языке – фиксация словарями изменений в лексическом (в том числе и фразеологическом) составе языка». Именно в решении этой задачи – отраже-

нии актуальных тенденций в области лексики и фразеологии – видится основная цель неологии – составной части лингвистики, «сканирующей» язык с точки зрения появления в нем новых лексических, фразеологических и паремиологических единиц и фиксирующей все происходящие в языке изменения. Как образно замечает И.О. Наумова, «Время – главный герой неологии. Неологизм – его одеяние, его звучание, документальное свидетельство о зарождении нового в языке» [Наумова 2007: 81] (см. также: [Наумова 2008: 8]).

Значительное количество лексических единиц, за последний год вошедших в активный речевой обиход, явно подпадают под понятие неологизма, предлагаемое С.И. Алаторцевой: «Новыми в литературном языке N-го периода времени могут быть признаны слова, значения и сочетания, представляющие собой как новообразования данного периода, так и внешние и внутренние заимствования в нем, а также слова и сочетания, вновь ставшие актуальными в указанный период» [Алаторцева 1999: 16]. Можно привести и сходную трактовку, предложенную Э. Лотко: неологизм – это «не привившаяся, нерегулярная форма, новое слово, его употребление в новом значении или иная единица, возникшая в языке, гесп. возникающая, или же заимствованная из других источников с целью наименования новых реалий» [Lotko 2003: 78]. А Т.В. Попова, помимо неологизмов-слов – неолексем, выделяет неофраземы – «новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические сочетания, и неосемемы – новые значения старых слов и фразеологизмов» [Попова 2005: 30].

В свете сказанного выше, новыми реалиями русского языкового обихода стали как слова, имеющие характер термина (гесп. «полутермина»), например *коронавирус*, *ковид*, *самоизоляция*, *масочный режим*, *перчаточный режим*, *санитайзер*, *самоизолироваться*, *социальная дистанция* и др., так и разговорные слова, обладающие, как правило, тем или иным экспрессивно-эмоциональным оттенком и нередко построенные по специфическим словообразовательным моделям, благодаря которым возникает определенный экспрессивно-эмоциональный эффект. Так, на основе контаминации возникли лексемы *барановирус*, где компонент *баран* употреблен в разговорном эмоционально-экспрессивном неактивно оценочном значении ‘глупый, упрямый человек’; *карантикулы*: *карантин* + *каникулы* – значение слова можно определить как ‘период пребывания на карантине и связанное с ним вынужденное отсутствие работы’; *ковидиот*: *ковид* + *идиот* (слово, ставшее фактически международным благодаря «интернациональной» лексической основе, ср.: *covidiot*: *covid* + *idiot*, англ. *COronaVirus* + др.-греч. ἰδιώτης) – ‘человек, который нарушает правила карантина’; *коронабесие* и *маскобесие*, связанные с нездоровым ажиотажем вокруг пандемии и одним из конкретных проявлений этого ажиотажа – требованием носить маски, образованы по аналогии со словом *мракобе-*

сие и неологизмом *победобесие* (*презрит.* об излишне помпезном, «псевдопатриотическом» отмечании Дня Победы).

По расхожим словообразовательным моделям возникли слова, имеющие характер разговорных номинаций новых явлений, процессов, действий и т. п.: *масочник* ('тот, кто в обязательном порядке носит маску' в более широком смысле – 'тот, кто с особой тщательностью соблюдает все меры предосторожности от заражения коронавирусом' – фактически, как функциональный антоним понятию *ковидиот*), *карантинить*, ставшие актуальными в том числе в связи с *самоизоляцией* понятия *удалёнка* (работа дома, «на удалении» от основного рабочего места), *дистанционка*, *дистант* (дистанционное обучение) и др. В контекстах, связанных с пандемией, новый оттенок разговорности и новую семантику приобретает глагол *самоизолироваться* – '(добровольно) временно полностью прекратить контакты и общение с окружающими и ограничить выход за пределы определенного пространства (комнаты, квартиры) с целью минимизировать риск заразить вирусом других', – а также связанный с этим глаголом термин *самоизоляция*.

Новое звучание в современных условиях получило слово *диссидент* (лат. *dissidens* – 'инакомыслящий; человек, не согласный с господствующей идеологией'), актуализированное в сочетании-неологизме *ковид-диссидент* – 'тот, кто не верит в существование коронавируса либо считает, что данная проблема сильно преувеличена политиками и СМИ'. В современных условиях пандемии переосмысление получил и термин немецкого социолога и философа Г. Зиммеля *социальная дистанция*, приобретший специфическое значение 'необходимое безопасное расстояние, препятствующее распространению вируса от человека к человеку'. Актуализировалось в новых условиях и выражение *выйти на плато [заболеваемости]* – 'период времени, когда количество зараженных перестает увеличиваться и ситуация с ростом заболеваемости стабилизируется'.

Актуальность возникшей пандемии и ее активное обсуждение, в первую очередь в Интернете, способствуют также появлению новых фразеологизмов и паремий (поговорок и пословиц), зачастую образующихся на базе существующих фразеологических моделей или переосмысления значения отдельных фразеологических единиц (ФЕ), например изменение смысла ФЕ терминологического характера *тревожный чемоданчик* (первонач. 'базовый набор вещей для выживания в экстремальных ситуациях' → в новых реалиях пандемии 'набор необходимых вещей для пребывания пациента в больнице на период лечения от коронавирусной инфекции'), а также возникновению новых антипоговорок: *вирус не воробей, вылетит – не поймает; не так страшен ковид, как его малюют; любишь кататься, люби и масочку носить; по маске встречаются, по температуре провозжают; на карантин надейся, а сам не плошай; хорошо чихает тот, кто чихает последним; самоизоляцию пережить – не поле перейти* и мн.

др. Подобные антипословицы обычно создаются на базе хорошо узнаваемых и частотных в употреблении паремий с заменой ключевого компонента (ключевых компонентов) в ее структурно-сематической, метафорической моделях; возможны и случаи омонимического обыгрывания, напр.: *а ВОЗ и ныне там* (воз 'вид транспортного средства' – ВОЗ (сокр. *Всемирная организация здравоохранения*)) – или обыгрывания прямого и переносного значения: *дорога туалетная бумага к эпидемии* (ср. со значением прилагательного в исход. *дорога ложка к обеду*). Узнаваемость модели и самой пословицы позволяют создавать антипословицы-неологизмы с нарушением синтаксической и рифмо-ритмической структуры, как в следующем примере: *где родился – там и сиди на карантине; на бога надейся, а руки-то помои* и др. Новая «антипаремия» может быть снабжена и дополнительным комментарием, отсылающим к соответствующему факту, связанному с «коронавирусным событием», как в данном случае – в скобках дополнительно указан источник возникновения вируса и место распространения эпидемии по всему миру: *не было заботы – купила баба летучую мышь (на уханьском рынке)*; а в следующих трансформированных пословицах на этот источник дается прямое указание: *Все дороги ведут в Ухань; Бойся китайцев, дары приносящих; Волков боятся – в Ухань не ездить*.

Благодаря общедоступности Интернета и активному развитию «интернет-творчества» его пользователей подобная языковая игра с фразеологизмами и особенно с паремиями – создание антипословиц (антипоговорок) – стала очень популярна, на некоторых сайтах публикуются целые подборки «коронавирусных антипословиц» и даже объявляются специальные конкурсы на создание подобных «тематически трансформированных» единиц.

Происходит и переосмысление на основе контаминации устойчивых выражений, в частности *держать / соблюдать дистанцию* и *социальная дистанция*, на базе которых возникли новые терминологические номинации *соблюдать / держать социальную дистанцию* (а также отглагольное выражение *соблюдение социальной дистанции*) в значении 'выдерживать безопасное для недопущения распространения коронавирусной инфекции расстояние друг от друга'. Аналогичное выражение зафиксировано и в китайском языке: *保持社交距離*. При этом возникшее сочетание, свойственное официальному дискурсу и имеющее терминологический характер, в разговорной речи способно к дальнейшей фразеологизации: в шутивно ироничном контексте фраза *соблюдать / держать социальную дистанцию* может иметь значение 'стараться держаться от к.-л. на некотором расстоянии', не связанное с чисто «медицинским», «коронавирусным» аспектом.

Отдельно можно указать на случаи обыгрывания существующих ФЕ с помощью актуализированного в условиях пандемии контекста. Это отдельный, заслуживающий особого исследования в рамках теории юмора и создания комического эффекта, вопрос. Ограничимся следующими за-

фиксированными иллюстративными примерами: *В реалиях сегодняшнего мира, выражение «Ты чё, нюх потерял?!» – приобретает совсем иной смысл* (обыгран один из основных симптомов коронавируса – потеря обоняния и вкуса); *Наверное еще никогда прежде выражение «молчать в тряпочку» не звучало настолько буквально* (обыграно обязательное ношение масок). Ироничное обыгрывание фразеологизма в выражении: *семь пятниц на неделе, когда работаешь из дома* – описывает актуальную ситуацию, когда каждый день работы дома, а не на привычном рабочем месте, больше похож на выходной, чем на рабочий день.

Отдельные лексемы также подвергаются семантическим сдвигам и приобретают новые, как правило, эмоционально-экспрессивные значения. Наиболее показательный пример – лексема *намордник*, в обиходно-разговорной речи использующаяся в значении ‘защитная медицинская маска’ с неодобрительным оттенком.

В отличие от русского, в китайском языке отмечается не так много лексических и фразеологических новообразований. В частности, отсутствуют такие словообразовательные цепочки, как *самоизоляция – самоизолироваться*. Однако есть свои специфические выражения, возникшие и ставшие широкоупотребительными в период пандемии. Так, фразама *我ok, 你先領* (досл. *Я в норме, ты первый* (в смысле, «я [стою в очереди] за тобой, т. е. не бегу покупать маски»; функциональным эквивалентом может служить рус. *Только после Вас*. Отметим, что для китайской культуры в повседневном общении характерно обращение на «ты» даже к незнакомым людям (если это ситуация не слишком формального общения)) появилась на фоне ажиотажного спроса на медицинские маски. Точное происхождение семантической структуры выражения *我ok, 你先...* и его источник установить уже невозможно из-за быстрого и широкого распространения данной фразы в начале нынешнего года. Выражение употребляется в ситуации, когда говорящий уступает другому человеку что-либо. В нашем случае фразама *我ok, 你先領*, по сути, является лозунгом, функционально-прагматическая цель которого представляет собой призыв уступить маски особо нуждающимся в них людям, в частности людям с хроническими заболеваниями, детям и пожилым.

Широко распространена языковая игра на основе омонимии – созвучия разных иероглифов, имеющих различное значение, как в случае с выражением 「順時中」. Игра слов в данном случае основана на тождестве фонетической формы иероглифов 中 (Чжун) и 鐘 (Чжун). Имя пользующегося широкой популярностью у практически всех жителей Тайваня министра здравоохранения – Чэнь Ши-Чжун – в оригинальном написании выглядит как 時中, что созвучно другому выражению – 時鐘 (‘часы’). Важную роль в рассматриваемом выражении играет семантика глагола 順 ‘1. соглашаться, одобрять; 2. учить, воспитывать; 3. следовать по ..., идти

вдоль, двигаться в том же направлении; 4. упорядочивать, выстраивать по очереди'. Слово сочетание 順時鐘 означает «по часовой стрелке», а также может быть интерпретировано как «действовать по тому же направлению» (причем с собой «естественное, логичное в плане развития какого-то события действие», например порядок цифр: 1, 2, 3, 4...).

Глагол 順 также может означать «подчиняться», «слушаться», и это значение уже может быть актуализировано в примере 順時中. В данном случае фонетически обыгрывается значение «слушаться Ши-Чжуна», т. е. министра здравоохранения Тайваня. Данное появившееся после вспышки коронавируса выражение употребляется тогда, когда призывают соблюдать антивирусные меры, опубликованные Центром контроля заболеваний (ЦКЗ) или непосредственно самим министром.

Противоположным по смыслу понятием для 順 является 逆 (здесь порядок цифр обратный: 4, 3, 2, 1); традиционно люди определяют 順 и 逆 как дихотомию инь-ян, позитив-негатив, 順 – естественный, правильный ход вещей, направление и 逆 – наоборот '1. идти против; двигаться навстречу; против, вспять; 2. противодействовать, не слушаться; не подчиняться (приказу); выступать против; восставать против; противиться, давать отпор'. Соответственно, 逆時中 как противоположное словосочетанию понятие 順時中 здесь толкуется в смысле «не слушаться Ши-Чжуна», например во фразе 防疫不要逆時中, что означает: «В борьбе с эпидемией не надо не слушаться Ши-Чжуна».

Примером коронавирусного сленга является выражение 防疫豬隊友 (ужасный, ненадежный напарник в борьбе с эпидемией), в основе которого содержится устойчивое выражение 豬隊友 (досл. напарник как свинья; 'ужасный напарник (в игре)'), широко распространенное сегодня не только в интернет-пространстве, но и в реальной жизни. Следует упомянуть, что свинья в китайской культуре часто ассоциируется с такими качествами, как лень, глупость и ожирение. Первоначально данное выражение употреблялось в онлайн-играх, когда команда проигрывала из-за глупого, ненадежного, в общем ужасного партнера, и такого человека могли назвать 豬隊友, т. е. ужасным напарником. Постепенно данное выражение стали употреблять и в составе других сочетаний, применительно к разным сферам, например 報告豬隊友 (ужасный напарник в (коллективной) презентации), что подтверждает актуализацию фраземы 豬隊友 в качестве основы для создания новых идиоматизированных выражений. В свою очередь, понятие 防疫豬隊友 можно рассматривать как синоним номинации Covidiot, поскольку оно может быть использовано в аналогичных ситуациях, например в лозунге 拒當防疫豬隊友 (отказаться / быть ужасным напарником в борьбе с эпидемией, т. е. осознанно – как и ковидиот – быть против любых массовых мер борьбы с коронавирусом).

Возникновение новых слов и выражений сопровождается феноменом массового использования приема метонимии [Ван, Ли, Шэнь 2011: 134]. Одно из самых упоминаемых имен на пресс-конференциях ЦКЗ – *小明* (*Сяомин*) – служит примером вышесказанному. *小明*, в действительности, очень распространенное имя / псевдоним, используемое в учебниках и в примерах контрольных работ на экзаменах в тайваньских школах. Данное прецедентное, по сути, имя стало новым «коронавирусным термином», связанным с той реалией, что после вспышки коронавирусной инфекции Тайвань объявил запрет на въезд на остров всех неграждан. Во время китайского Нового года некоторые живущие на Тайване семьи, в которых один из родителей – гражданин КНР (а другой, соответственно, – гражданин Тайваня), поехали в континентальный Китай навестить семью, родственников, а перед началом нового семестра в тайваньских школах их детям, не имеющим гражданства Китайской Республики, т. е. Тайваня, не разрешали въезд на Тайвань. Немалое количество таких семей, столкнувшись с данной проблемой, обращались в ЦКЗ с просьбой принять соответствующие меры, чтобы детей пустили с родителем – гражданином Тайваня (или к родителю-гражданину, если в Китай отправились только его / ее ребенок, а супруга / супруг – гражданин КНР) на Тайвань. С целью сохранить конфиденциальность обратившихся с просьбой в ЦКЗ семей на пресс-конференции, отвечая на данный вопрос, реальные имена таких детей заменили псевдонимом *小明*, поэтому его употребление в речи сразу же делает понятным тот факт, что речь идет о таких детях. В настоящее время *小明* представляет собой случай антономасии – это обозначение оказавшихся в данном обстоятельстве (и не имеющих тайваньского гражданства) детей гражданина Тайваня с супругой / супругом – гражданином КНР.

Особым тексто-визуальным жанром, оперативно отражающим актуальные, вызывающие определенный интерес в обществе события, являются интернет-мемы. Сегодня мемы можно рассматривать как своеобразное продолжение традиций, заложенных еще в искусстве лубка, особенно жанром светских лубочных листов, для которых также свойственна креолизованность текста, т. е. выражение определенного смысла как вербальными, так и невербальными средствами (изображение, картинка), причем именно невербальная, образная часть зачастую является основой выражения основного смысла. Сегодня интернет-мемы представляют собой особый феномен интернет-коммуникации; в них отражается только та информация, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными к ней, вызывает интерес или порождает какие-либо ассоциации [Щурина 2012: 162–163], а вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, предназначенное для комплексного воздействия на адресата, – образования креолизованного типа [Щурина 2012: 164]. Можно

сказать, что мемы, будучи одной из разновидностей интернет-языка, отражают определенный фрагмент действительности. Ю.В. Щурина по этому поводу отмечает: «Являясь разновидностью прецедентных феноменов, интернет-мемы сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для появления мема» [Щурина 2012: 163]. По нашим наблюдениям, тема коронавируса является одной из главных тем мемов в 2020 г. как в российском, так и в тайваньском сегменте Интернета.

Ярким примером использования «эффекта прецедентности» можно считать мемы на рис. 1: в качестве невербальной основы использованы визуальные образы, отсылающие к советским агитационно-пропагандистским изображениям. На плакате слева стилизован изображен мэр Москвы С. Собянин, при этом надпись рекламного характера «Акция!» переводит жанр агитплаката, скорее, в плоскость рекламного плаката. Ироничная надпись – суть «акции» – намекает на ограничения продолжительности нахождения на улице (в том числе прогулок), введенные мэром Москвы в период пика пандемии. Плакат справа, отсылая своим сюжетом к поимке нарушителей (в данном случае – нарушителей границы), сопровождается надписью, которая напоминает о распространенной в России реалии – жарить шашлыки на майские праздники (в том числе в черте города, например в парках, зеленых зонах и даже во дворах домов), и введенном запрете находиться на улице без особой надобности в период объявленного карантина. В первом случае основа иронии – узнаваемый образ мэра, в период борьбы с коронавирусом ставшего еще более заметной и влиятельной фигурой, которая указывает жителям на новые правила жизни. Во втором – под пограничниками подразумеваются полицейские, ищущие нарушителей режима самоизоляции, а «бдительная гражданка» – вполне узнаваемый в реальной жизни персонаж, доносящий «компетентным органам» о фактах нарушения закона.

Рис. 1

К хорошо узнаваемым реалиям периода карантина и самоизоляции: ажиотажному спросу на гречневую крупу и консервы, а также рекомендации врачей не трогать лицо руками во избежание заражения коронавирусной инфекцией – отсылает и рис. 2. В качестве основы сюжета мема взята ситуация мини-диалога матери и сына, что дополнительно усиливает иронию за счет ассоциации с особенностями коммуникации в рамках так называемого детского дискурса.

Рис. 2

Следующая пара мемов связана с кинематографом и мультипликацией: на рис. 3 невербальной основой мема выступает кадр из популярной кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию». Вербальная часть – трансформированная цитата одной из сцен фильма: *Алло! Галочка, ты сейчас умрешь*. Вместо имени собственного *Галочка* вставлен термин *малый бизнес*. Вверху мем сопровождается дополнительным комментарием-пояснением, напрямую коррелирующим с воспроизводимой квазицитатой: из-за вынужденного простоя многие предприятия малого бизнеса, в течение долгого времени не имея возможности полноценно работать, лишившись клиентов и господдержки, фактически оказались на грани вымирания. Рисунок 4 представляет собой коллаж, в левой части которого кадр из популярного мультсериала «Простоквашино» и хорошо узнаваемый персонаж – *почтальон Печкин*, в правой – кадр из фильма «Сияние» с кричащей от ужаса Венди Торранс, пытающейся за закрытой дверью укрыться от своего обезумевшего мужа Джека. В качестве текста также использован фрагмент «крылатой» квазицитаты, где в качестве переменного (замененного) компонента названа страна – источник коронавируса.

На рис. 5 представлена карикатура, в которой иронически обыгрывается причина, по которой вымерли тираннозавры (и шире – динозавры) – от коронавируса из-за невозможности помыть лапы. По мнению специалистов-медиков, грязные, немые руки – один из основных источников распространения и передачи инфекций (в том числе коронавируса).

Когда нерабочий период продлили ещё на месяц:

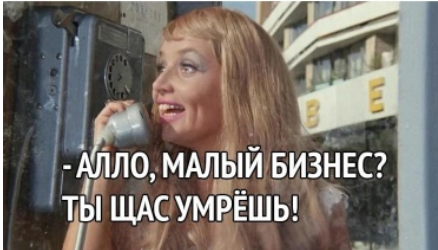

Рис. 3

Рис. 4

**ТИРАННОЗАВРЫ ВЫМЕРЛИ, ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГЛИ ПОМЫТЬ
РУКИ ВО ВРЕМЯ КОРОНАВИРУСА**

Рис. 5

Мы рассмотрели лишь весьма не большой по объему набор подобных мемов и спектр их жанрового разнообразия – рамки статьи не позволяют нам представить другие виды и типы мемов, встречающихся в русскоязычном сегменте Интернета. Коротко представим образцы мемов на китайском языке.

Во-первых, как и в случае с русскоязычными мемами, в китайскоязычном интернет-пространстве широко используются популярные образы мирового киноискусства и мультипликации. Например, на рис. 6 мем представляет собой коллаж кадров из популярного американского фантастического фильма «Доктор Стрэндж», на первом из которых главный герой представлен еще хирургом, на втором – уже волшебником (подпись: *медперсонал в глазах тайваньцев раньше; медперсонал в глазах тайваньцев 2020 г.*).

В мем на рис. 7 иронично обыгран популярный персонаж – Человек-паук, герой американского приключенческого мультсериала, образ которого используется в шутовском контексте: невозможность пойти в гости домой к девушке из-за вынужденного домашнего карантина (подпись:

/телефонный звонок/ Девушка: Ты где? Я: Я на 14-дневной самоизоляции. Девушка: Моих родителей сейчас нет дома. Я: Я никуда не пойду).

В меме на рис. 8 на примере кадров из японского мультфильма «Мастер кулинарии» (япон. 中華一番!) обыгран типичный симптом коронавируса: один из героев – Сяоданцзя – потерял вкус (подпись: /вверху слева/ Вкус? Вообще нет вкуса. /вверху справа/ Что ни ем, не испытываю вкуса. /внизу слева/ Не чувствую никакого вкуса. /внизу справа/ Сяоданцзя (имя героя), у тебя подтверждено заражение).

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

В качестве визуальной, образной основы на рис. 9 взят кадр из компьютерной игры по мотивам известного американского телесериала «Звездные войны». Смысл мема – в резко возросшем опасении и даже неприязненном отношении жителей Тайваня к приезжим иностранцам как потенциальным разносчикам вируса из-за нескольких выявленных «привозных» случаев коронавируса (подпись: /На сегодняшней пресс-конференции ЦКЗ/ То, что заявил Ши-Чжун (министр здравоохранения Тайва-

ня): *Зафиксировано 8 завозных случаев*. То, что я вижу: (вокруг люди, вернувшиеся из-за границы)).

На рис. 10 актуальные реалии вынужденного «коронавирусного карантина» в юмористическом ключе обыграны применительно к обычному повседневному укладу жизни героя – персонажа из американского мультсериала «Южный парк» (подпись: Я: *Что такое карантин?* Друг: *Значит, ты можешь только сидеть дома, не можешь выйти, не можешь позвать друзей к себе в гости. Даже не вздумай пойти тусить втихаря. Это продлится не меньше 14 дней. Ты не можешь даже увидеться дома с родителями. Господи, что это за жизнь?* Я: *Оказалось, я на карантине уже 14 лет*).

本日中央防疫記者會

陳時中說的: 境外移入感染增加八例。

我所看到的:

Рис. 9

我: 什麼是隔離?

朋友: 就是你只能待在家不能出門, 不能讓朋友到你家找你, 更不能想偷跑出去玩, 要至少14天, 甚至跟爸媽在家都不能碰面天啊! 這生活是人過的嗎?

我:

Рис. 10

Наиболее часто в качестве «визуальной подкладки» мема – выступающего в роли визуального образа изображения – используются фотографии (в том числе кадры из видеозаписей). В заключение рассмотрим лишь несколько наиболее показательных примеров.

На рис. 11 в составе мема в виде коллажа использованы популярные в Интернете фотографии, на основе которых регулярно создаются мемы самой различной тематики, в данном случае – на тему пандемии коронавируса. В левой части – кадры из популярного телевизионного шоу American Chopper («Американский мотоцикл»), на котором зафиксирован момент ссоры ведущих: отца Пола Теутула-старшего (на снимке) и сына (остался за кадром). Справа – несколько кадров из ставшего популярным с середины текущего десятилетия видеоролика, известного под названием Dancing Pallbearers («Танцующие носильщики гробов»). Видео- и фотоизображения традиционной похоронной процессии, происходящей в Гане, обычно используются для иллюстрации каких-либо событий, заканчивающихся неудачей, «эпичным фейлом». Иронический эффект, комизм ситуации достигается с помощью «покадрового монтажа» фотографий обоих видеосюжетов, при этом текстом сопровождается только левая («исходная»)

часть, которая логически соотносится с правой («похоронной»), где подразумеваемый «ответ» дается экстралингвистически: соответствующей визуально воспринимаемой реакцией на инициальную вербальную фразу (подпись: 1. Почему нельзя выходить потусить? 2. Надену маску и всё будет норм. Разве не так? 3. Я выходил ещё на прошлой неделе... кхэ кхэ).

Обратимся теперь к рис. 12. Данный мем бы опубликован около 5 месяцев назад, когда на Тайване обнаружили новый случай с подозрением на заражение коронавирусом. Первоначально было известно лишь то, что это студент. Позже выяснилось, и то, в каком конкретно университете учится этот человек, но на сегодняшний день этот мем уже не является актуальным, так как данное событие обошлось без серьезных последствий и, соответственно, уступило свое место другим, более актуальным новостям (подпись: 1. Вчера получил(а) лайки и подписчиков за сделанный мем на коронавирус. 2. Сегодня выяснилось, что в университете Чэнгун обнаружен случай с подозрением на заражение. (Я учусь в университете Чэнгун.)).

Рис. 11

Рис. 12

Последний приводимый нами интернет-мем отражает специфику общественно-политической ситуации на Тайване и положение страны на мировой арене. Во многом он связан с распространенной в стереотипном сознании путаницей двух стран – Китая (Китайской Народной Республики) и Тайваня (Китайской республики). На рис. 13 (подпись: Тайванец, который во время уханьской пневмонии старается объяснить иностранцу, что China Airlines на самом деле не из Китая¹) «коронавирусный» мем имеет политическую окраску. Суть мема: во время распространения коронавируса тайванец старается объяснить иностранцам, что авиаком-

¹ Использование формулировки «уханьская пневмония» (т. е. Ковид-19) указывает на стремление тайваньцев в начале эпидемии подчеркнуть, что вирус появился именно в Китае, и нежелании, чтобы Китай остался в стороне. Написание «иностранец» в переводе мотивировано тем, что в оригинальном тексте автор мема намеренно сделал ошибку, заменив один из иероглифов на неправильный, но созвучный.

пания China Airlines на самом деле не китайская, а тайваньская. Девушка с испуганным выражением лица в маске справа – скорее всего, это образ иностранца – просто не понимает, что China Airlines – тайваньская компания, несмотря на то, что девушка слева упорно старается объяснить, что это так. Девушка справа настаивает на своем мнении, считая, что раз в названии есть слово «China», значит, это китайская авиакомпания и надо надеть маску, потому что все китайцы заражены коронавирусом. Примечательно, что в самом тексте также использован «вербализованный» изобразительный элемент – на позиции субъекта (подлежащего) во фразе изображен логотип авиакомпании. Фраза в итоге прочитывается: слева – *China Airlines – это Тайвань* (это факт); справа – *China Airlines – это Кумай* (это стереотипное восприятие названия авиакомпании иностранцами).

在武漢肺炎擴散期間
努力跟歪國人解釋
華航其實不是來自中國的台灣人

Рис. 13

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что коронавирусные мемы как феномен коммуникации и способ выражения и передачи актуальной информации в наши дни занимают значительное место в интернет-коммуникации. На сегодняшний день это один из ярких эмоционально-экспрессивных приемов отражения действительности, проявления креативности (в языковом и визуальном воплощении), ироничного, юмористического отношения к определенным событиям.

Как правило, вышеприведенные мемы состоят из двух частей: уже существующая (в некоторых случаях уже широко растиражированная, известная) картинка, изображение (экстралингвистический план, невербальный компонент мема) в сочетании со второй, выраженной вербальной частью, т. е. описывающим ситуацию текстом; иллюстрируя какой-либо определенный сюжет, возникающий в результате сочетания «вербального» и «невербального» креолизованный текст создает в меме юмористический эффект.

Достижение юмористического эффекта обеспечивают следующие элементы: стереотипная, знакомая и понятная ситуация, актуальность темы, интерес к этой теме и культурная принадлежность читателей. Напри-

мер, в случае с мемом об авиакомпании China Airlines читатель-«нетайванец», скорее всего, не может предположить, что тайваньцы могут сталкиваться с ситуацией, когда иностранцы считают, что это не тайваньская авиакомпания, и им приходится объяснять разницу. Соответственно, он бы не понял суть, иронию, заключенную в данном меме, так как не является носителем данной культуры и не знаком с особенностями культурно-исторических реалий Тайваня; вдобавок это не часто встречаемая ситуация (т. е. «национально-специфичная», не стереотипная ситуация, и для него это не будет интересно, важно). Актуальность темы данного мема также связана с текущей глобальной пандемией коронавируса, который впервые появился в континентальном Китае. Следовательно, важно делать акцент на объяснение того, что China Airlines не имеет никакого отношения к Китаю и, соответственно, летать самолетами этой авиакомпании безопасно.

Covid-19, без сомнений, оказывал и продолжает оказывать значительное влияние на жизнь людей в 2020 г., и он, безусловно, является одним из самых главных событий и горячих тем обсуждения. Конечно, в интернет-пространстве мемы на тему Covid-19 постоянно обновляются. Однако мы заметили, что из мемов, появившихся раньше, некоторые до сих пор остаются актуальными, а некоторые, наоборот, постепенно становятся или уже стали периферийными.

4. Заключение

Таким образом, анализ конкретного языкового материала, полученного из сферы как устной, так и письменной коммуникации и характерного для дискурсов разных типов, в частности: официального, публицистического, медийного, неформального повседневного дискурсов, а также интернет-дискурса в самом широком понимании, включающего в себя пять конституирующих признаков: когнитивность, интерактивность, вариативность, социологичность и психологичность [Горина 2015], – в очередной раз подтверждает факт того, что язык оперативно, чутко и гибко реагирует на происходящие в жизни процессы, по-разному отражая их и на уровне официального, формального общения (в том числе профессионального), и в повседневной разговорной речи.

Активным «полем деятельности» для отражения таких ключевых событий (прежде всего на лексическом, а также фразеолого-паремийном уровне) сегодня являются уже не только (и не столько) традиционные СМИ (например, телевидение и, в меньшей степени, радио и пресса), а Интернет во всем спектре своих информационных ресурсов: от официальных сайтов СМИ до форумов, чатов, соцсетей и мессенджеров, где есть возможность не только передачи определенной информации, но и, не в последнюю очередь, для проявления языковой креативности, творчества, игры со словом, образами и прочими вербальными и невербальными «спецэффектами».

Наиболее яркие, актуальные события, особенно те, которые носят глобальный масштаб – как в рассматриваемом случае с пандемией коронавируса, – вызывают активные процессы в языке: образование неологизмов (в том числе иноязычные заимствования), появление новых реалий, понятий и терминов, актуализацию лексики и различные семантические сдвиги в значениях слов и выражений; отдельно можно выделить «речетворчество» – появление новых, а также возможность различных трансформаций уже имеющихся фразеологизмов и паремий на базе существующих фразеологических и паремиологических моделей, различные виды проявления языковой игры, в том числе в креолизованном виде – в сочетании с определенным изображением (что в нашем случае проиллюстрировано мемами).

Как правило, бóльшая часть лексических и креолизованных единиц с утратой актуальности события постепенно отходит на периферию и со временем выходит из (активного) употребления. Отдельные лексемы и фраземы способны к дальнейшим трансформациям. В качестве примера можно привести последующую фразеологизацию терминологического сочетания *сидеть / быть на карантине*: помимо прямого употребления в области медицины, а также в сфере спорта (ср. контекст: *перед игрой команда должна находиться / быть / сидеть на карантине*), в разговорном языке это выражение уже достаточно часто используется с шутливо-ироническим оттенком в значении ‘вынужденно сидеть дома; по определенным причинам быть оторванным от внешнего мира’. То же самое можно сказать, в частности, и об употреблении глагола *самоизолироваться*, а также фраземы (*быть*) *на самоизоляции*; ранее мы уже отмечали подобное явление на примере выражения *соблюдать социальную дистанцию*.

Наблюдение за процессами, происходящими в языке, в его лексическом составе (включая фразеологию и паремиологию) в определенный исторический период, изучение возникающих трансформаций, семантических сдвигов, функционально-прагматических особенностей употребления и подобных феноменов дает исследователям возможность не только анализа чисто языковых (вербальных, комбинированных вербально-невербальных и др.) явлений, но и оценить, в свою очередь, влияние таких языковых изменений на социум в целом и языковую личность в частности.

Список литературы

- Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 40 с.
- Ван, Ли, Шэнь 2011 –
王帥, 李雪松, 沈光浩. 基於語言經濟原則闡釋下的漢語新詞語的產生和傳播途徑. 吉林省教育學院學報, 05期27卷, 134–135.
- Ганатольская Е.В. О соотношении новой и старой фразеологии в текстах современной «массовой» литературы (детективный жанр) // Слово. Фраза. Текст. М.: Азбуковник, 2002. С. 151–157.

- Горина Е.В. Конституирующие признаки дискурса Интернета: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 518 с.
- Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Дементьева*. Саратов: Наука, 2009. Вып. 6: Жанр и язык. С. 11–27.
- Дубичинский В. Основные принципы неографии // "Słowa, słowa, słowa"... w komunikacji językowej / pod red. Marceliny Grabskiej. Gdańsk, 2000. S. 61–68.
- Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // *Советская лексикография*. М.: Русский язык, 1988. С. 46–63.
- Лутовинова О.В. Языковая личность в интернет-коммуникации // *Интернет-коммуникация как новая речевая формация: моногр. / науч. ред.: Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова*. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 124–138.
- Лутовинова О.В. Коммуникативное пространство виртуальной языковой личности // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 11. С. 56–59.
- Мокиенко В.М. Новая русская фразеология (60–90-е годы): материалы к словарю. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 s.
- Наумова И.О. VERBATIM 2008/2: моногр. Харків: ХНАМГ, 2008. 128 с.
- Наумова И.О. Неологизмы в русской и английской фразеологии. Фразеология в тексте и словаре // *Материалы XXXVI Международной филологической конференции (12–17 марта 2007 г.)*. СПб., 2007. Вып. 19. С. 81–89.
- Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2005. 96 с.
- Степанова Л. Русская фразеология сегодня // *Przegląd rusycystyczny*. 2008. Nr. 2 (124). S. 40–49.
- Федорова С.А. Жанровая особенность интернет-дискурса // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. Т. 9, № 12. С. 330–335.
- Чжан 2006 – 張慧美. 網路語言之語言風格研究. 彰化師大國文學誌, 13, 331–359.
- Чжан Л., Ян, Чжан Д. 2016 – 張亮, 楊閃, 張頌. 互聯網迷因傳播的實證分析——以57個網絡流行語為例, 情報理論與實踐 (ITA), 39卷12期, 81–85.
- Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // *Научный диалог*. 2012. № 3. С. 160–172.
- Hauser P. Nauka o slovní zásobě. 2. vyd. Praha: SPN, 1980. 195 s.
- Korostenski J. Česká a ruská slovní zásoba (neologické aspekty). České Budějovice: Vysoká škola evropských a regionálních studií, 2007. 169 s.
- Lotko E. Slovník lingvistických termínů pro filology. Olomouc, 2003. 128 s.
- Martincová O. Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Praha: Univerzita Karlova, 1983. 160 s.
- Mokijenko, Walter 2008 – Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Tom 3: Frazologia / redakcja naukowa W. Mokijenko, H. Walter. Opole: Universität Greifswald – Institut für Slawistik, Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej, Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2008. 530 s.

References

- Alatortseva, S.I. (1999), *Problemy neologii i russkaya neografiya* [Problems of Neology and Russian Neography], Author's abstract, St. Petersburg, 40 p. (in Russian).
- Dubichinskii, V. (2000), *Osnovnye printsipy neografii* [Basic Principles of Neography]. "Slova, slova, slova"... w komunikacji językowej [Words, Words, Words" ... in Linguistic Communication], Gdańsk, pp. 61-68. (in Russian).
- Fedorova, S.A. (2014), Genre feature of the internet discourse. *Social-Economic Phenomena and Processes*, no. 12, pp. 330-335. (in Russian).
- Ganapol'skaya, E.V. (2002), O sootnoshenii novoi i staroi frazeologii v tekstakh sovremennoi "massovoi" literatury (detektivnyi zhanr) [On the Relationship between new and old Phraseology in the Texts of Modern "Mass" Literature (Detective Genre)]. *Slovo. Fraza. Tekst* [Word. Phrase. Text], Moscow, Azbukovnik publ., pp. 151-157. (in Russian).
- Gorina, E.V. (2015), *Konstituiruyushchie priznaki diskursa Interneta* [The Constitutive Features of Internet Discourse], PhD Thesis, Yekaterinburg, 518 p. (in Russian).
- Goroshko, E.I. (2009), Internet-zhanr i funkcionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii [Internet Genre and the Functioning of Language on the Internet: an Attempt at Reflection]. Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of Speech], collection of scientific works, Saratov, Nauka publ., Vol. 6. Zhanr i yazyk [Genre and Language], pp. 11-27. (in Russian).
- Hauser, P. (1980), *Nauka o slovní zásobě* [Science about Vocabulary], 2nd ed., Prague, SPN publ., 195 p. (in Czech).
- Korostenski, J. (2007), *Česká a ruská slovní zásoba (neologické aspekty)* [Czech and Russian Vocabulary (Neological Aspects)], České Budějovice, College of European and Regional Studies publ., 169 p. (in Czech).
- Kotelova, N.Z. (1988), Teoreticheskie aspekty leksikograficheskogo opisaniya neologizmov [Theoretical Aspects of the Lexicographic Description of Neologisms]. *Sovetskaya leksikografiya* [Soviet Lexicography], Moscow, Russkii yazyk publ., pp. 46-63. (in Russian).
- Lotko, E. (2003), *Slovník lingvistických termínů pro filology* [Dictionary of Linguistic Terms for Philologists], Olomouc, 128 p. (in Czech).
- Lutovinova, O.V. (2016), Yazykovaya lichnost' v internet-kommunikatsii [Language Personality in Internet Communication]. Kolokol'tseva, T.N., Lutovinova, O.V. (eds.) *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet Communication as a New Speech Formation], Monograph, Moscow, FLINTA publ., pp. 124-138. (in Russian).
- Lutovinova, O.V. (2012), Communicative space of a virtual language personality. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 11, pp. 56-59. (in Russian).
- Martincová, O. (1983), *Problematika neologismů v současné spisovné češtině* [The Problems of Neologisms in Contemporary Standard Czech], Prague, Charles University publ., 160 p. (in Czech).
- Mokienko, V.M. (2003), *Novaya russkaya frazeologiya (60-90-e gody)* [New Russian Phraseology (60-90s)], Materials for the Dictionary, Opole, University of Opole, Institute of Polish Philology publ., 168 p. (in Russian).
- Mokijenko, W., Walter, H. (eds.) (2008), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich* [Comparison of Systems and Functioning

- of Modern Slavic Languages], Opole, Greifswald University – Institute for Slavic Studies publ., University of Opole – Institute of Polish Philology, Opole Society of Friends of Sciences publ., Vol. 3. *Frazeologia [Phraseology]*, 530 p. (in Polish).
- Naumova, I.O. (2008), *VERBATIM 2008/2*, Monograph, Kharkiv, Kharkiv National Academy of Urban Economy publ., 128 p. (in Russian).
- Naumova, I.O. (2007), Neologizmy v russkoi i angliiskoi frazeografii. Frazeologiya v tekste i slovare [Neologisms in Russian and English Phraseography. Phraseology in the Text and Dictionary]. *Materials of the 36th International Philological Conference*, March 12-17, 2007, St. Petersburg, Iss. 19, pp. 81-89. (in Russian).
- Popova, T.V. (2005), *Russkaya neologiya i neografiya* [Russian Neology and Neography], Yekaterinburg, Ural State Technical University publ., 96 p. (in Russian).
- Shchurina, Yu.V. (2012), Internet Meme as a Phenomenon of Internet Communication. *Nauchnyi dialog*, no. 3, pp. 160-172. (in Russian).
- Stepanova, L. (2008), Russkaya frazeologiya segodnya [Russian Phraseology Today]. *Przegląd rusycystyczny*, No. 2 (124), pp. 40-49. (in Russian).
- Wang, Shuai; Li, Xuesong; Shen, Guanghao (2011), The generation and spread of Chinese new words based on the interpretation of linguistic economy principles. *Journal of Educational Institute of Jilin Province*, Vol. 27, iss. 05, pp. 134-135. (in Chinese).
- Zhang, Huimei (2006), Research on the language style of Internet language. *NCUE Journal of Chinese Studies*, no. 13, pp. 331-359. (in Chinese).
- Zhang, Liang; Yang, Shan; Zhang, Di (2016), An Empirical Analysis of the Transmission of Internet Memes-Taking 57 Internet Buzzwords as Examples. *Information Studies: Theory & Application*, Vol. 39, iss. 12, pp. 81-85. (in Chinese).

**“CORONAVIRAL NEOLOGISMS”:
FROM VOCABULARY AND PHRASEOLOGY TO INTERNET MEMES
(ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)**

A.V. Savchenko¹, Lai Yen-Chun²

^{1,2} *National Chengchi University (Taipei, Taiwan)*

Abstract: It has been long recognized that one of the essential functions of language is description of the reality. Events that have found its reflection in vocabulary are primarily those that have a significant influence on our life. They could be any unusual, extraordinary events or worldwide tragedies and disasters. It can be considered that the key event of this year, which influenced virtually all the main spheres of human life and activities, is the worldwide spread of coronavirus infection COVID-19, which caused changes not only in the daily life of people, but also led to active processes in the lexical-phraseological field of the language. This article is devoted to the analysis of the most noticeable and significant manifestations of such changes in the vocabulary and phraseology of the Russian and Chinese languages – both on the terminological level and in the language of official communication, and in colloquial speech. Internet memes are studied separately as a special genre of visual and verbal creativity. So, in particular, a

characteristic feature of a separate type of memes in the Chinese language is their politicization associated with the existing problem of political relations between Taiwan and mainland China. The study and analysis of the processes occurring in the language on the level of synchrony can provide not only an actual picture of the modern linguistic situation, but also present a linguistic (including speech) portrait of a linguistic personality.

Key words: Russian language, Chinese language, neologism, neology, phraseology, Internet meme, pandemic, coronavirus.

For citation:

Savchenko, A.V., Lai, Yen-Chun (2020), “Coronaviral neologisms”: from vocabulary and phraseology to Internet memes (on the material of the Russian and Chinese languages). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 865-886. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886. (in Russian).

About the authors:

¹ **Savchenko, Aleksandr Viktorovich**, PhD, assistant-professor

² **Lai, Yen-Chun**, master’s student

Corresponding authors:

¹ Postal address: 2, 64, Jinan st., Dist. Wenshan, Taipei City, 11674, Taiwan (R.O.C.)

² Postal address: 4-F, No. 208, Sec. 6, Rd. Roosevelt, Taipei City, 11674, Taiwan (R.O.C.)

¹ E-mail: savchenko75@mail.ru

² E-mail: 106554001@nccu.edu.tw

Received: September 15, 2020

Revised: October 9, 2020

Accepted: November 2, 2020

КОВИДИОТЫ НА КАРАНТИКУЛАХ: КОРОНАВИРУСНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АКТУАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

О.И. Северская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Аннотация: В статье делается попытка рассмотреть так называемый «коронавирусный словарь» в контексте актуальных дискурсивных практик и определить случаи ковергенции разных типов дискурсов и практик говорения, мотивирующих создание неологизмов. В основу исследования легла коллекция слов, выражений, слоганов социальной рекламы, шуток и мемов, тематически связанных с пандемией коронавируса, которая была собрана методом включенного наблюдения на основе публикаций в СМИ, а также в сетевых блогах и комментариях, отечественных и зарубежных научных публикациях, доступных лексикографических интернет-источников. Русскоязычный материал сравнивался с иноязычным, что позволило автору отделить интернациональные неологизмы от национально-специфических. Новизну исследования составляет анализ лингвокреативных практик неологизации в дискурсивном контексте. Автор исходит из предположения, что неоднородность «коронавирусного словаря» обусловлена неоднородностью актуального дискурса о пандемии, а быстрый прирост «короналексиксы» связан с необходимостью быстрой адаптации к стремительно меняющимся условиям жизни, медицинским, экономическим и политическим проблемам. Неологизмы становятся отражением дискурсивной полифонии, автор доказывает это, рассматривая конвергенцию медицинского, экономического, политического и общо-разговорного дискурсов, которая возникает в результате превращения коронавирусной пандемии в тематическую дискурсивную доминанту. Способы неологизации (формирование новых значений, словосложение, блендинг) соотносятся с дискурсивным переосмыслением и рефреймингом. В структуре неологизмов выделяются элементы, отсылающие к популярным социальным практикам, а также актуальным тематическим дискурсам, которые и задают параметры осмысления. Особое внимание уделяется коронавирусному рефреймингу фразеологизмов и интернет-мемов.

Ключевые слова: неологизм, коронавирус, иронический модус, дискурсивные практики, конвергенция дискурсов, лингвокреативность.

Для цитирования:

Северская О.И. Ковидиоты на карантинулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникатив-

ные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 887–906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

Сведения об авторе:

Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-6277-9756

Контактная информация:

Почтовый адрес: 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Дата поступления статьи: 08.10.2020

Дата рецензирования: 15.10.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

1. Введение

Язык, социум и реальность – вот три кита научной парадигмы, которая исходит из «логоцентричности современной цивилизации» и базируется на понимании «языка как общественной практики, которая участвует в формировании социального мира» [Иссерс 2012: 12]. Особенно ярко взаимосвязь трех упомянутых ключевых понятий проявляется в кризисные моменты, подобные коронавирусной пандемии 2020 г. Вирус, о котором впервые заговорили в декабре 2019 г., за год превратился в главного врага человечества, а параллельно со стремительным развитием пандемии теми же темпами шли ее языковая концептуализация (в быстро и непрерывно пополняющейся серии неологизмов) и дискурсивное осмысление, а одновременно и научный анализ соответствующих общественно-политических, социокультурных и лингвистических феноменов. И.В. Погорелова, отсылая нас к процессу саморепликации, обеспечивающему выживание вируса в организме-носителе, считает возможным говорить и о его «языковой репликации» в серии дериватов различных уровней [Погорелова 2020: 226]. А О.Н. Новикова и Ю.В. Калугина называют возникновение «языка пандемии» одним из ее уже осязаемых эффектов [Новикова, Калугина 2020: 376], в то время как другие последствия хоть и ожидаемы, но пока не ясны. Британский исследователь Р. Лоусон отводит этому «языку», обеспечивающему поддержание общего разговора в отсутствие привычных социальных контактов, роль «лексического ‘социального клея’» [Lawson 2020], отмечая также его роль в изменении нашего когнитивного взаимодействия с миром.

В появившихся за 2020 г. собственно лингвистических работах уже можно выделить несколько фокусов исследовательского внимания.

Чаще всего анализируется отражение реалий пандемии в дискурсе массмедиа [Карасик 2020; Малькова 2020; Усманова 2020], поскольку имен-

но СМИ, с одной стороны, представляют и транслируют в массы идеи и требования медиков, политиков и властей, бизнеса и экономистов, с другой – выступают от имени и в интересах общества, тем самым становясь полем, в котором пересекаются и взаимно преломляются разные типы дискурсов и дискурсивных практик. Отмечаются сложность и неоднородность структуры актуального дискурса о пандемии [Новикова, Калугина 2020: 378], в котором коммуникативно-речевая сфера объединяет профессиональное медицинское, педагогическое, религиозное, экономическое, политическое и иные сообщества, а специфику коммуникации обусловливает глобальная общность ее участников.

Исследуются и преобладающие в медиадискурсе метафоры войны (представленная фреймами «Война и ее характеристики», «Участники военных действий», «Зона военных действий», «Действия врага», «Противостояние врагу» [Данкова, Крехтунова 2020; Усманова 2020; Lobin 2020]) и соревнования (страны, города и их власти «как бы соревнуются между собой – у кого больше / меньше выявленных носителей вируса, у кого больше / меньше заболевших и умерших, кто раньше / позже начал повсеместную борьбу с этой заразой, какая страна больше / меньше выделяет средств на борьбу с этим злом, какие меры принимает» [Малькова 2020: 208]); выделяется в коронавирусном дискурсе и метафорическая модель «Стихийное бедствие» [Усманова 2020: 85; Lawson 2020].

Внимание уделяется и актуальным дискурсивным топикам, соответствующим затронутым пандемией аспектам общественного бытия и вычленяемым на основе семантического анализа «коронавирусных» неологизмов: это, прежде всего, человек в связи с его отношением к коронавирусу; изменения в обычном укладе жизни; экономические и психологические трудности, возникшие в результате карантинных мер; объекты и процессы, связанные с жизнью человека в период пандемии; восприятие времени и пространства [Погорелова 2020: 226] (ср.: [Wicke, Bolognesi 2020]), – а также самим неологизмам, которым присваивается статус «народной терминологии» [Катермина, Липириди 2020: 174]. При этом изучаются и неологизмы английского [Катермина, Липириди 2020; Носова, Волкова 2020; Lawson 2020]¹, немецкого [Токко 2020; Шемчук 2020; Klosa-

¹ См. также публикации по теме в общественно-политической прессе: *Steinmetz K.* Coronavirus: A Glossary of Terms to Help You Understand the Unfolding Crisis // *Time*. Mar. 23, 2020. URL: <https://time.com/5798684/coronavirus-glossary-definitions/>; *Nauta S.* Do you speak corona? A guide to the COVID-19 slang // *The Economist*. Apr. 8, 2020. URL: <https://www.economist.com/1843/2020/04/08/do-you-speak-corona-a-guide-to-covid-19-slang>; *Flood A.* Oxford dictionary revised to record linguistic impact of COVID-19 // *The Guardian*. Apr. 15, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/apr/15/oxford-dictionary-revised-to-record-linguistic-impact-of-covid-19>; *Thorn T.* Covididiots? Quarantinis? Linguist explains how COVID-19 has infected our language // *CBC Radio*. Apr. 22, 2020. URL: <https://www.cbc.ca/radio/thecurrent/the-current-for-april-22-2020-1.5540906/covididiots-quarantinis-linguist-explains-how-covid-19-has-infected-our-language-1.5540914>.

Kückelhaus 2020; Möhrs 2020)¹ и французского [Голованова 2020] языков. И, как ни парадоксально, наименее лингвистически осмысленным остается русскоязычный материал.

Ближайшая исследовательская цель видится как раз в лингвистическом описании того, что в «народной терминологии» определяется как коронасленг, ковид-неологизмы, короналексика, коронавирусный словарь, словарь COVID-19, словарь самоизоляции. Поскольку в 2020 г. COVID-19 превратился в так называемый «временный тематический дискурс» [Новикова, Калугина 2020: 378], а точнее – стал тематической доминантой, объединившей медицинский, политический, экономический, рекламный, медийный, сетевой и обиходно-разговорный дискурсы, коронавирусный словарь можно рассматривать как диагностическое поле для актуальных (интер)дискурсивных практик. Задача предпринимаемого исследования – определить их репертуар и место в системе актуальных практик говорения.

2. Теоретические основы, методы и материал исследования

Вслед за О.С. Иссерс будем исходить из определения дискурсивной практики как динамичной организации коммуникативных систем, отражающей речевое поведение и мышление определенной социальной общности и одновременно формирующей новые способы коммуникации в данной социальной реальности, тем самым являясь частью социальной практики [Иссерс 2012: 73]. Соответственно, примем и метод [Иссерс 2012: 29] дискурсивного анализа в направлении от текста (словесного материала) к дискурсивной практике, рассматривая ее в проекции на фоновый дискурсивный строй и в контексте социальных практик, связанных с коммуникативными событиями, отражающими реалии и динамику пандемии коронавируса.

Словесным материалом послужит «коронавирусный словарь» – корпус неологизмов эпохи пандемии, довольно обширный и представительный, но, безусловно, не исчерпывающий: пополняется он быстро и непрерывно. Постоянно растущая коллекция Института немецкого языка² уже насчитывает 850 единиц, а в англоязычном репертуаре их больше тысячи³. Зарубежные лексикографические интернет-источники стали в проведенном исследовании базой для определения фоновых практик глобального дискурса при изучении русскоязычного материала, который, безусловно, имеет свою национальную специфику.

¹ Словарь неологизмов «эпохи коронакризиса», подготовленный Институтом немецкого языка им. Лейбница (Маннгейм), и перечень публикаций по теме см.: URL: <https://www1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/>.

² URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp>.

³ См., напр.: Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/new-dictionary-words-coronavirus-covid-19>; Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>.

Собственно русские неологизмы (к которым мы относим слова и фразы, заимствованные, вновь образованные или произведенные от уже известных в соответствии с требованиями новой реальности) были собраны в результате мониторинга социальных сетей, СМИ и агрегатора Яндекс.Новости, а также почерпнуты из ряда публикаций¹, которые, в терминах Е.Н. Ремчуковой, наиболее ярко представляют «массовый лингвокреатив» [Ремчукова 2013: 83]. Несмотря на то, что массив этот «не может быть экспериментально и статистически вычислен, а его зоны достаточно четко очерчены», он релевантен, так как позволяет оценить сдвиги в дискурсивном поле: в нем «преобладает стандарт в выборе самого способа и формы креативности, с одной стороны, и реализуется возможность его преодоления – в конкретном наполнении заданной “схемы”, с другой» [Ремчукова 2013: 84]. Неологизация и игровые лингвокреативные стратегии в данном случае становятся маркерами дискурсивного рефрейминга [Иссерс 2012: 26–27, 67, 78, 92; Никитина 2014: 207–208], обуславливающего в итоге изменение картины мира.

3. Результаты исследования

Анализ неологизмов эпохи коронавируса показал на лексическом уровне преобладание игрового переосмысления уже существующих слов и выражений и блендинга, на дискурсивном – полифонию [Иссерс 2012: 49] вовлеченных в неологизацию дискурсов и практик.

3.1. Неологизация как следствие конвергенции дискурсов

Налицо, прежде всего, **медиализация**² всех типов дискурсов. Само слово *пандемия*, возвращенное в широкий общественный оборот, сегодня означает не «эпидемию в масштабах всей страны, а иногда и сопредельных государств и многих стран мира», а «повсеместное распространение непонятной и могущественной коронавирусной инфекции, внезапно изменившей жизнь во всем мире» [Малькова 2020: 207], т. е. *пандемия* и *коронавирус / COVID-19* в обыденном языковом сознании синонимизирова-

¹ *Арефьев Е.* Чувство локтя и «кого надо нога»: изучаем безопасные способы приветствия // *Teleprograma.pro*. 28.03.2020. URL: <https://teleprogramma.pro/stars/starhist/1288888-chuvstvo-loktya-i-kogo-nado-noga-izuchaem-bezopasnye-sposoby-u616/>; *Генералова А., Луна Л.* Маскобесие, карантины, ковидиот и карантин-шейминг – новый словарь эпохи пандемии // *Собака.ру*. 20 апр. 2020. URL: <https://www.sobaka.ru/city/society/107085>; *Клоков П., Коробкова Е.* Лучшие стихи, шутки, заклинания и мемы о коронавирусе // *Комсомольская правда*. 20 марта 2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/27107.7/4181615/>; *Бондарев А.* Как вирус заражает наш язык? Про коронавтов, кови-гистов и карантикулы // *Аргументы и Факты. Ростов-на-Дону*. 08.05.2020. URL: https://rostov.aif.ru/society/details/kak_virus_zarazhaet_nash_yazyk_pro_koronavtov_kovigistov_i_karantikuly; *Писаренко Д., Туркова К.* Погулянцы и сидидомцы. Как пандемия «заразила» нашу речь и исчезнет ли мат? // *Аргументы и Факты*. 29.06.2020. URL: https://aif.ru/society/education/pogulyancy_i_sididomcy_kak_pandemiya_zarazila_nashu_rech_i_ischeznet_li_mat.

² *Thorn T.* Op. cit.

лись. Многозначным стало и терминологическое обозначение вируса: *covid* / *ковид* это и сам вирус, и его носитель, и ребенок, рожденный в условиях пандемии [Погорелова 2020: 226].

В дискурсе массмедиа наряду с «официальными» *COVID-19* и *SARS-CoV-2* распространены «разговорные» обозначения *ковид* и *коронавирус*. В обиходно-разговорном и сетевом к этим номинациям добавилась (в новом, по сравнению со словарными, значении) *корона* (ср. англ. и нем. *corona*), а благодаря яркой внутренней форме словесного образа (и сходству формы вируса с *солнечной короной*) возникли и производные *короновать(ся)* – вместо *заразить(ся)* (ср. англ. *coronate*, нем. *coronieren*) и *коронованный* – вместо *зараженный вирусом* / *носитель вируса* (ср. англ. *coronated*, нем. *coroniert*) и многие другие, которые мы рассмотрим ниже. Употребляется и переосмысленный эвфемизм *модная болезнь* (прежде – именование сифилиса).

По мере «сживания» с вирусом общество стало придумывать для него «очеловечивающие» прозвища: в английском языке появились *Rona*, *Roni*, *Miss Rona*, *Big Rona* [Погорелова 2020: 228], в немецком – *Coronchen* [Neuer Wortschatz 2020], в русском возникли неологизмы *ковидло* и *Уханька*. Первый структурно встраивается в ассоциативный ряд *повидло* (вирус такой же липкий и легко «размазывающийся», его так же можно «съесть»), *быдло*, *кодла(-о)*, *падла(-о)* (с этими бранными словами связаны ассоциации с чем-то тупым, не знающим норм морали и границ дозволенного, подлым, преступным). Второй ассоциируется с представлением о домоуенке – маленьком мохнатом человечке, живущем в каждом доме, который может, рассердившись на «сожителей», устроить погром или как-то нашкодить. Таким образом, образ вируса-врага перестает быть абстракцией, конкретизируется и «одомашнивается».

Из медицинского в публичный и обиходно-разговорный дискурс проникло сокращение *ИВЛ* (*искусственная вентиляция легких*), ср.: *Врачи плохо знают, что чувствует пациент на ИВЛ* (Новая газета. 05.04.2020); *есть данные, что ИВЛ в некоторых случаях лишь ухудшают тяжелое течение COVID-19; Чем дольше ты на ИВЛ, тем труднее с него слезть* (Яндекс.Кью); в разговорной речи *ИВЛ* всё же чаще заменяют на *аппарат* – популярный вопрос в Яндекс-поиске: *если человек на аппарате, будет ли он жить*, – или на *искусственное дыхание*: *Как долго больной человек может находиться на искусственном дыхании?* (Яндекс.Кью). Аббревиатура *СИЗ* (*средства индивидуальной защиты*, ср. англ. *Personal protective equipment*, нем. *Persönliche Schutzausrüstung*) употребляется в медийном и рекламном дискурсе, как правило с расшифровкой: *Часто можно встретить аббревиатуру СИЗ, что расшифровывается как средства индивидуальной защиты. К ним относятся защитные маски, очки, перчатки или респираторы* (Яндекс.Дзен); *СИЗ в ассортименте; Средства индивидуальной защиты дыхания. Доставка по Москве курьером* (примеры

из рекламы). В обиходно-разговорном дискурсе ее нет, все *СИЗ* представлены в нем *масками*, что говорит об избирательности в повседневном использовании защитных средств, и ярко-оценочными *намордниками*, это употребление закрепилось в анекдоте: *Бегают две собаки на газоне. Молодая спрашивает: «Слушай, а почему это всю жизнь собаки в намордниках ходили, а люди только сейчас начали их носить?» Старая: Да ничего странного! Наши тоже сначала в космос слетали, а потом и люди полетели* (vseanekdoty.ru). Нейтрально оцениваются лишь средства «химической защиты» – антисептики, представленные заимствованиями *дезинфектор* и *санитайзер*: неологизация в этом случае заключается в переосмыслении значения лексемы, первоначально обозначавшей ‘лицо, производящее дезинфекцию’, затем – ‘дезинфицирующее средство’, а во время ограничения социальных контактов получившей новый смысл ‘дозатор антисептика’.

Из больничного жаргона в публицистику (около 500 употреблений с момента начала пандемии) и обиход проник яркий неологизм *ковидарий*: ***Ковидарием*** некоторые медики или пациенты называют ***сами больницы, в которых содержатся больные с коронавирусом или отделения больниц для инфицированных*** (Яндекс.Кью), – с негативными ассоциациями (ср.: *абортарий, виварий, колумбарий*). С началом снятия карантинных ограничений первой волны *ковидариями* стали называть и рекреационные зоны со строгими правилами безопасности – в первую очередь парки, в некоторых из которых создавались временные стационары: *В будущем, возможно, выражение «пойти погулять в ковидарий» будет означать желание уединиться в парке* (Коммерсантъ. 11.05.2020).

Медицинские названия используемых в лечении препаратов в обиходе сразу заменили на *фуфломицин* (460 употреблений в новостных материалах за время пандемии), известный, по данным Национального корпуса русского языка, как минимум с 2012 г. и вошедший в словарь Lurkmore: ***Фуфломицины*** – *вещества, облегчающие не страдания, а кошелёк пациента посредством мимикрии под годные лекарства; восходит к корню «фуфло» (ложь, обман; подделка) и окончанию «-мицин», которое присутствует у многих групп антибиотиков* (Lurkmore.to), ср.: ***«Фуфломицинов»*** (*псевдолекарств, эффект которых сомнителен*) *проходит под названием средств, укрепляющих иммунитет* (Известия. 04.10.2020), – а с презентацией первых препаратов против коронавируса «Коронавир», «Ави-фавир» и «Арепливир» в обиходно-разговорном дискурсе для их обозначения появился и словесный «дженерик» – *фуфловир*. Интересно, что эти народные «термины» на фоне эпидемических и политических обострений переключались и в политический публичный дискурс: *Вот, ребята, запомните: мирные протесты – это фуфломицин* (Эхо Москвы. 26.09.2020).

Можно говорить и о взаимодействии **политического** и коронавирусного дискурсов. Например, в США *Ухань*, с которого началась эпидемия,

был сразу переименован в *Corona Town*, а сам COVID-19 получил название *chinese virus* [Погорелова 2020: 227], в России также появились национально окрашенные шутки: *Обидно, когда привозишь вирус из Италии, а он все равно сделан в Китае*, – что общество встретило с осуждением: «Это (пандемия. – О. С.) огромная психическая травма для каждой нации, для немцев, для французов, для американцев. Особенно для китайцев, потому что их по всему миру проклинаяют» (Московский комсомолец. 14.04.2020). Еще один пример дискриминации по национальному признаку – сравнение (с актуализацией контекстной омонимии) *коронавируса* с *Coronas*, линейкой мексиканского пива, в США ассоциирующегося с пивом для бедных [Катермина, Лаперида 2020: 172]. Ирония американцев в отношении их действующего президента сквозит в номинациях *Trump Flu* и *Maralagovirus* (по названию резиденции Трампа в *Mar-a-Lago*), как и в шутовском именовании дня тестирования президента США на коронавирус *Nationonal Corona Virus Day* [Катермина, Лаперида 2020: 173]. Интересно, что в случае с *трампины* (*Trampini*), предложенным Трампом для внутреннего применения «коктейлем» из дезинфицирующих средств, можно говорить не о неологизации, а о когнитивном (т. е. связанном со сменой оценки [Иссерс 2012: 83]) рефрейминге, так как *Трампины* был создан во время предвыборной кампании 2016 г.: в Trump International Beach Resort на Майами-Бич подавали под таким названием «коктейль из рома, цитрусовых и икры... ароматный и слоистый как сам республиканский кандидат» (The Gardian. 06.07.2016), и ассоциации с тем и другим были вполне положительными.

В русскоязычных социальных сетях два вида дискурса соединились прежде всего в речевом отражении принятия поправок к Конституции РФ на фоне усугубления эпидемии: *коронавирус* устойчиво связывается с *коронованием*, венчанием президента на «царство», в этой «рамке» *коронавирус* приобретает окказиональное значение «стремление к бесконечному сохранению власти»; переосмыслению политической ситуации в сетевом юморе способствует и фрейм карантин общепланетарного масштаба: ***Из-за коронавируса Путину запретили покидать президентское кресло***, – а «обнуление» президентских сроков порождает номинацию ***нулевой президент*** – по аналогии с ***нулевым пациентом*** (Голос Америки. 16.03.2020). Фоновой практикой в данном случае служит последовательное упоминание (без карнавального переосмысления) *президента*, *обнуления* и *коронавируса* в одной конституации: *экономические последствия коронавируса могут обнулить эффект от обещанных Путиным мер социальной защиты* (Ведомости. 04.02.2020). Другой пример влияния политического дискурса на короналексику – неологизм *путикулы* (т. е. *путинские каникулы*), появившийся после объяснения российским президентом сути «нерабочей рабочей недели» в обращении к нации.

В возникшем в начале 2020 г. понятии *вирусного суверенитета*, означающего самостоятельность российских регионов в определении

мер по борьбе с коронавирусом, можно увидеть рефрейминг актуального в 1990-е гг. выражения *парад суверенитетов: Действия региональных властей по противодействию эпидемии коронавиральной инфекции воспроизводят практики времен децентрализации – от закрытия границ и введения ограничений для неместных жителей до усиления негативной риторики местного патриотизма, предполагающей поиск источника рисков за пределами своей территории. Эксперты вывели индекс «вирусного суверенитета» регионов* (Ведомости. 8.04.2020).

Особо стоит сказать о проявляющемся в неологизации противостоянии общества и властей. Вводимые властями *правила новой жизни* порой воспринимаются в штыки: официальная позиция врачей и властей, а также превалирование в СМИ информации о коронавирусе именуется *коронабесием*, требование обязательного ношения масок в общественных местах – *маскобесием*, при этом используется крайне популярная в последние годы словообразовательная модель словосложения, в которой второй компонент привносит в значение неологизма резко отрицательную оценку; после введения московскими властями цифровых пропусков, дающих возможность передвижения по городу, появляются номинации *цифровой аусвайс* (ср. окказионализм *собяусвайс*, указывающий на персональную ответственность за нововведение) и *цифровой концлагерь*, вызывающие недвусмысленные ассоциации. Иными словами, ограничительные меры приравниваются к нарушению прав и свобод, а это также предмет политического дискурса.

Коронавирусные неологизмы можно рассматривать и сквозь призму политкорректности. С одной стороны, в США появляется неполиткорректная номинация *Boomer Flu* ‘бумерская / старческая лихорадка’, окказиональный синоним *коронавируса*, а в России в социальной рекламе используется слоган *Бабуль, будь дома!*, также расцениваемый как проявление эйджизма (как и сама практика ограничения передвижений для возраста 65+); с другой, *социальная дистанция* довольно быстро заменяется в документах ВОЗ на *физическую / санитарную дистанцию* – во избежание неполиткорректного *социального дистанцирования*, т. е. размежевания по экономическим, политическим, этническим, гендерным и иным принципам. Входит в игру, в том числе языковую, и ключевое психолого-юридическое понятие нашего времени: *харрасмент*, нарушение неприкосновенности частной жизни. Создание не соблюдающими противовирусных мер гражданами угрозы здоровью других членов общества в общедоступно-разговорном дискурсе именуется *ковид-харрасментом* (авторский неологизм лингвокультуролога В. Мерзляковой, получивший поддержку в Сети) или *ковид-террором* (ср.: *террор* ‘чрезмерная жестокость по отношению к кому-л.’). Параллельно во властном и юридическом дискурсе появляется термин *ковид-терроризм: Умышленное заражение коронавирусом, повлекшее смерть одного или более лиц, будет в зависимости*

от умысла **квалифицироваться как терроризм, хулиганство или диверсия** (ИТАР ТАСС. 25.03.2020).

Наконец, ключевое антикоронавирусное понятие *самоизоляция* также подвергается когнитивному и дискурсивному рефреймингу. В русском языке *самоизоляция* бытует с 1940-х гг., появившись прежде всего как термин психологии: *глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми; разрыв этих связей, самоизоляция опустошают ее* (Основы общей психологии. 1940); к началу 1960-х гг. переходит в политический дискурс: *надо держать ухо востро, но это не значит, что мы должны пойти на самоизоляцию, которая выгодна только крупным империалистическим державам, лидерам капиталистического мира* (Н.С. Хрущев. Японский синдром. 1969); в обиходно-разговорном дискурсе, по данным Национального корпуса русского языка, означает *противопоставление себя обществу, жизнь наедине с самим собой, эскапизм, бегство от реальности* и т. п. С началом пандемии *самоизоляция* 'осознанное и добровольное нахождение дома и избегание контактов с людьми' актуализируется уже в юридическом дискурсе, где противопоставляется *карантину* 'принудительной изоляции от общества реальных и потенциальных вирусоносителей' и *режиму чрезвычайной ситуации*, предполагающему особые полномочия властей и серьезное ограничение прав и свобод, включая свободу передвижения. В разных типах дискурса *самоизоляция* оценивается полярно: с точки зрения властей и медиков это благо, с точки зрения обывателей и психологов – зло.

Часть коронавирусного словаря – продукт конвергенции с **экономическим** дискурсом. Прежде всего, объявленная было неологизмом *новая нормальность* на самом деле – экономический термин, появившийся в результате всемирного кризиса 2008 г., за которым стоит слабость экономики и политики в межкризисном промежутке; теперь же *новая нормальность* осмысливается в реалиях пандемии, или **коронакризиса**. Кроме того, элементы экономического дискурса присутствуют в игровых **фьючерсах на гречку, курсе лимона и имбиря, взлетах и обвалах на лимонно-имбирных биржах, лимонах по цене имбиря** и прочих неологизмах, связанных с гонкой за кризисным дефицитом (ср. **На рынке ценных бумаг лидирует туалетная**) и с публикациями о «народных средствах» борьбы с ковидом.

3.2. Обиходно-разговорная короналексика

Пандемия коронавируса, безусловно, стала событием, разделившим жизнь на «до» и «после», что отражают и появившиеся номинации *докоронавирусная / короновирусная / посткоронавирусная эпоха* и *до- / постковидный период*; период «до» и «после» именуется также *мирным временем* – в отличие от времени *войны с коронавирусом*, общезыковая оппозиция *мирного* и *военного времени*, таким образом, переосмысливается.

Время самоизоляции, локдаунов и ограничительных мер получает название *коронапауза*, неологизм встречается в стихах: **Коронапауза. На**

паузу поставленная жизнь: *Все планы, все мечты, все начинанья* (Олег Йарадар. Коронапауза); в публицистике: *Но коронапауза всё обнулит.* <...> *Потерянное не вернуть, реально ломаются судьбы* (Новые известия. 24.04.2020); в новостях: **Коронапауза.** *По всей России ограничивают проведение массовых мероприятий, чтобы остановить распространение коронавируса. Закрываются также многие школы* (Первый канал. Новости. 17.03.2020); **Коронапауза** *не особо помешала «Реалу» завершить начатое – им удалось стать чемпионами в сезоне, который начинался хуже некуда* (Sports.ru. 13.09.2020). Можно предположить, что коронапауза вошла в так называемый общий жаргон в значении ‘период временных ограничений’: с приходом каждой новой волны коронавируса будут случаться всё новые коронапаузы. Интернациональным стал и неологизм **коронакризис** (ср. англ. *coronacrisis*, нем. *Coronakrise*) ‘социально и экономически проблемный период, характеризующийся множеством ограничений, спровоцированных пандемией COVID-19’.

Достаточно много оценочных номинаций происходящего.

Прежде всего, это *ковидапокалипсис / коронапокалипсис* (ср. англ. *coronapocalypse*, нем. *Coronapokalypse*): вспомним, что *апокалипсисом* называют ‘нечто, грозящее большими жертвами и разрушениями на всей Земле’. Неологизм мотивирован ассоциациями с Откровением Иоанна Богослова: *Генсек ООН Антониу Гутерриш назвал пандемию «пятым всадником Апокалипсиса» в речи на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН* (ИТАР ТАСС. 22.09.2020); и с Каббалой, где сближаются *Корона* и *Апокалипсис*: *Солнце с короной – имя демона бездны из Апокалипсиса, Апполиона* (<https://protomarius.livejournal.com/8.03.2020>).

Оценки даются и в психиатрических терминах: *коронафобия, коронапаника, коронабезумие, великое коронавирусное безумие, Палата № 2020* (по аналогии с *Палатой № 6* Чехова и общеязыковым фразеологизмом со значением ‘нечто, напоминающее сумасшедший дом’), *Корона Безумия* (здесь переосмысливается название популярной компьютерной игры). Метафорическая модель «Безумие» мотивирует и неологизм *ковидиот*, в значениях ‘паникер, скупающий продукты и прочее, лишая их своего соседа’ (Urban Dictionary. 16.03.2020) и ‘тот, кто игнорирует меры по обеспечению безопасности’ (Neuer Wortschatz... 5.04.2020), а также ‘сторонники теории заговора и носители алюминиевых шляп’ (Neuer Wortschatz... 3.08.2020).

Встречаются и другие оценочные номинации: *Операция Коронавирус* (фрейм «Шпионские игры», соответствующий конспирологической теории происхождения вируса); *ковид-шоу / маски-шоу* (фрейм «Театр»).

По отношению к коронавирусной инфекции в обществе различаются *ковидопессимисты* (ср. *всепропальцы, выживальцы*), *ковидоскептики*, *ковидодиссиденты* и *ковигисты / ковидопофигисты*. В период самоизоляции появились *погулянцы* ‘те, кто нарушают режим, отправляясь на про-

гулку' и *сидидомцы* 'те, кто строго соблюдают ограничения'. *Коронавтами* называют медиков и дезинфекторов в защитных костюмах, а также тех, кто гуляет по улицам в масках и перчатках.

Корона-хот-спотом в «народной терминологии» называется очаг распространения инфекции: в этом неологизме прослеживается связь как минимум с двумя *хот-спотами* (зоной доступа к беспроводной сети с «раздачей» Интернета и «очагом возгорания» домашнего беспорядка), несущими идею заразительной саморепликации, а через них – с IT-дискурсом и дискурсом оптимизации жизненных процессов. Активный же переносчик вируса – это *суперспредер* 'человек, который с большей вероятностью заражает других по сравнению с типичным инфицированным / отказывается соблюдать режим самоизоляции и заражает всех вокруг': *В среднем один больной передает инфекцию 1-4 человекам. А суперспредер может заразить несколько десятков* (Medabaoutme.ru. 5.03.2020). Внутреннюю форму неологизма образуют *супермен* 'сверхчеловек, считающий себя стоящим выше других' и *менспредер* 'мужчина, раздвигающий коленями соседей и занимающий их места', за которыми обнаруживается дискурсивный контекст, связанный с культурой, сексизмом, борьбой за права и территорию. *Карантин-шейминг, тревел-шейминг* 'гневная реакция, направленная на нарушителя режима карантина и самоизоляции' мотивируется дискурсивной практикой публичного осуждения и «стыжения». Эти неологизмы заимствованы из английского языка, однако в языке-источнике они не имеют указанных дискурсивных коннотаций; в русском же «нагружаются» ассоциативной эмоциональностью и оценочностью.

Множество неологизмов связано с новой социальной реальностью. Для обозначения всех форм «удаленной жизни» появляется термин *ковидинг* [Катермина, Липириди 2020: 173–174]: *Ещё раз займусь фьючерством ковидинга* (Sql.ru. 2.10.2020); *Моя бесконечность #ковидинг #свадьба #люблю* (Instagram. 29.08.2020); одновременно переосмысливается *дистант*, раньше (термин введен в США в 1980-е гг.) относившийся лишь к дистанционному образованию, а в условиях пандемии распространившийся на работу, кинопросмотры и театральные зрелища, виртуальные туры по музеям, виртуальные путешествия, «посещения» ресторанов, «встречи» с родными и друзьями и т. п. Переосмыляются также, расширяя область своей референции, *удалёнка* (преимущественно *работа*) и *дистанционка* (преимущественно *обучение*). Целый кластер неологизмов рождает *Zoot* как преимущественный тип связи во время самоизоляции: появляются глагол *зумиться* 'общаться по зуму', существительное *зумби* 'человек, проводящий в зуме большую часть жизни'; терминологизируются *зуминары* (ср. *семинар, вебинар*), *зум-лекции, зум-классы*; начинаются *зум-вечеринки* (с *карантейлями* и *карантини*, а также *скайперитивами* и *вотсаперитивами*, прогнозируемо дополняемыми **зумеритивами*). Появляются игровые обозначения профессий *ковироуча* и *самоизолектора*. Недавно воз-

ник и зумбомбинг ‘подключение к чужой сети ради срыва зум-конференции’ (здесь слышится отголосок пранкерской практики сообщений о заложенной бомбе).

Режим самоизоляции рождает противопоставление замкнутого пространства и придуманной создателями «Масяни» *наружи*, ср.: «**Наружа**» – даже по слову видно, противное такое слово, – так вот «**наружса**» – это насилие, болезни, политика, грязь, вирусы, хамство, воровство (Масяня. Эпизод 142: Изоляция. Март 2020); **Наружа** – манящая, почти недостижимая Вселенная. С щebetаньем птиц, с дуновением ветерка и даже с когда-то надоедливым лаем собак (Яндекс.Дзен. 13.04.2020). Состояние замкнутости в четырех стенах передается наречием *взаперти* ‘не выходя из помещения, не общаясь с другими людьми’ (появляется и снятый на камеру смартфона фильм «*Взаперти*» Ивана Петухова, где в центре сюжета – история пары, которая расстается в канун отмены самоизоляции, но вынуждена провести вместе на карантине еще две недели), а затем и производным от него по созвучию бранным, резко негативным *в*оперти*.

Период самоизоляции обозначается народным термином *карантинкулы* ‘вынужденные каникулы или отпуск, возникшие в результате введения ограничительных мер’ (в отличие от англ., нем. *coronacation* и фр. *coronopances*, где это не ‘вынужденное бездействие’, а ‘отпуск с путешествием по демпинговым ценам’). Ряд неологизмов обозначает способы *скарантинить* (ср.: *скоротать*) *время*: наиболее популярные – *прокрастибейкинг* («прокрастинирующее пекарство», «выпечка вместо работы», с отсылкой к дискурсивным практикам тайм-менеджмента) и *расхламинго* («генеральная уборка, расхламление», отсылающая к дискурсу оптимизации). Что касается неологизма *расхламинго*, то он образует пару с появившимся значительно раньше словом *захламинго*, относимого как к созданию запасов: *у меня год начался с запланированного захламинго уходом* (cosmo.ru/forum 1.01.2016), так и к состоянию захламленности, конкретным предметам и производителям беспорядка: *У нее квартира-пенал с шифоньерой, библиотэкой, этажеркой на всю стену, будет куда композиции из сена и цветов ставить и прочие захламинго.* <...> *Мне стенка ее понравилась, скоро захламинго там совет воронье гнездо. Лилька не может жить по-другому, в любом доме устроит кальвиссоню. Лилька птица-захламинго* (forum.baginya.org 1.11.2018); *У нас главный захламинго – муж. Он легко создаст кучу барахла вокруг красиво поставленного на тумбу горшка)))* (forum.updiet.info 9.12.2018). А образ *птицы-захламинго* заставляет ассоциировать *расхламинго* с *розовым фламинго* из одноименной песни Алены Свиридовой, вкуче с ключевой фразой припева *Думай о хорошем!* и представлениями о жизни в *розовом цветке* и *розовых очках*.

Еще одна тематическая область, связанная с неологизацией, – это отношения между людьми. Для проживающих вместе заимствован из английского термин *карантинмейтс* ‘люди, которые вместе живут в период

карантина или самоизоляции, родственники, супруги или просто соседи / те, кто специально съехали перед самоизоляцией, чтобы избежать одиночества'; с поисками пары для совместного проживания связан и термин *карантиндер*, зафиксировавший переосмысление практики цифрового поиска партнера; появились в словаре и *коронасвадьбы*: *Кажется, на наших глазах рождается новое явление – «коронасвадьба». Мэр Нью-Йорка Эндрю Куомо выпустил указ, согласно которому жители города теперь могут получить лицензию на бракосочетание дистанционно. А саму церемонию провести по видеосвязи* (ИТАР ТАСС. 21.04.2020), – и *коронаразводы*: *«Подаяю на коронаразвод!» Случится такое может, например, из-за того, что пара долго находилась в совместной изоляции и вдруг поняла, что их отношения себя исчерпали* (<https://screenlifer.com/> 5.04.2020). Неологизм *карантинки* использует фрейм письменных практик влюбленных и означает 'обмен фотографиями в соцсетях / отправку открыток-валентинок'.

3.3. Переосмысление прецедентных феноменов: рефразеологизация

В коронавирусном словаре довольно много переосмыслений фразеологизированных единиц. Например, крылатых слов, вошедших в разговорку, как в *Карантин суров, но это закон*, трансформации приписываемого Цицерону *Закон суров, но это закон!* (*Dura lex, sed lex!*) (Московский комсомолец. 31.03.2020); или литературных цитат, как в прочтении *Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. <...> Запрись и забаррикадируйся / шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса* И. Бродского сквозь призму самоизоляции.

Апелляции к шлягерным текстам используются в социальной рекламе. Например, слоган социальной рекламы *Ка-ран-ти-но!* отсылает к песенке на слова Ю. Энтина из фильма «Приключения Буратино», привлекая к интерпретации «знания о карантине» (*Кто с детства каждому знаком?*) и представляя *карантин* в маске доброго героя, благодаря которому *околпачен будет враг (Злодеям он покажет нос... В его руках от счастья ключ...)*, тем самым используя карнавальную практику мены добра и зла. А *умный Петя* из социальных «противовирусных» роликов – прямой наследник *умной Маши* – персонажа советских комиксов, печатавшихся в журнале «Чиж» в 1930-е гг. (*Маша* в них попадает в различные сложные ситуации и неизменно находит из них оригинальный выход).

Особый интерес представляет рефрейминг фразеологизмов: так, выражение *не все дома* 'о странном, глуповатом, придурковатом человеке' буквализируется, приобретая смысл высказывания о нарушении правил самоизоляции, актуализирующий новый смысл афоризма Эдварда Кока *Мой дом – моя крепость* (*My house is my castle*); *надеть корону* 'зазнаться' меняет смысл на 'заразиться коронавирусом', в этом контексте вопрос *вам корона не жмет?* 'не слишком ли вы вознеслись?' звучит уже как за-

бота о здоровье собеседника, а в утвердительной форме это выражение означает констатацию выздоровления от коронавируса и (что используется в медиадискурсе – например, в отношении стран и регионов, снимающих карантинные ограничения и открывающих границы, ср.: Коммерсантъ. 9.04.2020; Аргументы и Факты. Нижний Новгород. 18.08.2020 и др.) отказ от самоизоляции.

Некоторые *коронавирусные приветствия* получают фразеологизированные имена: *чувство локтя, похлопать по плечу, велели кланяться* (Teleprogramma.pro. 28.03.2020).

Наконец, можно говорить о возникновении новых идиом на основе собственно коронавирусной лексики, в частности об идиоматизации аббревиатуры *COVID-19*: в английском ею обозначается не только вирус, но и *19 фунтов, набранные во время самоизоляции*, а в русскоязычной социальной рекламе предупреждают об опасности подхватить вирус паники *PANIC-20* и пофигизма *POFIG-21* (Новая газета. 30.06.2020).

3.4. «Вирусные» тексты в эпоху пандемии

Далее речь пойдет о мемах и других так называемых «вирусных», быстро распространяющихся в Сети и заразных, феноменах. Рамка мема используется как «словообразовательная модель», с той разницей, что с ее помощью формируется не слово (как в случае с *коронабесием, маскобесием*), а целое высказывание, соотносимое с реалиями пандемии. Среди моделей фразопроизводства наиболее популярны *Лучшее, что могло произойти в момент Т: Коронавирус – это лучшее, что могло произойти к 8 Марта. Жена больше не хочет ехать в Италию. Дочка больше не хочет айфон с «Алиэкспресс». А теща сказала, что мечтает получить в подарок набор марлевых повязок; и Когда Х: Когда по всем новостям говорят про китайский коронавирус, и ты пытаешься сдержать свой кашель; Когда пошел за покупками в красной зоне...* (оба примера – Комсомольская правда. 20.03.20).

Упомянем и интернет-коллекцию «Наташиных котов», начавшуюся с публикации в декабре 2019 г. во «ВКонтакте» мема: *Наташ, ты спишь? Уже 5 часов, Наташ. Вставай, мы там всё уронили. Мы уронили там вообще всё, Наташ, честно. Хватит притворяться, мы видим, как ты напрягла брови. Кто рано встает, тот кушоц дает, Наташ.* С развитием пандемии коты «реагировали» на коммуникативные события февраля-марта 2020 г., а мемы вбирали фрагменты новостей и экономического дискурса: ***Нефть по 32\$, \$ по 72р. Мы уронили вообще всё, Наташ***, – в ответ на обрушение рынка; политического: ***Мы всё обнулили, Наташ***, – в ответ на «обнуление» президентских сроков Путина; ***Мы справились и с печенегами, и с половцами, Наташ***, – в ответ на речь президента России: *Наша страна не раз проходила через серьезные испытания: и печенеги ее терзали, и половцы, – со всем справилась Россия. Победим и эту заразу коронавирусную. Вместе мы всё преодолеем* (Российская газета. 8.04.2020). В этом случае,

как представляется, нужно говорить о рефрейминге не мема, а «коронавирусной» новости.

4. Выводы

Как можно было заметить, *коронавирусный словарь* выглядит весьма неоднородным, включая неологизмы разных уровней: слова, словосочетания, фразеологизированные выражения, мемы, интернет-коллекции. Вместе с тем при их образовании используются одни и те же приемы неологизации: формирование новых значений уже известных единиц (*пандемия, дезинфектор, у него не все дома*), образование новых единиц за счет присоединения формообразующих элементов к известной основе (*ковидинг, вакцинобесие, когда с тебя сорвали маску*), сложение основ (*коронапаника, ковидоскептик, карантин суров – но это закон*), блендинг¹ – смешение основ, имеющее коммуникативно-когнитивную природу (*инфодемия, коронагеддон*). В новообразованиях реализуются практически все отмеченные Е.Н. Ремчуковой практики «массового лингвокреатива» [Ремчукова 2013: 86]: полисемантичность, интертекстуальность, дефразеологизация, гибридизация. Обнаруживаются и следы дискурсивного переосмысления и рефрейминга. При этом роль рамки играет коронавирусный контекст, фреймы ситуаций, связанных с пандемией или определяющих метафорические модели ее осмысления, а также части слов (прежде всего, компоненты *ковид-* и *корона-*) и имплицитные созвучия (*ковидло – *повидло*), участвующие в создании неологизма и вводящие тот или иной фрейм интерпретации. Ирония становится ведущим модусом неологизации, что не удивительно, если принять во внимание роль юмора как ресурса, в терминах С.А. Хазовой [Хазова 2017], «коллективного совладающего поведения».

Большинство новообразований мотивировано медицинским, политическим и экономическим дискурсами, а также важнейшими социально-дискурсивными практиками, связанными с правами и свободами, самоопределением личности, политкорректностью, оптимизацией жизни, психотерапией и др. Можно согласиться с заключением Х. Лобина [Lobin 2020] и Р. Лоусона [Lawson 2020], что коронавирусный дискурс стал «утилитарной сверткой» разговора о волнующих общество реальных проблемах, подменив собой разговор о войне в Сирии, политической борьбе в Европе и США, социальных противоречиях и превратившись в способ пошутить и посмеяться над миром вокруг нас.

Список литературы

Голованова И.С. Новые слова в толковых словарях французского языка 2020 года // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 2-1. С. 76–78.

¹ Шмелева Е. Заразительные неологизмы. Русский язык по-своему отвечает на пандемию // Коммерсантъ Наука. 2020. № 10. С. 44. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4323125>.

- Данкова Н.С., Крехтунова Е.В.* Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) // *Научный диалог*. 2020. № 8. С. 69–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83.
- Иссерс О.С.* Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 275 с.
- Карасик В.И.* Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // *Политическая лингвистика*. 2020. № 2 (80). С. 25–34. DOI: 10.26170/pl20-02-02.
- Катермина В.В., Литириди С.Х.* Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 4 (147). С. 170–175.
- Малькова В.К.* Коронавирус в российском информационном пространстве // *Вестник антропологии*. 2020. № 2 (50). С. 206–224. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-50-2/206-224.
- Никитина О.А.* Лингвокреативность языковой личности и дискурсивные маркеры лексических инноваций // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2014. № 4. С. 206–221.
- Новикова О.Н., Калугина Ю.В.* COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии // *Вестник Башкирского университета*. 2020. Т. 25, № 2. С. 376–381. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.26.
- Носова В.С., Волкова С.А.* Современные реалии и их влияние на английский язык на примере COVID-19 // *Вопросы педагогики*. 2020. № 5-1. С. 240–244.
- Погорелова И.В.* COVID-19: языковая репликация // *Современный ученый*. 2020. № 4. С. 226–229.
- Ремчукова Е.Н.* Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // *Вестник РУДН*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 83–89.
- Токко Н.И.* Пандемия коронавируса в зеркале современного немецкого языка // *Педагогические мастерские: сб. науч. тр. Киров: Межрегион. центр инновац. технологий в образовании*, 2020. Вып. 11. С. 102–105.
- Усманова Л.У.* Лексико-стилистический анализ газетных заголовков статей на тему коронавирусной инфекции // *Концепции современного образования: вопросы продуктивного взаимодействия наук в рамках технического прогресса*. Казань: СитИвент, 2020. С. 83–87.
- Хазова С.А.* Юмор как ресурс совладающего поведения // *Сибирский педагогический журнал*. 2017. № 3. С. 177–182.
- Шемчук Ю.М.* Лексические изменения в немецком языке под влиянием пандемии коронавируса // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4 (83). С. 498–499. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844.
- Klosa-Kückelhaus A.* Neue Wörter in der Coronakrise – von Social Distancing und Gabenzaun // *Sprachreport*. 2020. No. 2. S. 1–5. URL: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport/pdf/sr20-2.pdf>.
- Lawson R.* Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases – and that helps us cope // *The Conversation*. Apr. 28, 2020. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909>.

- Lobin H. Kommunikation in der Coronacrise // *Scilogs: Tagebücher der Wissenschaft*. 28. März 2020. URL: <https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunikation-in-der-coronacrise/>.
- Möhrs Ch. Grübelst du noch oder weißt du es schon? – Glossare erklären Coronaschlüsselbegriffe // *Sprachreport*. 2020. No. 3. S. 30–37. URL: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport/pdf/sr20-3.pdf>.
- Wicke Ph., Bolognesi M. Framing COVID-19: How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter // *Plos One*. Sept. 30, 2020. DOI: 10.1371/journal.pone.0240010.

References

- Dankova, N.S., Krekhtunova, E.V. (2020) Media Representation of the Pandemic: a Metaphorical Image of War (based on American Newspapers). *Nauchnyi dialog*, no. 8, pp. 69-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83. (in Russian).
- Golovanova, I.S. (2020), New words in the French dictionaries in 2020. *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya*, no. 2-1, pp. 76-78. (in Russian).
- Hazova, S.A. (2017), Humour as resource coping-behaviour. *Siberian Pedagogical Journal*, no. 3, pp. 177-182. (in Russian).
- Issers, O.S. (2012), *Lyudi govoryat... Diskursivnyye praktiki nashego vremeni* [People speak... Discursive practices of our time], Omsk, Dostoevsky Omsk State University publ., 275 p. (in Russian).
- Karasik, V.I. (2020), Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions. *Political Linguistics*, no. 2 (80), pp. 25-34. DOI: 10.26170/pl20-02-02. (in Russian).
- Katermina, V.V., Lipiridi, S.Kh. (2020), Peculiarities of the reflection of the coronavirus pandemic in the vocabulary of the medical discourse (based on the English neologisms). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 4 (147), pp. 170-175. (in Russian).
- Klosa-Kückelhaus, A. (2020), Neue Wörter in der Coronakrise – von Social Distancing und Gabenzaun. *Sprachreport*, No. 2, pp. 1-5, available at: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport/pdf/sr20-2.pdf>. (in German).
- Lawson, R. (2020), Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases – and that helps us cope. *The Conversation*, April 28, available at: <https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909>.
- Lobin, H. (2020), Kommunikation in der Coronacrise. *Scilogs: Tagebücher der Wissenschaft*, March 28, available at: <https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunikation-in-der-coronacrise/>. (in German).
- Malkova, V.K. (2020). Coronavirus in the Russian mass media. *Herald of Anthropology*, no. 2 (50), pp. 206-224. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-50-2/206-224. (in Russian).
- Möhrs, Ch. (2020), Grübelst du noch oder weißt du es schon? – Glossare erklären Coronaschlüsselbegriffe. *Sprachreport*, No. 3, pp. 30-37, available at: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport/pdf/sr20-3.pdf>. (in German).
- Nikitina, O.A. (2014), Linguistic creativity of language personality and discourse markers of lexical innovations. *South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin*, no. 4, pp. 206-221. (in Russian).

- Novikova, O.N., Kalugina, Yu.V. (2020), COVID-19 within the context of the current research on pandemic discourse. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, Vol. 25, no. 2, pp. 376-381. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.26. (in Russian).
- Nosova, V.S., Volkova, S.A. (2020), Sovremennye realii i ikh vliyanie na angliiskii yazyk na primere COVID-19 [Modern realities and their influence on the English language on the example of COVID-19]. *Voprosy pedagogiki*, no. 5-1, pp. 240-244. (in Russian).
- Pogorelova, I.V. (2020), COVID-19: linguistic replication. *Modern Scientist*, no. 4, pp. 226-229. (in Russian).
- Remchukova, E.N. (2013), Mass linguocreativity: surmounting standards. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 2, pp. 83-89. (in Russian).
- Shemchuk, Yu.M. (2020). Lexical changes in the German language under the influence of the coronavirus pandemic (on the example of neologisms of sports topics). *The world of science, culture and education*, no. 4 (83), pp. 498-499. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844. (in Russian).
- Tokko, N.I. (2020), Pandemiya koronavirusa v zerkale sovremennogo nemetskogo yazyka [The coronavirus pandemic in the mirror of the modern German language]. *Pedagogicheskie masterskie*, Collection of scientific papers, Kirov, Interregional center of innovative technologies in education publ., Iss. 11, pp. 102-105. (in Russian).
- Usmanova, L.U. (2020), Leksiko-stilisticheskii analiz gazetnykh zagolovkov statei na temu koronavirusnoi infektsii [Lexical and stylistic analysis of newspaper headlines on the topic of coronavirus infection]. *Kontseptsii sovremennogo obrazovaniya: voprosy produktivnogo vzaimodeistviya nauk v ramkakh tekhnicheskogo progressa*, collection of scientific papers, Kazan, SitIvent publ., pp. 83-87. (in Russian).
- Wicke, Ph., Bolognesi, M. (2020), Framing COVID-19: How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter. *Plos One*, September 30. DOI: 10.1371/journal.pone.0240010.

**COVIDIOTS ON CORONACATION:
CORONAVIRAL LEXICON AS A DIAGNOSTIC FIELD
FOR ACTUAL DISCOURSE PRACTICES**

O.I. Severskaya

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract: The article attempts to consider the so-called coronavirus vocabulary in the context of current discursive practices and to identify cases of convergence of different types of discourses and speaking practices that motivate the creation of neologisms. The study was based on a collection of words, expressions, social advertising slogans, jokes and memes, thematically related to the coronavirus pandemic, which were found in publications in the media, as well as in online blogs and comments, Russian and foreign scientific publications, and available lexicographic Internet sources. Russian-language material was compared with

foreign-language examples, which allowed the author to separate international neologisms from national-specific ones. The novelty of the research is the analysis of linguistic and creative practices of neologization in a discursive context. The author proceeds from the assumption that the heterogeneity of the coronavirus vocabulary is due to the heterogeneity of the current discourse about the pandemic, and the rapid growth of the coronavirus vocabulary is associated with the need to quickly adapt to rapidly changing living conditions, medical, economic and political problems. Neologisms become a reflection of discursive polyphony, the author proves this by examining the convergence of medical, economic, political and everyday colloquial discourse, which arises as a result of the transformation of the coronavirus pandemic into a thematic discourse dominant. Methods of neologization (the formation of new meanings, composition, blending) correlate with discursive rethinking and reframing. In the structure of neologisms, the author identifies elements that refer to popular social practices, as well as relevant thematic discourses, which set the parameters of comprehension. Particular attention is paid to the coronavirus reframing of phraseological units and Internet memes.

Key words: neologism, coronavirus, ironic modus, discursive practices, convergence of discourses, linguistic creativity.

For citation:

Severskaya, O.I. (2020), Covidiots on coronacation: coronaviral lexicon as a diagnostic field for actual discursive practices. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 887-906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906. (in Russian).

About the author:

Severskaya, Olga Igorevna, PhD, Leading Researcher

ORCID: 0000-0002-6277-9756

Corresponding author:

Postal address: 18/2, Volkhonka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Received: October 8, 2020

Revised: October 15, 2020

Accepted: November 2, 2020

Раздел III

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part III

COMMUNICATIVE DIDACTICS

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

О.Г. Полетаева¹, Т.Г. Панина²

¹ Гимназия № 25 г. Иркутска (Иркутск, Россия)

² Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие коммуникации как процесса межличностного общения, выполняющего определенные функции и характеризующегося целями коммуникантов, и вопрос формирования коммуникативности как одного из ведущих факторов успешной коммуникации для совместного речевого взаимодействия. Исследование обозначенной проблемы осуществляется относительно такой социальной группы, как преподаватели образовательных организаций, желающие повысить свою профессиональную компетенцию в рамках программ повышения квалификации. В статье дан анализ некоторых методических подходов для развития коммуникативных навыков и умений преподавателей как их коммуникативной компетенции. В работе ставилась задача изучить предложенные подходы к формированию коммуникативности, или коммуникативной компетенции, и описать те умения и навыки, которые могут стать наиболее эффективными и целесообразными для преподавателей отечественных образовательных организаций, участвующих в программах повышения квалификации. В качестве методов исследования в статье использовались понятийный анализ, описательная характеристика. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что фактор коммуникативности как позитивная характеристика личности коммуниканта может успешно формироваться посредством методов и приемов, целенаправленно способствующих развитию коммуникативных умений, связанных с речевым взаимодействием в диалоговом общении, в мини-группах и общегрупповой коммуникации в полилогическом дискуссионном формате. Как отмечается авторами данного исследования, приобретаемые коммуникативные умения и навыки способствуют личностному и профессиональному росту преподавателей.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативность, коммуникативные умения, речевое взаимодействие.

Для цитирования:

Полетаева О.Г., Панина Т.Г. Формирование коммуникативной компетенции преподавателей в рамках программы повышения квалификации // Комму-

никативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 909–921. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).909-921.

Сведения об авторах:

¹ **Полетаева Ольга Геннадьевна**, учитель немецкого языка

² **Панина Татьяна Геннадьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 664050, Россия, Иркутск, пр. Маршала Жукова, 2

² Почтовый адрес: 664025, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 8

¹ E-mail: polet-ol@yandex.ru

² E-mail: panina111@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.03.2020

Дата рецензирования: 24.03.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

1. Введение

В данной статье рассматривается проблема коммуникации в целом и формирования навыков коммуникативности, выступающих ведущими факторами успешного речевого и личностного взаимодействия его участников, в частности. Данная проблема касается преподавателей образовательных организаций, выступающих в качестве коммуникативных партнеров в любом речевом взаимодействии, например на программах повышения квалификации. Участники подобных курсов обычно не знакомы друг с другом, проходя повышение квалификации, вынуждены общаться достаточно длительное время, обсуждая в рамках организуемых дискуссий, творческих заданий и иных форм, различные профессиональные проблемы. Перед коммуникантом порой встают вопросы умения и навыков вести беседу с коллегами и руководителем группы, умения выстраивать речевое взаимодействие внутри рабочих мини-групп на основе диалогического и полилогического общения, т. е. в пленумном формате в целях проработки и освоения учебного материала. В методическом аспекте коммуникативный подход к проблеме формирования коммуникативных навыков предполагает «общение не с помощью формализованных упражнений на основе заданных шаблонов, а с помощью активации самостоятельности обучающегося», при этом сами обучающиеся должны быть лично «вовлечены в содержание обучения, это должно открыть им возможность общаться лично» [Heyd 2006: 27]. От всех участников речевого взаимодействия в процессе образовательной коммуникации требуются равный вклад в общение, умение вести беседу, речевым способом регулировать совместную деятельность. Таким образом, проблема успешной и со-

держательной коммуникации в рамках совместного взаимодействия является одним из центральных вопросов в образовательном контексте относительно его участников – преподавателей, стремящихся к повышению своих профессиональных компетенций. Процесс общения реализуется через предпосылки: «установку, настроение, восприятие друг друга участниками общения и их взаимопонимание. Установка выражает готовность, предрасположенность субъекта общения к восприятию будущих событий и действий в определенном направлении»¹.

Понятие коммуникации как речевого взаимодействия тщательно проработано и изучено широким кругом исследователей. В частности, отмечается, что коммуникация есть «механизм, посредством которого обеспечивается существование и развитие человеческих отношений, включающий в себя все мыслительные символы, средства их передачи в пространстве и сохранения во времени». Более того, коммуникация «облегчает взаимное приспособление людей... и обеспечивает кооперативную взаимопомощь, делая возможной координацию действий всех участников коммуникативного акта» [Василик 2003: 12]. Подчеркивается, что коммуникация представляет собой взаимодействие людей друг с другом, «выраженное в контактах и общении», как «непрерывный поток мыслей и разговора», притом что «никакой разговор не происходит изолированно, а отдельные слова или группа еще не составляют коммуникацию»².

2. Коммуникативные компетенции в образовательной практике

В нашей работе мы вслед за С.В. Бориснёвым будем понимать под коммуникацией «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных средств» [Бориснёв 2003: 12]. В приведенных определениях отражена сущность коммуникации между людьми как межличностного общения, где проявляются многие аспекты данного речевого взаимодействия. В ходе общения как «многопланового процесса установления и развития контактов между людьми, порождаемого потребностями совместной деятельности и включающего в себя обмен информацией», происходит выработка «единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека» [Морева 2003: 3]. Исследователями в области коммуникации выделяется несколько ее значимых функций: 1) информационно-коммуникативная – обмен информацией; 2) интерактивная – выработка правил взаимодействия людей, четкой организацией их совместной деятельности для достижения поставленных целей; 3) познавательная – освоение новой информации для применения ее в практической деятельности; 4) аксиологическая – оценивание объекта

¹ URL: https://studopedia.ru/2_95316_struktura-obshcheniya.html.

² URL: <https://onona.online/samorazvitie/kommunikatsiya>.

или процесса с точки зрения полезности (ценности) для личности или общества в целом» [Чернова 2010: 78].

Авторами особо отмечается, что коммуниканты в процессе коммуникативного взаимодействия преследуют определенные цели:

- 1) познавательную – распространение и приобретение новых знаний или умений;
- 2) побудительную – стимулирование других людей к каким-либо действиям или получение нужных стимулов;
- 3) экспрессивную – выражение или обретение определенных переживаний, эмоций.

Для достижения этих целей содержание коммуникационных сообщений должно включать: знания и умения (коммуникант нечто знает или умеет и может поделиться этим опытом с другими людьми); стимулы (волевые воздействия, побуждающие к активности); эмоции (коммуниканту важно эмоционально «разрядиться», получить сочувствие, а реципиент ищет положительные эмоции и душевный комфорт). Именно эти продукты духовной человеческой деятельности мы называем смыслами. Когда речь идет о социальной коммуникации, имеется в виду движение в социальном пространстве и времени знаний, умений, стимулов, эмоций [Соколов 2002: 20].

Одним из важнейших аспектов процесса коммуникации является, на наш взгляд, коммуникативность как фактор успешного коммуникативного действия, где все коммуниканты добиваются своих целей и позитивно оценивают межличностное взаимодействие. В отличие от коммуникации, коммуникативность является характеристикой самого коммуниканта, участвующего в коммуникативном акте. Другими словами, коммуникативность выступает как способность к коммуникации, к установлению контактов, связей в общении. Это «положительное нравственно-этическое качество личности, выражающее предрасположенность человека к общению, к установлению контактов, связей, отношений. Внешне это качество проявляется как общительность, как умение собирать вокруг себя людей. Данное качество основывается на способности человека чувствовать поле психологической совместимости с партнером» [Безрукова 2000: 380].

В современной литературе, исследующей проблемы коммуникации, отмечается, что одним из регулирующих факторов в коммуникации является психологическая совместимость коммуникантов, «обусловленная индивидуальными особенностями субъектов, социальной ситуацией, доминирующими стратегиями поведения, целями участников взаимодействия и возможными противоречиями», при этом создается возможность «взаимозаменяемости и взаимодополняемости» участников [Андриенко 2000: 10]. Считается, что психологически совместимыми являются люди с высокой степенью потребности в общении, эмоциональные, желающие

иметь в качестве собеседников людей со схожим характером. Психологический фактор создает некоторые коммуникативные барьеры, среди которых имеют место барьеры непонимания, социокультурных различий, барьеры отношений.

Б.Ф. Поршнев выделяет четыре уровня барьеров непонимания: фонетический, семантический, стилистический и логический [Поршнев 1979: 76]. Фонетический барьер возникает в связи с различными знаковыми средствами передачи информации. Фонетическое непонимание имеет диапазон от незначительного (например, в произнесении некоторых слов) до полного и может иметь различные источники. Неполное непонимание происходит не только тогда, когда человек говорит непонятно, но и в ситуации, когда человек говорит быстро, невнятно, с акцентом, использует незнакомые или не соответствующие контексту жесты, или жестикуляция слишком активная и быстрая. Семантический барьер возникает, когда люди по каким-то причинам не понимают смысла сказанного. Стилистический барьер определяется несовпадением стиля подачи информации, т. е. разными приемами использования средств языка для выражения мыслей. Логический барьер проявляется в отсутствии последовательности, доказательности, подборе фактов, обстоятельности выражений и точности терминологии.

В предложенном материале рассматриваются некоторые методы и приемы формирования навыков речевого взаимодействия на коллективных курсах и семинарах, поскольку она представляется нам в достаточной степени эффективными и целесообразными для использования в программах повышения квалификации отечественных преподавателей, поскольку они позволяют участникам развивать необходимые для коллективного взаимодействия навыки и умения общения. Формируемая на основе коммуникативных умений и навыков коммуникативная компетенция является ключевой для преподавателя как специалиста, взаимодействующего с обучающимися образовательных организаций, и согласно требованиям федеральных образовательных стандартов должна формироваться у обучающихся при ведущей роли преподавателя¹.

Коммуникативная компетенция включает в себя следующие умения и навыки:

- уметь слушать и слышать друг друга;
- с достаточной полнотой и точностью выражать свои мысли в соответствии с задачами и условиями коммуникации;
- представлять конкретное содержание и сообщать его в устной и письменной форме;

¹ См.: Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» (с изм. и доп.). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa>.

- спрашивать, интересоваться чужим мнением и высказывать свое;
- вступать в диалог, а также участвовать в коллективном обсуждении проблем, владеть монологической и диалогической формами речи в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами родного языка;
- уметь действовать с учетом позиции другого и уметь согласовывать свои действия;
- быть готовым к обсуждению различных точек зрения и выработке общей (групповой) позиции;
- уметь с помощью вопросов добывать недостающую информацию;
- уважительно относиться к партнерам, проявлять внимание к личности другого и т. д. [Асмолов 2010: 4].

3. Исследовательские подходы к формированию коммуникативности

Современные исследователи, занимающиеся вопросами эффективного группового взаимодействия, прежде всего в образовательных целях, говорят о «социальных формах, создающих условия коммуникации на занятиях», которые призваны «организовывать отношения» между участниками учебно-образовательной коммуникации, при этом «осмысленное использование различных социальных форм и целенаправленная их смена между собой являются важным инструментом интеграции участников коммуникативного действия» [Funk et al. 2014: 50]. Социальными формами отношений, как отмечается, являются фронтальное, групповое, партнерское взаимодействия и индивидуальная работа. Как пишет другой исследователь обозначенной проблематики, взаимодействие людей, участвующих в коллективном курсовом обучении (для нашей ситуации – это программы повышения квалификации), может происходить в следующих форматах:

- 1) человек находится наедине с собой, и то, что он делает, никому не будет известно (например, заполнение анкеты по самообследованию);
- 2) человек, работая самостоятельно, знает, что результаты его деятельности будут известны другим людям (например, слушатель озвучит причины прихода на программу и свои желания);
- 3) человек работает в присутствии других людей, активно реагирующих на него;
- 4) человек активно взаимодействует с другими, хотя результат его действий от других не зависит;
- 5) человек активно взаимодействует с другими людьми, и результат его деятельности зависит от этого сотрудничества [Knoll 2003: 113].

Как показывает практика работы с преподавателями, участвующими в программах повышения квалификации, наиболее эффективными с точки зрения формирования коммуникативных навыков являются фор-

мы, где необходимо взаимодействие участников в рамках группового обучения, которые в классификации Й. Кнолля представлены двумя последними пунктами. Значительную роль играет начальная фаза взаимодействия участников групповой коммуникации в форме диалогового общения с целью проявления и дальнейшего формирования коммуникативных умений и навыков. Для установления личных контактов между участниками на первоначальном этапе немецким исследователем предлагаются в качестве методики различные задания игрового характера, например создание так называемого перехода между бытовой ситуацией и ситуацией начала занятия в группе обучения, что способствует снятию коммуникативных барьеров и возникновению психологической совместимости. Участники могут поинтересоваться друг у друга о предпочтительных блюдах на завтрак или о том, на каком транспортном средстве каждый из них добрался до места проведения курсов. Важную роль в формировании коммуникативных умений занимает работа в мини-группах, которые, согласно Кноллю, создаются посредством игровых приемов деления участников и не имеют постоянного состава. Участники организуются в мини-группы, например по очередности даты рождения, цвету глаз, алфавитному порядку первых букв фамилий. Можно использовать этот прием, разделяя участников на группы по стажу работы. В одну группу попадают учителя с разным стажем работы, что способствует обогащению языкового содержания и знаний методики преподаваемого предмета. Следует отметить, что чаще всего лидирующую позицию в сформированной группе занимает более эмоциональный, опытный преподаватель, который в ходе дальнейшей коллективной работы более компетентно презентует результаты заданий своей группы. Однако бывает и наоборот. Практика проведения обучающих семинаров для преподавателей показывает, что назначенные в качестве представителя учебной группы молодые коллеги получают поддержку своих старших коллег, которые, «подчиняясь» руководящей роли молодых участников семинара, также успешно представляют продукт своей групповой деятельности.

Прием визуализации через плакат или коллаж помогает представить обсуждаемую тему. Созданные группой проекты или коллажи могут быть представлены в виде ярмарки идей. При этом одна мини-группа может общаться с другой, давая коллегам возможность самим установить содержание изложенного на плакате материала. Данная форма работы позволяет создать обстановку кулуарности и снять коммуникативный барьер, подготавливая почву для формирования коммуникативного умения вести общение в формате полилога. Оптимизировать работу в мини-группах помогает варьирование типов работы и заданий, совместная работа участников, которые должны активно помогать друг другу в процессе обучения, персонализация заданий, позволяющая им выразить личностные качества [Ur, Wright 2016: 98]. Работа с плакатами и коллажами по-

казывает, что для представления продукта после выполнения задания участникам приходится менять динамику эмоциональности своего выступления, оформлять речь, обращая большее внимание на логику речевой структуры и выразительные языковые средства.

Устранение логических барьеров в описании и формулировании профессиональных проблем в процессе коммуникации участников программ повышения квалификации может быть достигнуто с помощью игрового приема, который заключается в том, что методом случайной выборки из любого источника, например словаря, берется слово (пусть это будет слово «картофель» или «завтрак»), которое становится обозначением некой проблемы. Согласно заданию «данную проблему» участнику необходимо последовательно и доказательно раскрыть. Через метод игрового сближения в ходе выполнения учебного задания удаётся обозначить то, что объединяет или разъединяет каждого участника, происходит выработка личностного отношения к групповому взаимодействию [Ur, Wright 2016: 109].

Важным, с точки зрения развития коммуникативных умений, является метод ролевой коммуникации, когда преподавателям, обучающимся по программам повышения квалификации, предлагается по заданию организатора участвовать в обсуждении обозначенной им проблемы от лица представителя любой социальной группы, например родителя, ученика, соседа, учителя и т. д. Для преодоления коммуникативного барьера используются упражнения с условными предложениями («Если бы я был...», «Если бы я умел...»), которые способствуют выстраиванию логического высказывания, целеполаганию, аргументации. Важна презентационная грамотность, т. е. способность успешно представлять людей и вещи перед другими людьми. «Успешность» состоит в том, чтобы убедить целевую аудиторию, чтобы заинтересовать в зависимости от целей, информировать и направлять при необходимости принятия решения или действия. Убежденность является частью коммуникативной компетентности и лидерских навыков. Презентационная компетентность является частью коммуникативной компетентности, а также и навыка лидерства и реализации поставленных задач. При этом нужно учитывать, в какой степени участники игры могут выражать себя понятными и ориентированными на получателей словами. Готовность к общению подразумевает волю к обмену отдельными репликами или целыми, развернутыми предложениями, выражающими мнение собеседника с другими, разъяснению вещей словесно и передаче знаний через общение¹. Данный метод позволяет участникам осмысливать ситуацию так, чтобы суметь говорить о ней, находя иные решения, нежели те, которые свойственны для преподавателя в рамках его привычной профессиональной деятельности. Подобный метод создает стимул в расширении спектра коммуникативных умений и

¹ URL: <https://www.soft-skills.com/soft-skills-wuerfel/kommunikative-kompetenz>.

навыков, являющихся основой всей, как уже было сказано, профессиональной деятельности преподавателя. Проводя ролевые игры с конкретной целевой аудиторией на этапе знакомства, не следует оценивать коммуникативные навыки отдельных людей, а смотреть на слаженность работы в целом, на то, как люди нашли общий язык, сумели договориться, обсудить проблемы. При дальнейшей работе принимается во внимание умение выполнять коммуникативную задачу, поставленную преподавателем по конкретной теме. В ролевых играх зачастую преподавателям приходится проявлять чувство юмора, что также является одним из важных личностных качеств современного учителя. Более сложной по содержанию является деловая игра. В деловых играх на основе игрового замысла моделируются жизненные ситуации: игра предоставляет участнику возможность побывать в роли экскурсовода, эколога, судьи, директора и т. п. Использование деловых игр раскрывает творческий потенциал каждого обучаемого. Опыт проведения деловых игр показывает, что в процессе происходит более интенсивный обмен идеями, информацией, она побуждает участников к творческому процессу. Участники получают роли, например: шефа, который заботится о том, чтобы группа четко соблюдала поставленную перед ней цель и не отступала от нее; хронометриста, ответственного за то, чтобы задание было выполнено в установленное время; наблюдателя, который следит за атмосферой в группе, все ли участники имеют возможность высказаться, состоится ли дискуссия; секретаря, который записывает результаты обсуждения и выводы. Участники программ повышения квалификации отмечают, что при проведении деловой игры главными качествами является дисциплинированность и настойчивость, т. е. способность достигать поставленные цели и доводить принятые решения до конца, а также сознательное подчинение своих действий общественным правилам. Организация групповой работы при проведении ролевой или деловой игры с участниками курсов повышения квалификации в корне меняет функции преподавателя. Если на традиционном занятии он «передает знания в готовом виде, то здесь должен быть организатором и режиссером» [Яковлева 2012: 162].

Немаловажным является требование оформления пространства вокруг участников взаимодействия, чтобы оно стало «коммуникативным центром», позволяющим моделировать ситуации общения, направленные на «развитие коммуникативной компетенции» [Schart, Legutke 2014: 110]

4. Заключение

Таким образом, можно отметить, что проблема выстраивания успешной коммуникации преподавателей – участников программ повышения квалификации является одной из первостепенных задач в рамках проведения подобных мероприятий, поскольку они призваны реализовывать требования федеральных государственных стандартов в области подго-

товки, переквалификации и повышения квалификации преподавательских кадров для образовательных организаций нашей страны.

Создание атмосферы позитивной и плодотворной коммуникации между участниками является основой личностного и профессионального продвижения, появления новых личностных и профессиональных качеств. Диалектика общения заключается в том, что, с одной стороны, люди при контактах вступают в противоречия, в конфликты интересов и мнений и получают отрицательные эмоции. С другой стороны, существует самоценность общения, когда люди получают от него удовлетворение, порой даже удовольствие, и тянутся друг к другу [Панфилова 2006: 8]. Предложенные методы и приемы способствуют развитию личностных качеств учителя. В данных применяемых на практике методах заложены критерии успешности формирования коммуникативных умений и навыков. В ходе исследования нами отмечены положительная динамика в формировании эмоциональности, выразительности и логичности речи, увеличение ее лексического состава, появление умения четко структурировать и организовывать высказывания. Многие участники обнаруживают в себе организаторские способности, умение создавать команду и руководить коллективной работой. В ходе семинаров в рамках программ повышения квалификации участники осознают устойчивое положительное изменение своих личностных качеств, начинают видеть важность обладания чувством юмора как фактора регулирования социального взаимодействия. Практика показывает, что путь к успешной коммуникации между взрослыми участниками, представляющими сложившиеся личности, не просто, поскольку требуемые коммуникативные умения и навыки не представляют из себя саморазвивающиеся качества личности, а должны формироваться в человеке в большей степени извне. Отсюда вытекает требование создания определенных методических подходов, релевантных возрастной группе (в нашем случае – соотносимых с ожиданиями такой социальной группы, как преподаватели) и включающих набор методов и приемов, специально направленных на формирование и развитие коммуникативных умений и навыков. При этом понятие успешности как обязательного атрибута коммуникации в данной сфере раскрывает те результаты, которых должны добиться все участники. Проанализированные в данном материале методы и приемы направлены на формирование коммуникативных навыков и умений, которые позволяют сочетать в ходе совместной деятельности и речевого взаимодействия индивидуальную и парную работу, взаимодействие в мини-группах и между двумя мини-группами и, наконец, общение в форме полемики, дискуссии в общей группе.

Список литературы

Андрюенко Е.В. Социальная психология / под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2000. 264 с.

- Асмолов 2010* – Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / под ред. А.Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2010. 159 с.
- Безрукова В.С.* Основы духовной культуры: энцикл. слов. педагога. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 937 с.
- Бориснёв С.В.* Социология коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 269 с.
- Василик 2003* – Основы теории коммуникации / под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
- Морева Н.А.* Тренинг педагогического общения. М.: Просвещение, 2003. 304 с.
- Панфилова А.П.* Тренинг педагогического общения. М.: Академия, 2006. 336 с.
- Поринев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 155 с.
- Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Михайлов В.А., 2002. 459 с.
- Чернова Г.Р.* Социальная психология. СПб.: Ленингр. гос. ун-т (ЛГУ) им. А.С. Пушкина, 2010. 199 с.
- Яковлева Т.А.* Современные методы преподавания немецкого языка как иностранного (по материалам стажировки в Институте Международной Коммуникации в Дюссельдорфе) // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. М.: МГИМО, 2012. № 48. С. 162–174.
- Funk H., Kuhn Ch., Skiba D.* Aufgaben, Übungen, Interaktion. 1. Aufl. München: Klett-Langenscheidt, 2014. 184 s. (Deutsch Lehren Lernen 4).
- Heyd G.* Deutsch lehren: Grundwissen für den Unterricht in Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg, 2006. 276 s.
- Knoll J.* Kurs- und Seminarmethoden. Ein Trainingsbuch zur Gestaltung von Kursen und Seminaren, Arbeits- und Gesprächskreisen. 10. Aufl. Weinheim; Basel; Berlin: Beltz Verlag, 2003. 227 s.
- Schart M., Legutke M.* Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung. 1. Aufl. München: Klett-Langenscheidt, 2014. 195 s.
- Ur P., Wright A.* 111 Kurzrezepte. Deutsch als Fremdsprache. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen GmbH, 2016. 110 s.

References

- Andrienko, E.V. (2000), *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology], ed. by V.A. Slashtenin, Moscow, Akademiya publ., 264 p. (in Russian).
- Asmolov, A.G. (ed.) (2010), *Formirovanie universal'nykh uchebnykh deistvii v osnovnoi shkole: ot deistviya k mysli* [Formation of universal educational actions in basic school: from action to thought], Moscow, Prosveshchenie publ., 159 p. (in Russian).
- Bezrukova, V.S. (2016), *Osnovy dukhovnoi kul'tury* [Fundamentals of Spiritual Culture], Encyclopedic Dictionary of a Teacher, Yekaterinburg, Delovaya kniga publ., 937 p. (in Russian).
- Borisnyov, S.V. (2003), *Sotsiologiya kommunikatsii* [Sociology of communication], Moscow, YuNITI-DANA publ., 270 p. (in Russian).
- Chernova, G.R. (2010), *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology], St. Petersburg, Leningrad State University named after A.S. Pushkin publ., 199 p. (in Russian).

- Funk, H., Kuhn, Ch., Skiba, D. (2014), *Aufgaben, Übungen, Interaktion*, 1st ed., München, Klett-Langenscheidt publ., 184 p. (Deutsch Lehren Lernen 4). (in German).
- Heyd, G. (2006), *Deutsch lehren: Grundwissen für den Unterricht in Deutsch als Fremdsprache*, Frankfurt am Main, Moritz Diesterweg publ., 276 p. (in German).
- Knoll, J. (2003), *Kurs- und Seminarmethoden. Ein Trainingsbuch zur Gestaltung von Kursen und Seminaren, Arbeits- und Gesprächskreisen*, 10th ed., Weinheim, Basel, Berlin, Beltz publ., 227 p. (in German).
- Moreva, N.A. (2003), *Trening pedagogicheskogo obshcheniya* [Training of pedagogical communication], Moscow, Prosveshchenie publ., 304 p. (in Russian).
- Panfilova, A.P. (2006), *Trening pedagogicheskogo obshcheniya* [Training of pedagogical communication], Moscow, Akademiya publ., 336 p. (in Russian).
- Porshnev, B.F. (1979), *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social psychology and history], Moscow, Nauka publ., 155 p. (in Russian).
- Schart, M., Legutke, M., (2014), *Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung*. 1st ed., München, Klett-Langenscheidt publ., 195 p. (in German).
- Sokolov, A.V. (2002), *Obshchaya teoriya sotsial'noi kommunikatsii* [General theory of social communication], St. Petersburg, Mikhailov V.A. publ., 461 p. (in Russian).
- Vasilik, M.A. (ed.) (2003), *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of communication theory], Moscow, Gardariki publ., 615 p. (in Russian).
- Ur, P., Wright, A. (2016), *111 Kurzrezepte. Deutsch als Fremdsprache*, Stuttgart, Ernst Klett Sprachen publ., 110 p. (in German).
- Yakovleva, T.A. (2012), *Sovremennye metody prepodavaniya nemetskogo yazyka kak inostrannogo (po materialam stazhirovki v Institute Mezhdunarodnoi Kommunikatsii v Dyussel'dorfe)* [Modern methods of teaching German as a foreign language (based on internship at the Institute of International Communication in Dusseldorf)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, collected articles, No. 48, Moscow, MGIMO publ., pp. 162-174. (in Russian).

TRAINING TEACHERS COMMUNICATION SKILLS SET DURING PROFESSIONAL DEVELOPMENT COURSE

O.G. Poletaeva¹, T.G. Panina²

¹ *Gymnasium No. 25 (Irkutsk, Russia)*

² *Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)*

Abstract: This article deals the concept of communication as a process of interpersonal communication that performs certain functions and is characterized by the goals of communicants, as well as the issue of the training communicativeness as one of the leading factors of successful communication for joint speech interaction. The study of this problem is carried out in relation to such a social group as teachers of educational organizations who want to improve their professional skill set within the framework of advanced training programs. The article analyzes some methodological approaches for the development of communication skills and abilities of teachers as their communicative skills set. The task was to study the proposed approaches to the training communicativeness, or communicative skills set, and describe those skills that can become the most effective and

appropriate for teachers of national educational organizations participating in advanced training programs. The main research methods used in the paper are the conceptual analysis and descriptive characteristics. The research results allow us to conclude that the factor of communicativeness as a positive characteristic of a communicant's personality can be successfully formed with the methods and techniques developing communicative skills related to the spoken interaction via dialogues, polylogues in groups and mini-groups while discussing. As noted by the authors of this study, the acquired communication skills and abilities contribute to the personal and professional growth of teachers.

Key words: communication, communicativeness, communicative skills, spoken interaction.

For citation:

Poletaeva, O.G., Panina, T.G. (2020), Training teachers communication skills set during professional development course. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 909-921. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).909-921. (in Russian).

About the authors:

¹ **Poletaeva, Olga Gennadievna**, German language teacher

² **Panina Tatiana Gennadievna**, PhD, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Corresponding authors:

¹ Postal address: 2, Marshala Zhukova pr., Irkutsk, 664050, Russia

² Postal address: 8, Lenina ul., Irkutsk, 664025, Russia

¹ E-mail: polet-ol@yandex.ru

² E-mail: panina111@mail.ru

Received: March 18, 2020

Revised: March 24, 2020

Accepted: November 2, 2020

**КОММУНИКАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ В ДОВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ «ШКОЛЫ МОЛОДОГО ЖУРНАЛИСТА»
ПРИ МОРДОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ Н.П. ОГАРЕВА)**

Н.М. Фролова

*Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева (Саранск, Россия)*

Аннотация: Профориентационная работа с учащимися и выпускниками средних учебных заведений, осуществляемая вузами по специальности «Журналистика», обусловлена необходимостью повышения коммуникативного уровня абитуриентов, качественного рекрутинга студентов и их профессионального скрининга, заключающегося в выявлении готовности к осуществлению профессиональной деятельности в средствах массовой информации. Продуктивной формой проведения профориентационной работы сегодня выступает школа журналистики, хорошо зарекомендовавшая себя на рынке образовательных услуг в России и за рубежом, набирающая большую популярность у тех учащихся старших классов, которые, испытывая интерес к профессии корреспондента, сомневаются в правильности своего выбора. Проблемной областью освещения деятельности таких школ остается методика работы с обучающимися, характеризующаяся подчеркнутой коммуникативной направленностью. Цель исследования заключается в рассмотрении технологии коммуникативного моделирования профессиональных ситуаций в довузовском обучении. Материал исследования составили учебные программы и планы «Школы молодого журналиста», с 2008 г. функционирующей при Национальном исследовательском Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева. Учебная документация была подвергнута структурно-содержательному анализу. На основе полученных результатов была спроектирована и подробно описана технология коммуникативного моделирования профессиональных ситуаций в рамках деятельности «Школы молодого журналиста», осуществляемой в процессе профориентационной работы вуза.

Ключевые слова: медиаобразование, профориентационная работа, профессиональный скрининг, рекрутинг, абитуриент, Школа молодого журналиста, коммуникативное моделирование, тренинг.

Для цитирования:

Фролова Н.М. Коммуникативное моделирование профессиональных ситуаций в довузовском обучении (на примере «Школы молодого журналиста»)

ста» при Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева) // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 4. С. 922–934. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).922-934.

Сведения об авторе:

Фролова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 430005, Россия, Саранск, ул. Большевикская, 68/1

E-mail: nmfrol@mail.ru

Дата поступления статьи: 19.02.2020

Дата рецензирования: 22.02.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

1. Введение

Стремительное развитие технических средств связи привело к увеличению роли коммуникации в жизни общества. Наблюдается экспансия массовой коммуникации в механизмы регулирования экономических, политических, культурных процессов в социуме, где она выполняет не только информационную, но и инструментальную функции. Качество опосредованного взаимодействия между субъектами правовых и неправовых отношений в полной мере зависит от уровня их коммуникационных возможностей в современной цифровой среде. Феномены «цифровой экономики», «цифровой культуры», «цифровой юриспруденции», «цифровой дипломатии» включают в себя в качестве базового элемента информационно-коммуникационные технологии, выступающие способом связи между их субъектами, организации их информационного пространства, средством их дальнейших преобразований в соответствии с требованиями времени. Это означает первостепенную важность новостного сегмента массовой коммуникации как инструмента продвижения в медиасообществе, установления обратной связи различных общественных структур с широкой и целевой аудиторией.

Современный мир постоянно пребывает в движении, жизнь человека полностью подчинена динамичным новостным потокам, которые нуждаются в скоростной рецепции и быстром реагировании на контент. Они становятся регуляторами всех видов деятельности индивида в современном обществе. В связи с этим остро ощущается необходимость в качественных «трансляторах» новостной информации: корреспондентах, работниках пресс-служб, агентах гражданской журналистики, – к которым предъявляются повышенные требования в плане технической осведомленности, языковой грамотности, способности обнаруживать достойные информационные поводы, умело и осторожно эпатировать публику, рас-

крывать в нестандартной, выигрышной форме информационное ядро события, рассчитывая на определенную реакцию адресата, содействуя тем самым повышению уровня развития культурной и массмедийной среды.

Однако данные запросы общества вступают в противоречие с тем, каких специалистов по медиакоммуникациям могут предложить сегодня вузы. В одном из крупнейших вузов Поволжья – Национальном исследовательском Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева – мы ежегодно сталкиваемся с проблемами рекрутинга студентов на специальность «Журналистика», которые в будущем могут себя успешно зарекомендовать в профессии. Данные проблемы имеют комплекс причин, в основном не связанных с деятельностью вуза и качеством обучения в нем, что позволяет их квалифицировать как «трудно разрешаемые» или «не разрешаемые» в процессе работы с обучающимися. Среди таких проблем можно отметить:

- низкий уровень языковой подготовки выпускников средних общеобразовательных заведений, под которым мы подразумеваем отсутствие достаточного объема знаний о системе языка, низкую степень коммуникативной грамотности и коммуникативного потенциала у абитуриентов, что ведет к неумению правильно строить развернутые высказывания, средствами языка оказывать должное воздействие на адресата (читателя, радиослушателя, телезрителя);

- ограниченность читательского опыта, культурного кругозора, что напрямую влияет на способность к грамотной репрезентации своих мыслей, своего видения темы, события;

- отсутствие прямой заинтересованности в процессах создания и распространения новостей, декомпенсирующей представлением о профессии корреспондента как о сравнительно легкой, а об обучении журналистике – как об относительно доступном на современном рынке образовательных услуг.

В результате преподаватели имеют дело с абитуриентами, лично и коммуникативно не готовыми к обучению профессии журналиста. Лишь малая часть выпускников впоследствии уходит в СМИ, но и там результаты их работы не всегда впечатляют. Происходит закономерное падение рейтингов медиаизданий, которое В.В. Тулупов называет «катастрофическим» [Тулупов 2006: 38]. Постоянно возникают «конфликты между работодателями (издателями, владельцами СМИ), нацеленными либо на получение прибыли, либо на выполнение политического заказа, и выпускниками» [Тулупов 2006: 38], не являющимися в большинстве своем грамотными коммуникаторами. Одновременно с этим наблюдается и обратный процесс – талантливые выпускники средних общеобразовательных заведений упускают бесценное время и хорошую возможность овладеть «своей» профессией, той, к которой у них есть природные склонности и способности. Годами позже они, как правило, пробуют себя в гражд-

данской журналистике, пополняя число блогеров, однако для вуза данный контингент потенциальных студентов остается нереализованным.

Сказанное определяет необходимость поиска и разработки эффективных форм рекрутинга перспективных студентов для отделения «Журналистика», грамотных, коммуникативно развитых, в полной мере осознающих, куда и для чего они поступают, планирующих свою будущую профессиональную деятельность в СМИ. Такие формы предусматривают работу вуза с будущими выпускниками еще в процессе их школьного обучения, а следовательно, выступают одновременно формами профориентационной работы и дополнительного образования для старшеклассников. С.В. Полутин усматривает в этом проявление кластерного подхода к организации образовательной системы – «структурирования профессионального образования в образовательно-производственные комплексы на основе интеграции имущественного, кадрового или интеллектуального потенциала учебных заведений разного уровня, предприятий региона в целях достижения высокой результативности подготовки кадров» [Полутин 2009: 98]. Кластерный подход к формированию системы профессионального образования расширяет полномочия и спектр деятельности вузов, однако именно они и оказываются от этого в наибольшем выигрыше.

В русле названных проблем особую актуальность приобретает системный анализ форм профориентационной работы со старшеклассниками и их дополнительного образования на базе вузов, к которым относятся занятия в «Школе молодого журналиста». «Школа молодого журналиста» была открыта в 2008 г. с учетом интересов будущих абитуриентов, их родителей, педагогов. Отличаясь подчеркнутой коммуникативной направленностью, «Школа молодого журналиста» создает эффект погружения в различные профессиональные ситуации, акцентирует внимание на коммуникативном совершенствовании учащихся, обеспечивает углубление их знаний по ряду филологических дисциплин, обучает моделированию и прогнозированию поведения в различных видах деятельности, связанных с работой СМИ, способствует профессиональному самоопределению школьников в целом. Со времени открытия «Школы молодого журналиста» более 100 выпускников получили сертификаты на дополнительные баллы при поступлении на специальность «Журналистика» в вуз, которыми успешно воспользовались около 40 %.

Подчеркнем, что педагогический и профориентационный опыт «Школы молодого журналиста» в реалиях образовательной системы современной России не уникален. Данная форма дополнительного образования старшеклассников в рамках профориентационной работы настолько востребована в обществе, что подобного рода учреждения активно возникают не только при вузах, но и по частной инициативе педагогов, обладающих колоссальным опытом в журналистике. Можно отметить их преимущество с зарубежными организациями такого порядка, описанными, в ча-

стности, Ф. Фульчинити¹. В рамках исследования мы познакомились с деятельностью нескольких таких школ – «Школы молодого журналиста» при Казанском федеральном университете², «Школы юного журналиста» при факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова³, интернет-школы НИУ ВШЭ «Школа журналистики и медиакоммуникаций»⁴, а также с порядком обучения на подготовительных курсах факультета журналистики Челябинского государственного университета, описанном в статье А.А. Журавлевой [Журавлева 2017], выявив отсутствие последовательного научно-методического осмысления коммуникативного моделирования профессиональных ситуаций в довузовском обучении. Учитывая распространенность феномена «школа журналистики», сходства в деятельности подобных организаций, вполне можно говорить о достаточно устоявшейся технологии коммуникативного обучения, своевременное изучение которой позволит наметить пути ее дальнейшего развития, повышения эффективности и результативности в современных образовательных условиях.

Цель исследования заключается в рассмотрении технологии коммуникативного моделирования профессиональных ситуаций в довузовском обучении (на примере «Школы молодого журналиста» Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева), в выявлении эффективности подобных форм коммуникативно-ориентированного обучения в содержании профориентационной работы со старшеклассниками по специальности «Журналистика».

2. Обзор научной литературы

В научном осмыслении данного вопроса рядом отечественных ученых уже предприняты определенные шаги, которые мы учитывали в нашей работе.

Методологическое значение для нас имеет утверждение М.Ф. Поповой о необходимости широкого внедрения профориентационного обучения школьников журналистике, поскольку данная профессия, как никакая другая, нуждается в непрерывном профессиональном и коммуникативном развитии будущих специалистов [Попова 2017].

Сущностный аспект функционирования школ журналистики затрагивается в работах Р.П. Баканова, Л.П. Бондаренко, В.В. Никулиной, М.А. Бережной. Л.П. Бондаренко и В.В. Никулина подчеркивают воспитательное значение профориентации средствами медиаобразования [Бондаренко, Никулина 2018], М.А. Бережная ставит во главу угла эстетический аспект

¹ *Fulciniti F.* SAT / ACT Prep Online Guides and Tips. The 12 Best Journalism Schools. URL: <https://blog.prepscholar.com/best-journalism-schools>.

² URL: <https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-zhurnalistiki/kafedra-zhurnalistiki/abiturientu/abiturientu>.

³ URL: <http://www.journ.msu.ru/entry/school/>.

⁴ URL: <https://fdp.hse.ru/ischool/media/>.

подобного рода обучения [Berezhnaia 2019]. Р.П. Баканов рассматривает дополнительное образование учащихся школ по программе «Журналистика» в качестве профессионального скрининга – отбора тех людей для профессии, которым она действительно подходит [Баканов 2018, 2019].

Технологический аспект использования медиаобразования в профориентационной работе со старшеклассниками освещается в исследованиях А. Андреевой, О. Петровой, И. Беляковой [Andreeva et al. 2018], С. Виноградовой, Г. Мельник, К. Панцерева [Vinogradova et al. 2018], Е.В. Выровцевой [Vyrovvtseva 2019], В.А. Горновой [Горновая 2014, 2015], А.А. Журавлевой [Журавлева 2017], С.Г. Корконосенко [Korkonosenko 2018], О.М. Культышевой [Kultysheva 2018], С.С. Распоповой [Распопова 2016], И.А. Фатеевой [Фатеева 2015], которые акцентируют необходимость широкого применения практической работы и информационно-коммуникационных технологий в деятельности школ журналистики. Их внимание концентрируется на медиапроектах как средстве развития медиакомпетентности учащихся, наличие которой, по мнению С. Виноградовой, Г. Мельник, К. Панцерева, сегодня является одним из определяющих факторов на медиарынке труда [Vinogradova et al. 2018]. Теоретико-практическое осмысление интегрированного обучения на основе сочетания коммуникативных и информационно-коммуникационных технологий проводится в исследовании О.М. Культышевой [Kultysheva 2018]. В.А. Горновая [Горновая 2014, 2015] описывает опыт внедрения медиаобразовательных проектов, включающих в себя «весь спектр действий, которые осуществляются молодежной редакцией: от создания журналистского продукта до проведения спецпроектов» [Горновая 2015: 5]. А.А. Журавлева, И.А. Фатеева видят в медиаобразовательных проектах интерактивную форму работы, направленной на коммуникативное совершенствование и творческое раскрепощение обучающихся [Журавлева 2017; Фатеева 2015], С.С. Распопова – основу современного медиаобразования в целом [Распопова 2016]. Согласно наблюдениям А.А. Журавлевой, «работа над медиаобразовательным проектом запускает у абитуриентов медиаактивность, пробуждает интерес, выявляет и развивает способности к медиаторчеству» [Журавлева 2017: 100]. Е.В. Выровцева проводит мысль о важности использования жанра интервью в профориентационной работе со школьниками и абитуриентами, считая его наделенным максимальным коммуникативно-развивающим потенциалом и потому перспективным в образовательной деятельности такого характера [Vyrovvtseva 2019].

3. Материал и методы исследования

В качестве материала исследования использовались:

- общий учебный план «Школы молодого журналиста»;
- учебные планы курсов по журналистскому мастерству в «Школе молодого журналиста» различных преподавателей;

– рабочие программы «Школы молодого журналиста» для выпускников средних общеобразовательных учреждений г. Саранска и Республики Мордовия.

При рассмотрении коммуникативного моделирования профессиональных ситуаций в довузовском обучении (на примере «Школы молодого журналиста» Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева) и определении степени эффективности подобных форм коммуникативно-ориентированного обучения в содержании профориентационной работы со старшеклассниками по специальности «Журналистика» мы применяли следующие методы:

– мониторинг образовательных программ «Школы молодого журналиста» для выпускников средних общеобразовательных учреждений и старшеклассников, учебных планов преподавателей;

– их структурно-содержательный анализ с целью выявления коммуникативно-ориентированных методов и приемов работы с обучающимися в рамках моделирования профессиональных ситуаций;

– метод проектирования при описании технологии коммуникативно-ориентированного обучения в довузовском обучении.

4. Результаты исследования

Анализ учебной документации «Школы молодого журналиста» показал, что основными целевыми установками профориентационной работы здесь выступают следующие:

– дать представление о журналистике как виде социальной деятельности, особенностях работы в газете и журнале, интернет-издании, на телевидении и радио;

– способствовать формированию базовых умений и навыков создания журналистских произведений;

– познакомить с основными категориями дисциплины «Журналистика»; способствовать развитию базовых представлений о современных моделях журналистики, СМИ, функциях журналистики, профессиональной этике;

– сформировать у школьников представление об особенностях проведения и специфических требованиях, выставленных на экзамене «Творческий конкурс», а также дать рекомендации по подготовке к этому вступительному испытанию.

Данными целевыми установками обусловлен органичный синтез теоретической и практической работы в технологии коммуникативного моделирования профессиональных ситуаций в довузовском обучении на базе «Школы молодого журналиста». Технология основана на принципах личностно-ориентированного образования, направлена на формирование личностных структур эффективного работника СМИ, рассчитана на широкое применение эвристического, прогностического методов. Технология

коммуникативного обучения старшеклассников и выпускников средних общеобразовательных заведений включает в себя несколько взаимосвязанных уровней:

1. Теоретический уровень, предусматривающий знакомство с теоретическими понятиями и сведениями по разделам: «Введение в журналистику», «Основы творческой деятельности», «Интернет и журналистика», «Основы редактирования», «Этническая толерантность в СМИ», «Телевизионная и радиожурналистика», «Актуальные проблемы современности и СМИ». Используется интерактивная подача материала, подразумевающая, с одной стороны, «обратную связь» с учащимися, с другой стороны, соотнесение теоретических знаний с конкретными профессиональными ситуациями:

– редактор печатного и редактор сетевого издания: в чем заключаются функциональные отличия и уровень требований к коммуникативной и языковой грамотности;

– информационная заметка посвящена преступному деянию, совершенному представителем малой народности, – стоит ли обращать внимание на его национальность и какие проблемы в связи с этим можно затронуть в материале;

– журналист и блогер – где пролегает граница, и какова степень ответственности в подаче новостной информации.

2. Практический уровень, предполагающий проведение:

1) мастер-классов известных представителей региональных СМИ в форме: а) беседы; б) интервью; в) ролевой игры на проектирование поведения корреспондента в сложных профессиональных ситуациях (незапланированная встреча, отказ, обвинение, заказ материала и т. д.); в качестве почетных гостей «Школы молодого журналиста» приглашались: редактор «Столицы С» В. Холопов, редактор газеты «Голос университета» Н. Егорова, редактор журнала Fox magazine Д. Литвиненко, репортер ВГТРК В. Мишанин, редактор газеты «Диалог» О. Родькина; знакомство и общение с представителями СМИ, занимающими разные должности в региональных медиаизданиях, дают возможность школьникам и абитуриентам посмотреть на будущую профессию с разных точек зрения, сформировать понимание требований к корреспонденту, предъявляемых на разных ступенях журналистского дела;

2) ознакомительных экскурсий в Дом печати, редакции газет «Известия Мордовии», «Юлдаш», «Сударыня», «Эрзянь правда», «Мокшень правда», «Республика Молодая», на радиостанцию «Милицейская волна – Саранск», на базу телерадиокомпании «Огарев TV»;

3) практических тренингов на базе различных аудиовизуальных СМИ Республики Мордовия: редакции газеты «Голос Мордовского университета», телестудии «Огарев TV», газеты «ТВ неделя Мордовии» и др. Темы тренингов: «Мастерство в радиоэфире», «Мастерство в телеэфире», «Аку-

лы пера»; тренинг предусматривает широкое коммуникативное взаимодействие с коллективами медиаизданий, включение в рабочий процесс, частичное выполнение обязанностей корреспондентов, операторов, ведущих, дизайнеров.

3. Творческий уровень, означающий:

1) деловые игры (например, на тему «Я – репортер»);

2) письменное моделирование коммуникативного поведения в различных профессиональных ситуациях и творческую интериоризацию приобретенных теоретических знаний и практических умений и навыков в области СМИ; профессиональные ситуации в данном случае заданы в темах сочинений: «Простая история» (событие в медиакоммуникации), «Культурная революция»: предлагаю тему для передачи», «Запретная тема», «На злобу дня», «Герои, которых выбираем мы», «Хроника дня», «Реалити-шоу “Школа”: сценарная разработка», «Утро на телевидении», «Моя национальная идея»; среди рекомендуемых жанров: интервью, репортаж, хроника, сценарий, эссе (очерк).

5. Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Осуществление филологических факультетами вузов профориентационной работы и дополнительного образования сегодня – результат гибкости проводимой ими образовательной политики в соответствии с запросами современного общества, ситуацией на рынке образовательных услуг. Повышение во всех сферах жизни роли различных видов коммуникации обуславливает пристальное внимание к СМИ и транслируемой ими новостной информации, что означает спрос на грамотных, квалифицированных журналистов. Ощущается необходимость в рекрутинге студентов, в полной мере представляющих себе специфику профессии и трезво оценивающих свои способности в области массмедиа, обладающих высоким коммуникативным потенциалом, пишущих, легко выстраивающих продуктивный диалог, хорошо проявляющих себя в общении. Задачи рекрутинга лично и коммуникативно подготовленных к журналистской деятельности студентов, их профессионального тренинга и начального обучения профессии призвана решать такая форма профориентационной работы, как «Школа молодого журналиста», открытая на базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева.

2. Актуальной проблемой научно-дидактического осмысления деятельности школ журналистики остается рассмотрение технологии коммуникативного моделирования профессиональных ситуаций, составляющей основу учебного взаимодействия в рамках начального обучения профессии корреспондента. В данной технологии коммуникативно-ориенти-

рованного образования мы выделили три уровня: теоретический, практический и творческий, – соответствующие этапам восприятия информации, каждый из которых реализуется в ряде форм учебной деятельности (мастер-классы, тренинги, экскурсии в редакции региональных СМИ, сочинения и т. д.).

3. Особую важность приобретают: интерактивная работа в рамках «Школы молодого журналиста», выстроенная по моделям «ученик ↔ педагог», «ученик ↔ работник СМИ»; прогнозирование, проектирование, включение в рабочий процесс региональных массмедиа; творческая интериоризация полученных знаний, умений и навыков, в совокупности формирующие максимально полное представление о профессии корреспондента, помогающие решить вопрос о собственной профпригодности, сделать правильный выбор в будущем.

Список литературы

- Баканов Р.П.* Профориентационная работа в высшей школе журналистики и медиакоммуникаций: опыт, идеи, перспективы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1. С. 12–24.
- Баканов Р.П.* «Айда на журфак!»: опыт профориентационной работы высшей школы журналистики и медиакоммуникаций КФУ // Медиаобразование: материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 27–28 нояб. 2018). Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2018. С. 166–170.
- Бондаренко Л.П., Никулина В.В.* К вопросу об интеграции основного общего и дополнительного образования школьников // Педагогика сегодня: проблемы и решения: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2018 г.). Казань: Молодой ученый, 2018. С. 76–78.
- Горновая В.А.* Особенности использования социальных сетей при реализации медиаобразовательных проектов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 1. С. 5–8.
- Горновая В.А.* Конкурс образовательных программ «ImPRO» как способ формирования медиаграмотности школьников // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2014. № 2. С. 5–12.
- Журавлева А.А.* Медиаобразовательный проект как системообразующее звено работы подготовительных курсов факультета журналистики Челябинского государственного университета // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4. С. 100–106.
- Полутин С.В.* Университет в структуре образовательно-производственного кластера // Интеграция образования. 2009. № 1. С. 98–101.
- Попова М.Ф.* Технологии довузовской подготовки школьников к профессии журналиста в условиях Воскресной школы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 1. С. 133–137.
- Распопова С.* Как работать с детьми, мечтающими попасть на ТВ // Журналист. 2016. № 12. С. 70–71.
- Тулупов В.В.* Проблемы медиаобразования в области журналистики // Успехи современного естествознания. 2006. № 10. С. 37–39.

- Фатеева И.А. Актуальные проблемы медиаобразования. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. 129 с.
- Andreeva A., Petrova O., Belyakova I. Total journalism in developing media competence among youth // *Media Education (Mediaobrazovanie)*. 2018. No. 1. P. 56–67.
- Berezhnaia M.A. Aesthetic criteria in journalism in the Aspect of professional education // *Media Education (Mediaobrazovanie)*. 2019. No. 2. P. 207–215. DOI: 10.13187/me.2019.2.207.
- Korkonosenko S.G. Methods of Teaching Journalism as academic course in higher school // *Media Education (Mediaobrazovanie)*. 2018. No. 3. P. 16–23. DOI: 10.13187/me.2018.3.80.
- Kultyshcheva O.M. Integrated classes in teaching students communication training areas // *Media Education (Mediaobrazovanie)*. 2018. No. 4. P. 83–94. DOI: 10.13187/me.2018.4.83.
- Vinogradova S., Melnik G., Pantserev K. Transformation of media education in the digital age: to the issue of training specialists in the field of communications // *Media Education (Mediaobrazovanie)*. 2018. No. 1. P. 18–27.
- Vyrovitseva E.V. Interview genre in modern newspaper (the example of newspaper «Arguments and facts»): language means of dialogics // *Sign: problematic field of media education*. 2019. No. 3 (33). P. 130–137. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10316.

References

- Andreeva, A., Petrova, O., Belyakova, I. (2018), Total journalism in developing media competence among youth. *Media Education*, no. 1, pp. 56-67.
- Bakanov, R. (2019), Professional orientation work at the Higher school of journalism and media communications of Kazan (Volga river) Federal University: experience, ideas, prospects. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 1, pp. 12-24. (in Russian).
- Bakanov, R.P. (2018), “Aida na zhurfak!”: opyt proforientatsionnoi raboty vysshei shkoly zhurnalistiki i mediakommunikatsii KFU [“Let's go to study in the faculty of Journalism!”: experience of career guidance work of the higher school of journalism and media communications of KFU]. *Mediaobrazovanie* [MediaEducation], materials of the 3rd international scientific and practical conference (Chelyabinsk, November 27-28, 2018), Chelyabinsk, Chelyabinsk State University publ., pp. 166-170. (in Russian).
- Berezhnaia, M.A. (2019), Aesthetic criteria in journalism in the Aspect of professional education. *Media Education*, no. 2, pp. 207-215. DOI: 10.13187/me.2019.2.207.
- Bondarenko, L.P., Nikulina, V.V. (2018), K voprosu ob integratsii osnovnogo obshchego i dopolnitel'nogo obrazovaniya shkol'nikov [On the issue of integration of basic General and additional education of schoolchildren]. *Pedagogika segodnya: problemy i resheniya* [Pedagogy today: problems and solutions], materials of the 3rd International scientific conference (Kazan, March 2018), Kazan, Molodoi uchyonyi publ., pp. 76-78. (in Russian).
- Fateeva, I.A. (2015), *Aktual'nye problemy mediaobrazovaniya* [Actual problems of media education], Chelyabinsk, Chelyabinsk State University publ., 129 p. (in Russian).

- Gornovaya, V.A. (2015), Features of using social networks in the implementation media education projects. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 1, pp. 5-8. (in Russian).
- Gornovaya, V.A. (2014), Educational programs competition «ImPRO» as a method of forming media literacy generation. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 2, pp. 5-12. (in Russian).
- Korkonosenko, S.G. (2018), Methods of Teaching Journalism as academic course in higher school. *Media Education*, no. 3, pp. 16-23. DOI: 10.13187/me.2018.3.80.
- Kultyшева, O.M. (2018), Integrated classes in teaching students communication training areas. *Media Education*, no. 4, pp. 83-94. DOI: 10.13187/me.2018.4.83.
- Polutin, S.V. (2009), University in the structure of a learning and practice class. *Integration of Education*, no. 1, pp. 98-101. (in Russian).
- Popova, M.F. (2017), Technology preparatory training students to the profession of journalism in the sunday school. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 1, pp. 133-137. (in Russian).
- Raspopova, S. (2016), Kak rabotat' s det'mi, mechtayushchimi popast' na TV [How to work with children who dream of getting on TV]. *Zhurnalist*, no. 12, pp. 70-71. (in Russian).
- Tulupov, V.V. (2006), Problems of the formation in the field of periodical press. *Advances in current natural sciences*, no. 10, pp. 37-39. (in Russian).
- Vinogradova, S., Melnik, G., Pantserov, K. (2018), Transformation of media education in the digital age: to the issue of training specialists in the field of communications. *Media Education*, no. 1, pp. 18-27.
- Vyrovtsseva, E.V. (2019), Interview genre in modern newspaper (the example of newspaper “Arguments and facts”): language means of dialogics. *Sign: problematic field of media education*, no. 3 (33), pp. 130-137. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10316.
- Zhuravleva, A.A. (2017), Media education project as forming system of the work of preparatory courses of the faculty of journalism of Chelyabinsk State University. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 4, pp. 100-106. (in Russian).

COMMUNICATION MODELLING OF PROFESSIONAL SITUATIONS IN PRE-UNIVERSITY TRAINING (ON THE EXAMPLE OF THE “SCHOOL OF A YOUNG JOURNALIST” AT OGAREV MORDOVIAN STATE UNIVERSITY)

N.M. Frolova

National Research Ogarev Mordovian State University (Saransk, Russia)

Abstract: Vocational guidance work with pupils and school-leavers carried out by the universities in the specialty “Journalism”, due to the need to increase the communication level of students, quality of students recruiting and screening professional, which consists in identifying the readiness to implement professional activities in the media. A productive form of professional orientation work today is the school of journalism, which has proven itself well in the market of educational services in Russia and abroad, and is gaining great popularity among those

high school students who, having an interest in the profession of a correspondent, doubt the correctness of their choice. The problem area of coverage of the activities of such schools remains the method of working with students, characterized by an emphasized communicative orientation. The purpose of the study is to consider the technology of communicative modeling of professional situations in pre-University education. The study material was compiled by the curriculum and plans of the “School of young journalist”, which has been functioning at the National Research Ogarev Mordovian State University since 2008. The training documentation was subjected to structural and content analysis. Based on the results obtained, the technology of communicative modeling of professional situations was designed and described in detail within the framework of the “School of a young journalist”, which is carried out in the process of vocational guidance work of the University.

Key words: media education, vocational guidance, professional screening, recruitment, applicant, School of a young journalist, communication modelling, training.

For citation:

Frolova, N.M. (2020), Communication modelling of professional situations in pre-university training (on the example of the “School of a young journalist” at Ogarev Mordovian State University). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 922-934. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).922-934. (in Russian).

About the author:

Frolova, Natalia Mikhailovna, PhD, Associate Professor of the Department of Journalism

Corresponding author:

Postal address: 68/1, Bol'shevistskaya ul., Saransk, 430005, Russia

E-mail: nmfrol@mail.ru

Received: February 19, 2020

Revised: February 22, 2020

Accepted: November 2, 2020

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.В. Шматко¹, О.Н. Ткаченко², Н.А. Анашкина³

^{1,2,3} Омский государственный технический университет (Омск, Россия)

Аннотация: Коммуникативная компетентность является базовым качеством специалистов медиакоммуникационных направлений, так как их профессиональная деятельность связана с осуществлением эффективных коммуникаций. В статье описана методика эксперимента по формированию коммуникативной компетентности у студентов направления «Реклама и связи с общественностью», которая включает критерии оценки коммуникативной деятельности специалистов этой сферы. В методике учитывается воздействие цифровых технологий на коммуникативные навыки студентов, необходимость синхронизации их коммуникационных взаимодействий в социальной и цифровой реальности. В статье представлена разработанная авторами шестилетняя модель формирования коммуникативной компетентности у студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью». При характеристике ее уровней приведены цифровые технологии, которые осваивали студенты в ходе обучения, чтобы сформировать необходимые мотивационные установки, знания, навыки и умения в области коммуникаций. В результате апробации предложенной модели участники эксперимента, у которых отсутствовала врожденная предрасположенность к профессиональной деятельности по рекламе и связям с общественностью, смогли приобрести необходимые навыки управления коммуникациями. Участники с врожденными задатками к этой профессии также улучшили эффективность своих коммуникаций с помощью самостоятельного подбора цифровых инструментов, подходящих под конкретную коммуникационную задачу. Такая положительная динамика подтверждает актуальность разработанной модели для подготовки конкурентоспособных специалистов. Она может применяться и для других образовательных направлений при освоении студентами универсальной компетенции делового общения.

Ключевые слова: модель формирования коммуникативной компетентности, цифровые технологии, направление подготовки «Реклама и связи с общественностью», уровень коммуникативного контроля, критерии оценки эффективности коммуникаций.

Для цитирования:

Шматко М.В., Ткаченко О.Н., Анашкина Н.А. Формирование коммуникативной компетентности у студентов медиакоммуникационных направлений с помощью цифровых технологий // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 4. С. 935–948. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).935-948.

Сведения об авторах:

¹ **Шматко Марианна Владимировна**, канд. филос. наук, доцент кафедры «Математические методы и информационные технологии в экономике»

² **Ткаченко Ольга Николаевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры «Математические методы и информационные технологии в экономике»

³ **Анашкина Наталья Александровна**, канд. филос. наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации»

Контактная информация:

^{1,2,3} Почтовый адрес: 644050, Россия, Омск, пр. Мира, 11

¹ E-mail: marin298@gmail.com

² E-mail: olya-aylo@yandex.ru

³ E-mail: sofya@rambler.ru

Дата поступления статьи: 28.04.2020

Дата рецензирования: 19.05.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

Введение

Коммуникативные навыки студентов постоянно трансформируются под воздействием цифровых технологий, что требует выработки новых педагогических подходов к формированию коммуникативной компетентности [Шматко, Савченко 2016; Самсонова 2017; Акимова, Щербин 2018]. Эта проблема особенно актуальна для подготовки специалистов направления «Реклама и связи с общественностью» (далее – РСО), чья профессиональная деятельность связана с построением эффективных многоканальных коммуникаций.

Рассмотрим понятие «коммуникативная компетентность». Впервые в научное обращение этот термин был введен американским ученым Д. Хаймсом в середине 1960-х гг. в рамках его психолингвистического исследования. Концепция коммуникативной компетентности, разработанная Д. Хаймсом, строится на идее «гибкости» языка коммуникатора. Под языковой «гибкостью» исследователь понимает «умение человека быстро включаться в межкультурную коммуникацию, в ходе которой он демонстрирует владение не только различными языками, но и речевыми конструкциями, учитывающими социальный статус, профессию, семей-

ное положение, религию и культурные особенности собеседника» [Нумес 1972: 270].

Интерес также представляет подход английского психолога Дж. Равена, разграничившего понятия «компетенция» и «компетентность». С его точки зрения, компетентность – это «отличительное свойство одной личности от другой по степени сформированности у нее компетенций, актуальных для современного общества (а не только для определенной профессии или предприятия), а также по наличию или отсутствию системности их применения в рамках любой жизненной ситуации – профессиональной и внепрофессиональной» [Raven 1984: 15].

В своей работе Дж. Равен не раскрывает механизма перехода от обучения личности набору необходимых ей компетенций к формированию у нее компетентности. Такую функциональную нагрузку выполняет коммуникативная компетентность. По мнению известного российского психолога А.В. Карпова, коммуникативная компетентность – это «важнейшее качество личности, выступающее в качестве базы для синтеза ее общепрофессиональной культуры» [Карпов, Орел, Тернополь 2003: 78]. Другой российский специалист в области социальной психологии Ю.Н. Емельянов говорит о коммуникативной компетентности как об адаптационном механизме, позволяющем личности выстраивать свое социальное поведение и свободно корректировать его в зависимости от ситуации с помощью вербальных и невербальных средств [Емельянов 1990].

Говоря о проблеме формирования коммуникативной компетентности, стоит отметить исследования отечественных психологов Е.В. Бондаревской, С.И. Осиповой и Г.К. Селевко. Их работы послужили основой для рассмотрения студента в качестве субъекта, который при создании определенных условий в образовательном процессе переориентируется на активное развитие навыков и знаний, требуемых для формирования коммуникативной компетентности [Бондаревская 2016; Осипова 2014; Селевко 2004]. А исследования таких известных советских и российских психологов, как Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн, определили основу для включения интерактивных методов в модель формирования и развития коммуникативной компетентности студентов вуза [Выготский 2005; Леонтьев 2001; Рубинштейн 2002]. Также в своем исследовании мы опирались на работы Б.Х. Кривицкого, Е.С. Полат, С.А. Христочевского, в которых студент определяется как участник образовательной коммуникации, способный управлять ею посредством цифровых технологий для повышения уровня сформированности своих компетенций [Кривицкий 2007; Полат 2000; Христочевский 2000].

Цель эмпирического исследования состоит в разработке модели формирования коммуникативной компетентности у студентов РСО, которая обеспечит синхронное управление коммуникационными процессами в социальной и цифровой реальности.

Выборка и методика исследования

Исследование проводилось с февраля по декабрь 2019 г., а экспериментальной базой для него стал опорный вуз Омского региона – Омский государственный технический университет (далее – ОмГТУ). В нем приняли участие 64 студента направления 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью»: 27 студентов с 1-го по 3-й курс очной формы обучения (три учебные группы в полном составе) и 37 студентов 1-го и 2-го курсов заочной формы обучения (две учебные группы в полном составе). Исследование проводилось путем организации констатирующего, формирующего и контрольного экспериментов.

Констатирующий эксперимент был направлен на оценку психофизиологической предрасположенности его участников к управлению коммуникациями в повседневной жизни. С этой целью использовался диагностический метод М. Шнайдера [Фетискин, Козлов, Мануйлов 2002: 120–121]. По его результатам были сформированы две команды: в первую отобраны студенты с низким и средним уровнем коммуникативного контроля, во вторую – студенты с высокой степенью регулирования своего коммуникативного поведения.

Формирующий эксперимент проводился с февраля по июнь 2019 г. Его целью была апробация шестиуровневой модели формирования коммуникативной компетентности, разработанной авторами с учетом специфики будущей профессиональной деятельности студентов РСО. Для участников эксперимента был организован факультативный курс «Технологии эффективных коммуникаций», который проводился в компьютерном классе с мультимедийным оборудованием. На лекционных занятиях обеим командам представлялись цифровые технологии – сервисы, приложения и программы, отобранные для последовательного освоения каждого уровня модели. Их функции были продемонстрированы студентам на базе специально созданных под этот курс аккаунтов в социальных сетях «ВКонтакте» и Instagram, а также на базе сообщества в мессенджере Viber.

На практических занятиях каждая команда должна была разработать концепцию и организовать свое мероприятие, ориентированное на привлечение абитуриентов в ОмГТУ, а также обеспечить его продвижение среди школьников 9–11 классов посредством различных каналов коммуникации.

Для обеспечения синхронизации коммуникаций в социальной и цифровой реальности командам было предложено осуществлять продвижение их предстоящих мероприятий в два этапа:

Этап 1. В «День открытых дверей ОмГТУ» посредством личных коммуникаций, а также специально подготовленных коммуникационных продуктов (рекламных листовок, буклетов, сувенирной продукции и т. д.)

пригласить абитуриентов и заполнить от них заявки на участие в мероприятиях каждой команды.

Этап 2. В течение недели трансформировать с помощью цифровых технологий личные аккаунты участников команд в социальных сетях для привлечения абитуриентов на мероприятие.

После проведения мероприятий была оценена эффективность коммуникаций каждой из команд при выполнении этого соревновательного задания. Она осуществлялась на основе критериев, применяемых для анализа коммуникационной деятельности специалиста РСО: количество пришедших на мероприятие абитуриентов; количество и соотношение положительных и отрицательных отзывов от абитуриентов, оставленных в сообществе мероприятия «ВКонтакте» и Instagram после его проведения; количество абитуриентов, вступивших в официальные сообщества РСО ОмГТУ в социальных сетях.

В рамках **контрольного эксперимента** (сентябрь – декабрь 2019 г.) была произведена оценка освоения модели студентами. На практических и лабораторных занятиях по нескольким профессиональным дисциплинам («Теория и практика рекламы и связей с общественностью», «Основы интегрированных коммуникаций», «Информационные технологии в рекламе и связях с общественностью», «Режиссура рекламы») участники эксперимента разрабатывали и защищали различные коммуникационные продукты: макеты рекламных материалов и сайтов, пресс-релизы и посты в социальных сетях, корпоративные стикеры для мессенджеров и т. д.

На этом этапе было необходимо отследить, продолжают ли студенты самостоятельно следовать уровням модели; производить оценку эффективности коммуникационных продуктов; применять цифровые технологии, которые ими были освоены на первом этапе; искать новые цифровые инструменты для повышения эффективности разрабатываемых коммуникационных продуктов; использовать свои аккаунты в социальных сетях в качестве инструмента управления коммуникациями.

В ходе наблюдения за выполнением индивидуальных заданий, а также по результатам анализа эффективности разработанных коммуникационных продуктов и их защиты стало возможным оценить изменение уровня коммуникативной компетентности участников эксперимента – студентов РСО.

Модель формирования коммуникативной компетентности

При разработке модели формирования коммуникативной компетентности у студентов РСО учитывались следующие особенности их будущей профессиональной деятельности.

Во-первых, для специалиста в этой сфере коммуникативная компетентность является обязательным профессиональным качеством и со-

стоит в умении использовать коммуникационный процесс в качестве инструмента достижения экономических показателей, таких как увеличение количества клиентов, продаж, прирост прибыли.

Во-вторых, реализация коммерческих целей специалистом PCO обеспечивается путем управления и синхронизации коммуникационных процессов в социальной и цифровой реальностях.

Представим разработанную авторами шестиуровневую модель формирования коммуникативной компетентности, которая базируется на формуле «компетентность = хочу + знаю + умею + делаю» и включает перечень цифровых технологий для эффективного освоения каждого уровня:

Уровень 1. Смена мотивационной установки студента: «Коммуникация – это управляемый процесс со стороны специалиста PCO, направленный на достижение коммерческих целей». Реализуется через наглядную демонстрацию эффекта от освоения и использования в своих личных аккаунтах цифровых креаторов, таких как Instamask.art или функции «Маска» в социальной сети «ВКонтакте», либо программ по созданию фирменных стикеров, например таких, как Sticker Maker for WhatsApp или Sticker Tools.

Уровень 2. Формирование представления о цифровой реальности как о базе технологий, которые позволяют специалисту PCO решать разного рода профессиональные задачи, направленные на формирование и управление системой коммуникаций с различными целевыми аудиториями. Этот уровень реализуется путем освоения функций управления коммуникациями с помощью таких цифровых систем, как «Яндекс.Директ», «2ГИС», «МТС Маркетолог», My Target, а также функций рекламного кабинета в социальных сетях Facebook, «ВКонтакте» и YouTube.

Уровень 3. Обучение методам непрерывного исследования целевой аудитории как объекта коммуникационного воздействия, их сегментации по демографическим, территориальным, социально-экономическим и психографическим параметрам, анализа их информационных потребностей (содержания сообщений, каналов их получения и способов кодирования) с применением следующих цифровых технологий: Pepper ninja, «Церебро Таргет», Segmento, Google Analytics, «Яндекс.Метрика».

Уровень 4. Обучение технологиям проектирования гибкой системы коммуникаций и планирования в рамках нее деятельности специалиста PCO на основе таких цифровых сервисов и программ, как Project Manager, SMMplanner, Hootsuite, Mindmup 2, MindMeister, Trello.

Уровень 5. Овладение навыками синхронной реализации коммуникационных взаимодействий с различными целевыми аудиториями в социальном и цифровом пространстве на платформе известных социальных сетей и мессенджеров (Viber, Telegram, WhatsApp) и их функционала

(увеличение числа подписчиков, количества комментариев, отзывов, «лайков», участников опросов и т. д.).

Уровень 6. Получение навыков оценки коммуникативной и экономической эффективности профессиональной деятельности специалиста РСО с применением цифровых технологий, таких как цифровая система Optivizely, Babkee, а также YouScan и др.

Результаты исследований и их обсуждение

Представим результаты констатирующего эксперимента, полученные в ходе диагностики уровня коммуникативного контроля участников эксперимента – студентов РСО (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Уровень коммуникативного контроля участников эксперимента

Уровень	Очная форма обучения						Заочная форма обучения				Всего участников	
	1-й курс		2-й курс		3-й курс		1-й курс		2-й курс			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Высокий	6	9,4	1	1,6	7	10,9	7	10,9	9	14,1	30	46,9
Средний	2	3,1	3	4,7	1	1,6	6	9,4	7	10,9	19	29,7
Низкий	4	6,2	1	1,6	2	3,1	3	4,7	5	7,8	15	23,4

Как видно из табл. 1, только у 30 студентов РСО (46,9 % от общего количества участников эксперимента) был выявлен высокий уровень коммуникативного контроля: они имеют врожденную склонность к управлению своими коммуникациями, осуществляют подбор вербальных и невербальных средств под собеседника. У 19 студентов (29,7 %) был диагностирован средний и у 15 студентов (23,4 %) – низкий коммуникативный контроль: их поведение в коммуникационном процессе носит непосредственный и зачастую спонтанный характер, они воспринимают себя лишь как пассивных участников различных коммуникационных процессов, поддаются влиянию различных коммуникационных форм и приемов. Это делает их самих объектами коммуникационного воздействия со стороны маркетологов, специалистов РСО [Чанкова 2018; Жохова 2017; Козлова 2018].

Для проведения формирующего эксперимента участники были поделены на две команды: в команду 1 вошли студенты РСО с высоким уровнем коммуникативного контроля (30 чел.), в команду 2 – со средним и низким коммуникативным контролем (34 чел.). Результаты формирующего эксперимента, в ходе которого была апробирована шестиуровневая модель формирования коммуникативной компетентности, представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

**Эффективность коммуникаций участников эксперимента
по результатам формирующего эксперимента**

<i>Критерии оценки эффективности коммуникаций</i>	<i>Команда 1</i>	<i>Команда 2</i>
Количество абитуриентов, принявших участие в мероприятии	63	47
Количество положительных отзывов и комментариев о мероприятии, оставленных абитуриентами в социальных сетях	43	91
Количество отрицательных отзывов и комментариев о мероприятии, оставленных абитуриентами в социальных сетях	0	26
Количество абитуриентов, вступивших в сообщества РСО ОмГТУ в социальных сетях	97	213

Как видно из табл. 2, команда 2 – студентов со средним и низким коммуникативным контролем – смогла привлечь на свое мероприятие незначительно меньше абитуриентов, чем команда 1, но при этом освоение авторской модели формирования коммуникативной компетентности позволило им использовать свою врожденную эмоциональность и открытость для установления эффективных личных коммуникаций во время проведения мероприятия. Это отразилось на результатах ответной коммуникационной реакции со стороны абитуриентов, не только оставивших большое количество положительных отзывов и комментариев, но и привлечших еще дополнительно своих одноклассников в сообщество РСО. Студенты из группы 1, склонные к планированию и контролю всех элементов коммуникационного процесса, использовали полученные в ходе освоения модели цифровые технологии преимущественно для установления коммуникаций с абитуриентами посредством социальных сетей и предотвращения негативных отзывов, но при этом не смогли оказать существенного эмоционального воздействия на абитуриентов.

В рамках контрольного эксперимента была произведена оценка степени освоения шестиуровневой модели формирования коммуникативной компетентности студентами РСО. Путем наблюдения за ходом разработки коммуникационных продуктов на профессиональных дисциплинах, а также анализа их эффективности на защите, были получены результаты, представленные в табл. 3.

Представленные в табл. 3 результаты свидетельствуют, что большинство студентов обеих команд следуют уровням модели после проведения формирующего эксперимента, что говорит об эффективности предложенной авторами методики по формированию коммуникативной компетентности.

Т а б л и ц а 3

Эффективность освоения участниками эксперимента шестиуровневой модели формирования коммуникативной компетентности

Критерий оценки эффективности освоения модели участниками каждой команды	Соответствие (+ / -)	Команда 1		Команда 2	
		чел.	%	чел.	%
Следование уровням модели	+	18	60	24	71
	-	12	40	10	29
Определение критериев и осуществление по ним оценки эффективности разрабатываемых коммуникационных продуктов	+	27	90	25	74
	-	3	10	9	26
Применение освоенных цифровых технологий для управления коммуникациями	+	27	90	26	76
	-	3	10	8	24
Освоение новых цифровых инструментов для повышения эффективности разрабатываемых коммуникационных продуктов	+	25	83	15	44
	-	5	17	19	56
Использование своих аккаунтов в социальных сетях в качестве инструмента управления коммуникациями	+	28	93	28	82
	-	2	7	6	18

Как следует из табл. 3, большинство студентов РСО со средней и низкой предрасположенностью к управлению коммуникациями (команда 2) стали активно использовать цифровые технологии для повышения эффективности своей деятельности, что говорит о положительном изменении их мотивационных установок на управление коммуникационным процессом. Также положительные результаты можно отметить и в команде 1: получив в ходе формирующего эксперимента знания и навыки повышения эффективности коммуникаций с помощью цифровых технологий, студенты самостоятельно начали подбирать и интегрировать в свою деятельность новые цифровые инструменты.

Заключение

Эксперимент, в ходе которого формирование коммуникативной компетентности у студентов медиакоммуникационного направления было адаптировано под цифровую реальность с помощью шестиуровневой модели, показал положительную динамику. Студенты, у которых отсутствует врожденная предрасположенность к профессиональной деятельности по РСО, смогли приобрести навыки управления коммуникациями

(личными и опосредованными цифровыми технологиями). Студенты с врожденными задатками к этой профессии также повысили эффективность своих коммуникаций путем активного самостоятельного подбора цифровых инструментов, подходящих под конкретный коммуникационный процесс.

Эти результаты показывают, что разработанная модель позволяет не только формировать, но и развивать коммуникативную компетентность у студентов. Использование в модели цифровых технологий, повышающих эффективность коммуникаций, мотивирует студентов на установление идентичности и единства их взаимодействий в социальной и цифровой реальности.

В заключение стоит отметить, что описанная методика эксперимента и шестиуровневая модель формирования коммуникативной компетентности могут быть интегрированы не только в процесс подготовки конкурентоспособных специалистов по РСО. Они также могут применяться для других образовательных направлений при освоении студентами универсальной компетенции, связанной с осуществлением эффективных деловых коммуникаций.

Список литературы

- Акимова О.Б., Шербин М.Д.* Цифровая трансформация образования: своевременность учебно-познавательной самостоятельности обучающихся // Инновационные проекты и программы в образовании. 2018. № 1. С. 27–34.
- Бондаревская Е.В.* Опыт методологической рефлексии деятельности научной школы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (107). С. 4–14.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл, 2005. 1136 с.
- Емельянов Ю.Н.* Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1990. 38 с.
- Жохова Н.Н.* Влияние социальных сетей на поведение современной молодежи // Успехи современной науки. 2017. Т. 5, № 4. С. 199–202.
- Карпов А.В., Орел В.Е., Тернопол В.Я.* Психология профессиональной адаптации: моногр. Ярославль: Ин-т «Открытое Общество», 2003. 161 с.
- Козлова Н.Ш.* Актуальность онлайн образования для IT-специалистов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. Вып. 4. С. 80–85.
- Кривицкий Б.Х.* Обучающие компьютерные программы: психология разработки преподавателями обучающихся курсов в АСО // Educational Technology & Society. 2007. № 10 (3). С. 395–406.
- Леонтьев А.А.* Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа. 2001. № 1. С. 3–6.
- Осипова С.И.* Актуальные стратегии и тактики подготовки профессиональных кадров в вузе. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 190 с.

- Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2. С. 3–10.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
- Самсонова Н.Н. Особенности социального поведения молодежи, активно использующей различные виды интернет-коммуникаций // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2017. № 7–8. С. 60–62.
- Селевко Г.К. Педагогические компетенции и компетентность // Сельская школа. 2004. № 3. С. 29–32.
- Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Ин-т психотерапии, 2002. 488 с.
- Христочевский С.А. Электронные мультимедийные учебники и энциклопедии // Информатика и образование. 2000. № 2. С. 70–77.
- Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2018. 382 с.
- Шматко М.В., Савченко Е.А. Оценка лидерского и коммуникативного потенциала абитуриентов и студентов омских вузов // Омские социально-гуманитарные чтения: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 19–21 апр. 2016 г.). Омск, 2016. С. 220–224.
- Hymes D. On Communicative Competence // *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.
- Raven J. Competence in Modern Society: its identification, development and release. Oxford: Oxford Psychological Press, 1984. 251 p.

References

- Akimova, O.B., Shcherbin, M.D. (2018), Digital transformation of education: timeliness of educational and cognitive independence of students. *Innovative projects and programs in education*, no. 1, pp. 27-34. (in Russian)
- Bondarevskaya, E.V. (2016) Experience of methodological reflection of scientific school work. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 3 (107), pp. 4-14. (in Russian)
- Chankova, E.V. (2018), *Kommunikativnaya kompetentnost' lichnosti v usloviyakh izmenyayushcheysya sotsial'noi real'nosti* [Communicative competence of the individual in the conditions of changing social reality], Prof. Thesis, Moscow, 382 p. (in Russian)
- Emel'yanov, Yu.N. (1990), *Teoriya formirovaniya i praktika sovershenstvovaniya kommunikativnoi kompetentnosti* [The theory of formation and the practice of improving communicative competence], Author's abstract, Leningrad, 38 p. (in Russian).
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V., Manuilov, G.M. (2002), *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of the development of personality and small groups], Moscow, Institute of Psychotherapy publ, 488 p. (in Russian).
- Hymes, D. (1972), On Communicative Competence. *Sociolinguistics*, Harmondsworth, Penguin publ., pp. 269-293.

- Karpov, A.V., Orel, V.E., Ternopol, V.Ya. (2003), *Psikhologiya professional'noi adaptatsii* [Psychology of professional adaptation], Yaroslavl, Open Society Institute publ., 161 p. (in Russian).
- Khristochevskii, S.A. (2000), Elektronnye mul'timediinye uchebniki i entsiklopedii [Electronic multimedia textbooks and encyclopedias]. *Informatika i obrazovanie*, no. 2, pp. 70-77. (in Russian).
- Kozlova, N.Sh. (2018), Relevancy of on-line education for it-specialists. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 80-85. (in Russian).
- Krivitskii, B.Kh. (2007), Obuchaushchie komp'uternye programmy: psikhologiya razrabotki prepodavatelyami obuchaushchikh kursov v ASO [Educational computer programs: developmental psychology of teachers teaching courses at ASO]. *Educational Technology & Society*, no. 10 (3), pp. 395-406. (in Russian).
- Leont'ev, A.A. (2001), Chto takoe deyatelnostnyi podkhod v obrazovanii? [What is an active approach in education?]. *Nachal'naya shkola*, no. 1, pp. 3-6. (in Russian).
- Osipova, S.I. (2014), *Aktual'nye strategii i taktiki podgotovki professional'nykh kadrov v vuze* [Actual strategies and tactics of training professional personnel at a university], Krasnoyarsk, Siberian Federal University publ., 190 p. (in Russian).
- Polat, E.S. (2020), Metod proektov na urokakh inostrannogo yazyka [The method of projects in the lessons of a foreign language]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 2, pp. 3-10. (in Russian).
- Raven, J. (1984), *Competence in Modern Society: its identification, development and release*, Oxford, Oxford Psychological Press, 251 p.
- Rubinshtein, S.L. (2002), *Osnovy obshei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology], 2nd ed., St. Petersburg, Piter publ., 720 p. (in Russian).
- Samsonova, N. (2017), Special features of social behavior of young people in active use of various types of Internet communication. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series of "Cognition"*, no. 7-8, pp. 60-62. (in Russian).
- Selevko, G.K. (2004), Pedagogicheskie kompetentsii i kompetentnost' [Pedagogical skills set and competence]. *Sel'skaya shkola*, no. 3, pp. 29-32. (in Russian).
- Shmatko, M.V., Savchenko, E.A. (2016), Otsenka liderskogo i kommunikativnogo potentsiala abiturientov i studentov omskikh vuzov [Assessment of the leadership and communicative potential of applicants and students of Omsk universities]. *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya* [Omsk social and humanitarian readings], Materials of 9 International scientific and practical conference (Omsk, April 19-21), Omsk, pp. 220-224. (in Russian).
- Vygotskii, L.S. (2005), *Psikhologiya razvitiya lichnosti* [Psychology of human development], Moscow, Smysl publ., 136 p. (in Russian).
- Zhokhova, N.N. (2017), The influence of social networks on the behavior of modern youth. *Modern Science Success*, Vol. 5, no. 4, pp. 199-202. (in Russian).
-

TRAINING COMMUNICATIVE SKILLS SET AMONG STUDENTS MAJORING IN MEDIA COMMUNICATION USING DIGITAL TECHNOLOGIES

M.V. Shmatko¹, O.N. Tkachenko², N.A. Anashkina³
^{1,2,3} *Omsk State Technical University (Omsk, Russia)*

Abstract: Communicative competence is the basic quality of media communication majors, as their professional activity is associated with the implementation of effective communications. The article describes the methodology of the pedagogical experiment on the training communicative competence of students majoring ‘Advertising and public relations’, which includes criteria for assessing the communicative activity of specialists in this field. The methodology takes into account the impact of digital technology on students’ communication skills, the need to synchronize their communication interactions in social and digital reality. The main part of the article presents developed by the authors a 6-level model for the training communicative competence of students studying in the field of ‘Advertising and Public Relations’. When characterizing its levels, digital technologies are mentioned that students mastered during training in order to form the necessary motivational attitudes, knowledge, skills and abilities in the field of communications. The article describes the results obtained by testing a 6-level model of the training of communicative competence. Participants of the experiment, who lack an innate predisposition to professional activities in advertising and public relations, were able to acquire the necessary communication management skills. Participants who are innate for this profession also improved the effectiveness of their communications by independently selecting digital tools suitable for a specific communication task. Such positive dynamics confirms the relevance of the developed model for the training of competitive advertising and public relations specialists. It can be applied to other educational areas when students master the universal competence of business communication.

Key words: model of communicative competence training, digital technologies, ‘Advertising and Public Relations’ major, level of communicative control, parameters for evaluating the efficiency of communications.

For citation:

Shmatko, M.V., Tkachenko, O.N., Anashkina, N.A. (2020), Training communicative skills set among students majoring in media communication using digital technologies. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 935-948. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).935-948. (in Russian).

About the authors:

¹ **Shmatko, Marianna Vladimirovna**, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department “Mathematical methods and information technologies in economics”

² **Tkachenko, Olga Nikolaevna**, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department “Mathematical methods and information technologies in economics”

³ **Anashkina, Natalia Alexandrovna**, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department “History, philosophy and social communication”

Corresponding authors:

^{1,2,3} Postal address: 11, Mira pr., Omsk, 644050, Russia

¹ E-mail: marin298@gmail.com

² E-mail: olya-aylo@yandex.ru

³ E-mail: sofiya@rambler.ru

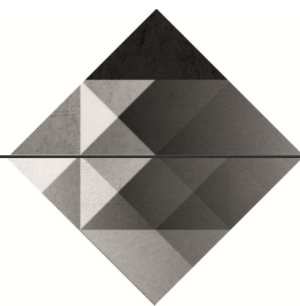
Received: April 28, 2020

Revised: May 19, 2020

Accepted: November 2, 2020

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ

Part IV

REVIEWS

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
Е.Я. ТИТАРЕНКО «ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ»
(Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. 118 с.)**

Г.Ю. Богданович

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

Аннотация: Рецензируется учебное пособие Е.Я. Титаренко «Основы славянской аспектологии» (Симферополь, 2020). Учебное пособие отражает как общепризнанные, так и дискуссионные научные положения современной аспектологии, а также нетрадиционные взгляды автора на отдельные имплицитные аспектуальные категории. В пособии содержатся тексты лекций и задания для практических занятий.

Ключевые слова: аспектология, русский глагол, фазовость, аспект.

Для цитирования:

Богданович Г.Ю. Рецензия на учебное пособие Е.Я. Титаренко «Основы славянской аспектологии» (Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. 118 с.) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 951–954. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).951-954.

Сведения об авторе:

Богданович Галина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 295007, Россия, Симферополь, пр. Вернадского, 2
E-mail: bgdnvch@mail.ru

Дата поступления статьи: 08.09.2020

Дата принятия в печать: 02.11.2020

Учебное пособие Е.Я. Титаренко «Основы славянской аспектологии» создано на основе научных исследований и многолетнего опыта работы автора по обучению студентов-филологов – как носителей русского языка, так и иностранцев, для которых русский язык не является родным, – тео-

ретическим основам аспектологии и практическому употреблению категории вида глагола в речи. Научной платформой курса является аспектологическая теория и теория фазовости глагольного процесса, разработанная в конце XX в. доктором филологических наук, профессором О.М. Соколовым и его работающими в России, Украине, Польше и других странах последователями, к числу которых относится и автор пособия.

Е.Я. Титаренко развивает теорию имплицитной грамматики, уделяя пристальное внимание имплицитным аспектуальным категориям, таким как предельность, единичность, повторяемость, временная локализованность, фазовость.

Категория вида славянского глагола является весьма важной и в то же время сложной темой для обучающихся на филологических специальностях, учебные пособия по виду глагола всегда актуальны, специалистам известны пособия ведущих российских лингвистов: Е.В. Петрухиной¹, Е.Н. Ремчуковой² и др. В рецензируемом учебном пособии Е.Я. Титаренко содержится как обзор основных теоретических положений современной аспектологии, изложение традиционных взглядов и устоявшихся терминов, критический анализ решений «коренных» спорных вопросов аспектологии, отражающих поиск семантического инварианта совершенного и несовершенного вида, так и нетрадиционное, авторское понимание некоторых имплицитных аспектуальных категорий. Цель автора пособия не в том, чтобы дать готовые ответы на сложные теоретические вопросы аспектологии, а поставить эти вопросы перед учащимися по-новому, побудить творческую мысль, показать нестандартные подходы и решения, оставляя простор для самостоятельного научного творчества магистрантов.

Учебное пособие состоит из двух частей. В первой части излагаются теоретические основы курса. Это тексты лекций: «Из истории становления аспектологии как науки (общий обзор)»; ««Коренные вопросы» аспектологии»; «Семантические инварианты видов»; «Фазовость как лексико-грамматическая категория»; «Способы выражения фазовости в русском языке»; «Фазовая парадигма глагола».

Вторая часть посвящена практическим занятиям. Здесь имеются упражнения, разработанные автором для отечественных и иностранных студентов, задания для самостоятельной работы, контрольные тесты и вопросы.

Е.Я. Титаренко является автором теории фазовой парадигматики русского глагола, которая в доступной для студентов форме изложена в учебном пособии. Эта теория в течение последних лет апробируется на материале украинского, белорусского, словенского языков. В практической

¹ Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2009. 207 с.

² Ремчукова Е.Н. Морфология современного русского языка: Категория вида глагола: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2012. 138 с.

части пособия магистрантам предлагается самостоятельно составить фазовые парадигмы русских или украинских глаголов, используя схему и методику работы, предложенную автором.

Таким образом, в результате освоения курса «Основы славянской аспектологии» магистранты будут знать не только общие теоретические положения, терминологию, современное состояние данной науки со всеми ее спорными вопросами и дискуссионными проблемами, но и попробуют свои силы в самостоятельном научном исследовании, что способствует формированию необходимых компетенций основной профессиональной образовательной программы.

В качестве пожелания автору можно высказать следующее: при наличии значительных разногласий в трактовке многих, в том числе самых важных, базовых аспектологических терминов, было бы целесообразно представить в пособии глоссарий.

Учебное пособие предназначено для магистрантов филологических специальностей, аспирантов, преподавателей высшей школы. Кроме того, оно может использоваться в целях обучения русскому языку как иностранному, особенно его практическая часть – упражнения, многие из которых ориентированы именно на иноязычных учащихся.

**THE REVIEW OF TITARENKO'S TEXTBOOK
"FUNDAMENTALS OF SLAVIC ASPECTOLOGY"
(Simferopol, Publishing house of Crimean Federal University, 2020, 118 p.)**

G.Yu. Bogdanovich

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Abstract: E.Ya. Titarenko's textbook "Fundamentals of Slavic Aspectology" (Simferopol, 2020) has been reviewed. The textbook reflects both generally accepted and debatable scientific positions of modern Aspectology, as well as the author's unconventional views on certain implicit aspectual categories. The manual contains texts of lectures and tasks for practical training.

Key words: aspectology, Russian verb, phase, aspect.

For citation:

Bogdanovich, G.Yu. (2020), The review of Titarenko's textbook "Fundamentals of Slavic aspectology" (Simferopol, Publishing house of Crimean Federal University, 2020, 118 p.). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 951-954. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).951-954. (in Russian).

About the author:

Bogdanovich, Galina Yurievna, Prof., Head of the Department of Interlanguage Communications and Journalism, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism of the Taurida Academy

Corresponding author:

Postal address: 2, Vernadskogo pr., Simferopol, 295007, Russia

E-mail: bgdnvch@mail.ru

Received: September 8, 2020

Accepted: November 2, 2020

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакции других журналов.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям международных рецензируемых изданий (РИНЦ, Web of Science, Scopus и др.) т.е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.

2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **150–200 слов**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи. **Структура аннотации:** введение (постановка проблемы), цель и задачи, материал, методы исследования, результаты, заключение (выводы).

3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации) – после основного текста статьи (см. образец оформления статьи).

4. Полный текст статьи на русском или английском языке. Объем статьи – 8–15 страниц (14 шрифт, интервал – 1), 20000–40000 знаков с пробелами.

Основной текст должен быть разделен на озаглавленные смысловые части и содержать: 1. Введение (постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы). 2. Описание материала и методов исследования. 3. Представление результатов/Обсуждение (описание проведенного анализа и полученные результаты). Возможны подразделы. 4. Заключение (основные выводы исследования).

5. Рисунки и графики принимаются только в высоком качестве (не менее 300 пикселей). Убедитесь в том, что таблицы и рисунки пронумерованы в порядке появления в статье и снабжены соответствующими пояснениями в тексте. Подписи к таблицам оформляются более мелким шриф-

том и располагаются над таблицей; подписи к рисункам оформляются более мелким шрифтом и располагаются под рисунком. Таблицы и рисунки не должны выходить за поля текста.

6. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи. Количество ссылок должно содержать не менее 20 наименований. Ссылки на работы автора статьи – не более 20 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 30 %. Работы, опубликованные за последние 5–10 лет, – не менее 30 %. Во всех источниках должны быть проставлены страницы, год выпуска, город и издательство. Список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенная курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации (с указанием publ.). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объем) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений (см. ниже образец оформления статьи). При оформлении References используется стандарт «Harvard».

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно как если речь идет о «типовых» названиях (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описание дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

Источники в списке литературы на латинице представляются в том же порядке, что и в списке на русском.

8. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

9. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

10. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),

(Огонек. 2013. №1),

(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),

(<http://file-rt.ru/analytics/54> 3.03.2013).

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по курсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>.

References

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Часть книги: Searle, J. (1986), Indirect speech acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), Zаметки k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>. (in Russian).

Образец оформления статьи

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы
References

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском языке)

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (ссылка на грант)

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и научный стиль, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна

Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)

INFORMATION FOR AUTHORS

Submission Guidelines

The Editorial Board invites to cooperate all experts interested in Communication Studies and related subjects. The materials are published both in Russian and English languages.

The Journal is published four times a year. Authors should not submit an article to the journal that is already published in another journal, as well as an article that is under consideration in another journal.

The article should comply with Russian Science Citation Index (RSCI), Web of Science and Scopus, i.e. in addition to the main text the article should include the following information in Russian and English languages:

1. Universal Decimal Classification.

2. Title of the article (in capital letters); initials and surname of the author (s); abstract (summary); key words (5-8 words separated by a comma) provided in Russian. Please, pay attention to the fact that the volume of an abstract to the article in the international Journal is usually about 150-200 words. The abstract should be prepared independently, and not to repeat the pieces of a paper.

3. Information of the item 2 in the same sequence – in English (full name of the author (s) – transliterated) – after the main text of the article (See an example below).

4. The full text of the article in English or Russian. The length of the article is 8-15 pages (14 pts font, single-spaced).

The main text should be divided into the semantic parts with headlines and include: 1. Introduction (the formulation of the issue, relevance, a brief review of the scientific literature on the topic, a clear object of the work). 2. Description of the material and methods of research. 3. Presentation of results / Discussion (description of the analysis and results obtained). Possible subsections. 4. Conclusion (main findings of the research).

5. Pictures and graphics are accepted only in high resolution (at least 300 pixels). Make sure that the tables and figures are numbered in the order in which they appear in the article and are provided with corresponding explanations in the text. The captions to the tables are made in a smaller font and are placed above the table; the captions to the pictures are made in a smaller font and are placed under the picture. Tables and pictures should not be outside the text area.

6. References in Russian. References should be listed alphabetically, in the case of multiple references to one author – chronologically. The list of references should include all and only references that are actually mentioned in the text. The number of references must be at least 20. References to your works – no more than 20 %. References to sources in a foreign language at least 30 %.

Works published for the past 5-10 years – not less than 30 %. All sources should be presented with pages, year of issue, city and publishing house.

7. References in the Latin alphabet: transliteration of the author's name; year of publication (in parentheses); the italicized transliteration of the source name and – in square brackets – its translation into English; if it is a publication in a collected articles or a journal, the name of the material should be given by a similar principle mentioned above, not emphasizing in italics and separating from the source name by a point; English version of the publication and transliteration of the name of the publishing organization (indicating publ.). Other data (information about the editors or contributors, information about the publication, issue number, volume) are translated into English using the adopted abbreviations (See an example below).

If imprint of the source has already some translation of the necessary elements (usually in the case of journal publications or translated literature), as well as in the case of common titles (for example, “collected works” or “explanatory dictionary”), in the description of the source it is enough to provide only the translation, without any transliteration, but, please, give the source language in parentheses at the end of the description (in Russian).

Sources in the references in the Latin alphabet are presented in the same order as in the references in Russian.

8. Provide a list of sources of speech illustrations in case if the author considers it is necessary to present. It is made out separately under the name “Sources” according to the above mentioned rules.

9. Information about the authors: name, surname, academic degree; academic title; position at the organization, organization; legal address of the organization (not your home address); E-mail of the author (s).

10. Information of the item 8 in English in the same sequence: surname, name of the author (s); academic degree; academic title; position; name of the organization; the legal address of the organization; E-mail.

Key Formatting Issues

Use Times New Roman: 14 pts fonts for the main text, 12 pt for references, abstracts and key words. All text should be single-spaced. Indent the first line of each paragraph by 10 mm. All margins are 20 mm. When submitting the article including notes and references, keep the text for your manuscript under 30,000 characters, including spaces, remarks and references.

It is essential that the references are formatted to the specifications given in these guidelines. This Journal uses the “Author-Date” style [Ivanov 2008:25].

Speech illustrations are typed in italics, bold, and without quotation marks.

Reference to the source of actual material is made in parentheses in the following ways:

(Ulitskaya L. Sacred garbage),
(Elsevier. 2013. No.1),

(NTV. Today. 7.08.2013),
(<http://file-rf.ru / analitics / 54 3.3.2013>).

Footnotes should be kept to an absolute minimum. Note indicators in the text should appear at the end of sentences or phrases, and follow the respective numeration. Footnotes should preferably be placed at the end of the page.

Abbreviations, symbols and citations are made in accordance with generally accepted standards.

We draw authors' attention to the fact that in the international journal some information is presented in English (the headings of articles, abstracts, key words, the names of organizations to which the author is assigned, and imprint). Authors are responsible for the quality of the translation. The other part, which is not translated into English (authors' names, Russian names of primary sources in references, names of organizations and publishers), presented in the original in Cyrillic, must be represented in the Roman (Latin) alphabet in one of the adopted transliteration systems (BSI is preferable).

This requirement is mandatory in journals peer-reviewed by the international scientific citation systems Web of Science and Scopus.

Example of references in Russian and English

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2006).

References

Book: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Article: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Part of a book: Searle, J. (1986), *Indirect speech acts. Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Conference proceedings: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Electronic resource: Guseinov, G.Ch. (2000), Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2006).

Example of an article in Russian

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы

References

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Example of an article in English

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Text of the article Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [1]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [2]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [3].

References

References (in Russian)

Name of the article (in Russian)

Author (s) name, name of the organization (in Russian)

Abstract and key words (in Russian)

Please note: we will not accept the materials that do not meet the subject area of the Journal nor fit the above mentioned requirements.

Each submitted article is reviewed by two anonymous reviewers among Russian and foreign scientists with expertise in the article issues. The article is sent to the reviewers anonymously, that is without the name of the author of the article and its data. The reviewer should evaluate the article compliance with the subject area of the Journal, urgency and originality of the work, material and language analysis, write a brief justification / recommendations. Notes contained in the reviews (if any) are sent to the author (without the name of the reviewer). The Editorial Board makes a decision whether to publish the article or not, taking into account the opinion of the reviewer.

Contact information

Dostoevsky Omsk State University, Prospekt Mira 55A, Omsk, Russia
Faculty of Philology and Media Communications. Tel.: +7 (3812) 229-815
Chair of Theoretical and Applied Linguistics. Tel.: +7 (3812) 670-620

Editor-in-chief Oxana Sergeevna Issers

Executive editor Marina Viktorovna Terskikh (terskih@mail.ru)